

СОЧЕТАНИЕ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ
С ПЕРВОКЛАССНЫМ ДЕТЕКТИВОМ.
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КНИГА.

Independent on Sunday

Смена

Расследует Мэтью Шардлейк

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Мэтью Шардлейк

Кристофер Сэнсом

Стенание

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Сэнсом К. Д.

Стенание / К. Д. Сэнсом — «Азбука-Аттикус», 2014 — (Мэтью Шардлейк)

ISBN 978-5-389-20334-1

Англия, 1546 год. Последний год жизни короля Генриха VIII. Самый сложный за все время его правления. Еретический бунт, грубые нападки на королеву, коренные изменения во внешней политике, вынужденная попытка примирения с папой римским, а под конец – удар ниже пояса: переход Тайного совета под контроль реформаторов... На этом тревожном фоне сыщик-адвокат Мэтью Шардлейк расследует странное преступление, случившееся в покоях Екатерины Парр, супруги Генриха, – похищение драгоценного перстня. На самом деле (Шардлейк в этом скоро убеждается) перстень – просто обманка. Похищена рукопись королевы под названием «Стенание грешницы», и ее публикация может стоить Екатерине жизни... В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду таких известных персонажей, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вулф и комиссар Мегрэ. Ранее книга выходила под названием «Плач».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20334-1

© Сэнсом К. Д., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

От автора	9
Действующие лица и их место в спектре политической и религиозной жизни Англии	10
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	69
Глава 9	78
Глава 10	89
Глава 11	98
Глава 12	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

К. Дж. Сэнсом Стенание

C. J. Sansom LAMENTATION
Copyright © C. J. Sansom, 2014
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Кононова
Оформление обложки Владимира Гусакова
Карта и изображение генеалогического древа изготовлены Владимиром Гусаковым
Ранее книга выходила под названием «Плач».

© М. В. Кононов, перевод, 2016, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

• the big book. •

КНИГИ К. ДЖ. СЭНСОМА
О МЭТЬЮ ШАРДЛЕЙКЕ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»:

Горбун лорда Кромвеля

Темный огонь

Суверен

Седьмая чаша

Каменное сердце

Стенание

К. ДЖ. СЭНСОМ

Стенание

Санкт-Петербург

*Посвящается моим стойким соратникам-литераторам:
Роз Броди, Майклу Холмсу, Йену Кингу и Уильяму Шоу –
с благодарностью за все их замечания и предложения по поводу
последних семи книг*

От автора

Хотя современному читателю отдельные детали религиозных разногласий, о которых говорится в этом романе, и могут показаться несущественными, однако в Англии в 40-х годах четырнадцатого столетия это было буквально вопросом жизни и смерти. В 1532–1533 годах Генрих VIII отверг верховенство папы римского над английской Церковью, но позже, вплоть до конца своего правления, он постоянно колебался между сохранением старых католических обычаев и переходом к новым, протестантским. Тех, кто предпочитал традиционные устои – или даже мечтал вернуться в лоно Рима, – именовали по-разному: консерваторами, традиционалистами и даже папистами. Те же, кто желал перехода к лютеранским, а позже к кальвинистским порядкам, стали называться радикалами или протестантами. Термины «консерваторы» и «радикалы» имели тогда совершенно иной смысл; в привычном нам значении, связанном с социальными реформами, они стали употребляться значительно позже.

В 1532–1538 годах многие люди переходили из одного лагеря в другой: кто по искреннему убеждению, а кто и просто чтобы спасти свою шкуру – приспособленцев всегда хватало. Некоторые, хотя и не все, религиозные радикалы считали, что государство должно бороться с бедностью, однако и радикалы, и консерваторы в равной мере ужасались идеям анабаптистов. Представители этого немногочисленного религиозного движения всегда были настоящим пугалом для политической элиты, поскольку верили, что истинное христианство зиждется на принципах общности имущества и социального равенства.

В 1546 году одним из ключевых моментов стала приверженность традиционной католической доктрине о пресуществлении: предполагается, что когда священник во время мессы освящает хлеб и вино, они преобразуются в истинные тело и кровь Христовы, и это дает христианину возможность соединиться с Богом. Это было традиционное верование, от которого Генрих VIII никогда не отклонялся. Мало того, в 1539 году он издал Акт о шести статьях, согласно которому отрицание пресуществления объявлялось изменой и наказывалось сожжением у позорного столба. Это был второй важнейший документ после Акта о супрематии – принятого в 1534 году закона, провозгласившего короля (а вовсе не папу римского) единственным верховным земным главой Церкви Англии.

Политическая жизнь Англии летом 1546 года была полна драматических событий. Так, протестантская проповедница Энн Аскью была действительно сожжена на костре по обвинению в ереси. Перед этим ее жестоко пытали в Тауэре, и она оставила документальный отчет о своих страданиях, ухитрившись передать на волю рукопись книги «Испытания». Празднования по случаю прибытия в Лондон французского адмирала д'Аннебо и впрямь имели место, причем сохранились описания этого визита. История про Бергано также не выдумана. Кроме того, существовал заговор традиционалистов с целью сместить королеву Екатерину Парр. Она действительно написала книгу под названием «Стенание грешницы», которая была опубликована только после смерти Генриха VIII. Впрочем, история о краже рукописи является авторским вымыслом.

Дворец Уайтхолл, отобранный Генрихом у опального кардинала Томаса Уолси и значительно расширенный им, занимал примерно то место, где сейчас располагаются Скотленд-Ярд и Даунинг-стрит. Это было воистину грандиозное сооружение, одно из крупнейших в Европе. К сожалению, после двух случайных опустошительных пожаров в 1691 и 1698 годах дворец сгорел до основания. До наших дней из всего комплекса сохранилась лишь одна-единственная постройка – Пиршественный зал, однако во времена Тюдоров ее еще не было.

Действующие лица и их место в спектре политической и религиозной жизни Англии

В романе присутствует великое множество персонажей, прототипы которых действительно жили в то время, однако, разумеется, описывая личности этих людей, автор дал волю своему творческому воображению. Итак:

КОРОЛЕВСКОЕ СЕМЕЙСТВО

Король Генрих VIII
Королева Екатерина Парр
Принц Эдуард (8 лет, наследник трона)
Леди Мария (30 лет, горячая сторонница традиционализма)
Леди Елизавета (12–13 лет)

СЕМЕЙСТВО ЕКАТЕРИНЫ ПАРР (ВСЕ РЕФОРМАТОРЫ)

Лорд Уильям Парр, ее дядя
Сэр Уильям Парр, ее брат
Леди Анна Герберт, ее сестра
Сэр Уильям Герберт, ее зять, муж Анны

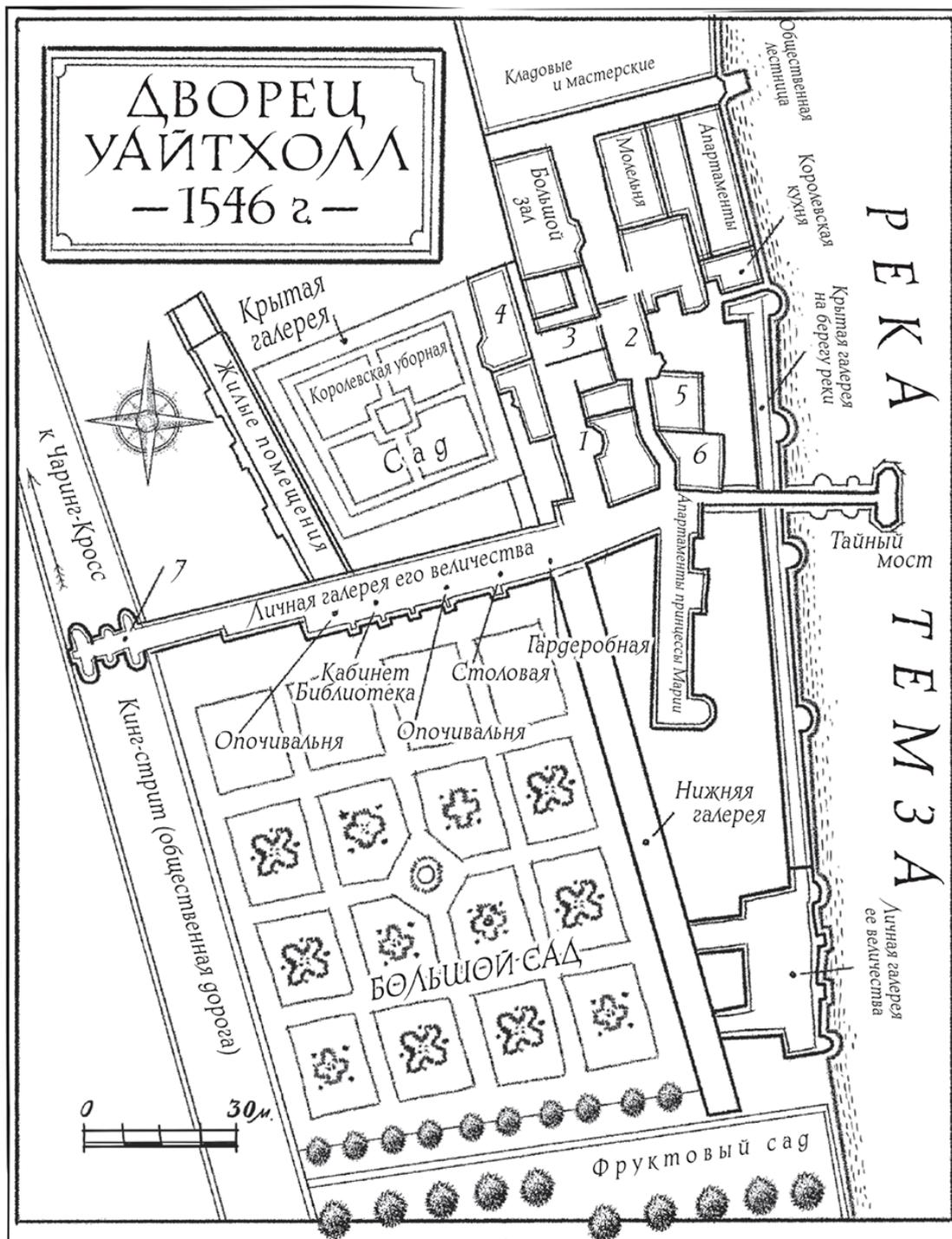
ЧЛЕНЫ КОРОЛЕВСКОГО ТАЙНОГО СОВЕТА

Джон Дадли, герцог Нортумберленд (реформатор)
Эдуард Сеймур, граф Хартфорд (реформатор)
Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский (реформатор)
Томас Ризли, лорд-канцлер (не имеет твердой религиозной приверженности)
Сэр Ричард Рич (не имеет твердой религиозной приверженности)
Сэр Уильям Пейджет, личный секретарь короля (не имеет твердой религиозной приверженности)
Стивен Гардинер, епископ Винчестерский (традиционалист)
Томас Говард, герцог Норфолк (традиционалист)

ПРОЧИЕ

Уильям Уилл Соммерс, шут короля
Джейн, шутиха королевы Екатерины и леди Марии
Мэри Оделл, фрейлина королевы Екатерины
Уильям Сесил, впоследствии главный министр и советник королевы Елизаветы I
Сэр Эдмунд Уолсингем
Джон Бойл
Энн Аскью (в замужестве Кайм)

1. Личные покои короля
2. Приемная королевы
3. Приемная короля
4. Помещение королевской стражи (большая комната наверху)

5. Личные покои королевы
6. Опочивальня королевы
7. Гольбейновы ворота (также известные как Большие ворота), над которыми располагался тайный кабинет его величества

Глава 1

Откровенно говоря, мне очень не хотелось присутствовать на казни. Я не любитель даже таких зрелищ, как травля медведя, а тут – за отрицание учения о превращении хлеба и вина в тело и кровь Христовы – собирались заживо сжечь у позорного столба четырех человек, в том числе и молодую женщину. Вот до чего докатились мы в Англии в 1546 году во время охоты за еретиками!

Меня вызвали прямо из конторы в Линкольнс-Инн¹ к нашему казначею, мастеру Роуленду. Несмотря на мой статус сержанта юриспруденции², самый высокий для барристеров³, мастер Роуленд не слишком меня жаловал. Думаю, его самолюбие так и осталось уязвленным с тех самых пор, как три года назад я – совершенно заслуженно – продемонстрировал ему свое неуважение. Сейчас, здороваясь со снующими туда-сюда юристами в черной одежде, я перешел мощенную красным кирпичом площадь, залитую ярким солнечным светом, и посмотрел на окна Стивена Билкнэпа. Это был мой старый враг, как в суде, так и вне его стен. Окна были плотно закрыты ставнями. Билкнэп болел с начала года, и уже много недель его никто не видел. Говорили, что он якобы при смерти.

Подойдя к кабинету казначея, я постучал в дверь, и резкий голос пригласил меня войти. Роуленд сидел за столом в своей просторной резиденции – все полки вдоль стен помещения были сплошь уставлены тяжеленными юридическими фолиантами, демонстрируя статус его хозяина. Роуленд был уже старым, разменявшим седьмой десяток человеком, тощим как щепка, но твердым как дуб, с узким лицом, морщинистым и вечно нахмуренным. Он щеголял седой бородой, длинной и раздвоенной по нынешней моде, тщательно расчесанной и доходящей до середины его шелкового камзола. Казначей очинивал гусиное перо и, когда я вошел, поднял на посетителя глаза. Пальцы у него, как и у меня, были в пятнах чернил от многолетней бумажной работы.

– Дай вам Бог доброго утра, сержант Шардлейк, – проговорил он своим пронзительным голосом и отложил ножик.

Я поклонился:

– И вам тоже, мастер казначей.

Роуленд махнул рукой в сторону табурета и сурово посмотрел на меня:

– Ну что, как поживаете? Много ли разбирательств внесено в список Михайловской судебной сессии, которая состоится в сентябре?

– Довольно много, сэр.

– Я слышал, что вы больше не получаете никаких дел от Роберта Уорнера, адвоката королевы, – как бы невзначай заметил казначей. – Вот уже целый год.

– У меня куча других дел, сэр. Все время занимает работа с гражданскими исками.

Мой собеседник наклонил голову:

– Я также слышал, что некоторых придворных королевы Екатерины допрашивали в Тайном совете. За еретические воззрения.

– Да, ходят такие слухи. Но в последние месяцы кого только не допрашивали!

– В последнее время я частенько видел вас на мессе в церкви нашего инна. – Роуленд сардонически улыбнулся. – Проявляете должное благочестие? Что ж, сие разумно в наше бур-

¹ *Линкольнс-Инн* – одна из четырех юридических корпораций Лондона, существующих и по сей день (наряду с Грейс-Инн, Миддл-Темпл и Иннер-Темпл).

² Сержанты юриспруденции представляли собой высший разряд барристеров в английском суде, небольшую элитную группу адвокатов, носивших специальную одежду, основным отличием которой являлась особая шапочка.

³ *Бáрристеры* – в Великобритании одна из двух категорий адвокатов, которые ведут дела; являются адвокатами более высокого ранга, чем солиситоры.

ное время. Посещать богослужения, избегать нежелательных дискуссий, следовать желаниям короля...

– Совершенно верно, сэр.

Казначей взял очиненное перо, поплевал на него, чтобы размягчить, и вытер о тряпочку, а потом снова пронзительно взглянул на меня:

– Вы слышали, что миссис Энн Аскью приговорена к сожжению вместе с тремя прочими еретиками? Казнь состоится в пятницу, шестнадцатого июля.

– В Лондоне только об этом и говорят. Некоторые утверждают, что после вынесения приговора ее якобы пытали в Тауэре. Вот уж странно...

Роулэнд пожал плечами:

– Уличные сплетни. В любом случае эта женщина получит по заслугам! Это же надо: бросить мужа и явиться в Лондон, чтобы читать проповеди, явно противоречащие «Акту о шести статьях»... Отказаться переменить веру, публично спорить с уважаемыми судьями... – Он покачал головой, а потом подался вперед. – Сожжение станет грандиозным зрелищем. Ничего подобного не случилось вот уже много лет. Его величество хочет показать, к чему приводит ересь. На казни будет присутствовать половина Тайного совета.

– Но не сам король? – уточнил я.

– Нет.

Я вспомнил, что весной Генрих серьезно заболел и с тех пор редко появлялся на публике.

– Его величество желает, чтобы там были представители от всех лондонских гильдий, – заметил Роулэнд, после чего сделал паузу и добавил: – И от всех судебных корпораций. Решено послать от Линкольнс-Инн вас.

Я в изумлении уставился на него:

– Меня, сэр? Но почему?

– У вас меньше социальных и церемониальных обязанностей, чем полагается человеку вашего ранга, сержант Шардлейк. Похоже, на это дело нет охотников, поэтому решать приходится мне. Думаю, пришла ваша очередь.

Я вздохнул:

– Знаете, я всегда был слабоват для таких поручений. Если хотите, я готов выполнить какое-нибудь более сложное дело, но иного характера. – Я глубоко вдохнул. – Прошу вас, не посылайте меня туда. Это будет ужасно. Я никогда не видел казни через сожжение, и у меня нет ни малейшего желания на это смотреть.

Роулэнд пренебрежительно махнул рукой:

– Вы слишком привередливы. Это странно для фермерского сына... Вы же видели экзекуции, я знаю. Когда вы работали у лорда Кромвеля, он заставил вас присутствовать при отсечении головы Анны Болейн. Так ведь?

– Да. И это было ужасно. А теперь будет еще хуже.

Казначей похлопал по бумагам на столе:

– Мне прислали официальный запрос с требованием отправить на казнь представителя от нашего инна. Подписано, между прочим, самим Уильямом Пейджетом, личным секретарем короля. Я должен сообщить ему имя сегодня же вечером. Мне очень жаль, сержант Шардлейк, но я решил, что пойдете вы. – Он встал, давая понять, что разговор закончен.

Я тоже встал и снова поклонился.

– Благодарю вас за желание глубже погрузиться в деятельность инна, – сказал Роулэнд снова спокойным голосом. – Я посмотрю, какие еще... э-э-э... – он замаялся, подыскивая подходящее слово, и наконец неуверенно произнес: – ...мероприятия планируются на ближайшее время.

В день казни я проснулся рано. Сожжение было назначено на середину дня, но я находился в столь удрученном состоянии, что решил не ходить с утра в Линкольнс-Инн. Мой эконом Мартин Броккет, пунктуальный как всегда, ровно в семь принес мне в спальню льняные полотенца и кувшин с горячей водой и, пожелав доброго утра, выложил рубашку, камзол и летнюю мантию. Как обычно, его манеры были безупречны: управляющий держался серьезно, спокойно и почтительно. С тех пор как он со своей женой Агнессой начал работать у меня зимой, мое домашнее хозяйство стало функционировать словно часовой механизм. Через приоткрытую дверь я слышал, как Агнесса беседует с моими слугами: напоминает мальчику Тимоти, что нужно принести свежей воды, и просит девушку Джозефину побыстрее позавтракать, чтобы успеть накрыть стол для меня. Она говорила с обоими очень дружелюбным тоном.

– С добрым утром, сэра, – рискнул поприветствовать меня Броккет. Это был человек лет сорока пяти, с уже начавшими редеть волосами и невыразительным, незапоминающимся лицом. – Похоже, день нынче будет прекрасный.

Я не говорил никому из домашних, что иду на казнь.

– Спасибо, Мартин, – поблагодарил я эконома. – Погода сегодня и впрямь хоть куда. Пожалуй, утром я поработаю у себя в кабинете, а после полудня мне нужно будет уйти.

– Хорошо, сэра. Ваш завтрак вот-вот будет готов. – Броккет поклонился и вышел.

Я встал, поморщившись от спазма в спине. К счастью, теперь это случалось реже – после того как я стал прилежно делать упражнения, которые прописал мне мой друг доктор Гай Малтон.

Мне бы хотелось чувствовать себя с экономом свободнее. Мне нравилась его жена, но в холодной, скованной чопорности самого Мартина сквозило что-то такое, отчего общаться с ним всегда было нелегко. Умыв лицо и облачившись в чистую, благоухающую розмарином льняную рубашку, я подумал, что надо бы установить с Броккетом менее формальные отношения, и здесь я, как хозяин дома, должен проявить инициативу.

Затем я посмотрелся в стальное зеркало. И понял, что морщин прибавилось. Весной мне исполнилось сорок четыре. Морщины на лице, седина в волосах, сгорбленная спина... В соответствии с последней модой мой помощник Джек Барак недавно отрастил себе опрятную русую бородку – пару месяцев назад я попытался отпустить такую же, но потом сбрил ее: в бороде тоже пробивалась седина, и я считал, что это мне не к лицу.

Через окно с тонким переплетом я посмотрел на сад, где разрешил Агнессе установить несколько ульев и посадить цветы. Последние улучшили вид и, кроме приятного запаха, приносили еще и практическую пользу. Вокруг них жужжали пчелы, пели птички, и все было ярким и полным цвета. Подумать только, в такой прекрасный летний день молодую женщину и троих мужчин, которых объявили еретиками, ожидает ужасная смерть!

Мои глаза обратились к письму на столике у кровати. Оно пришло из Антверпена, из Испанских Нидерландов, где жил мой девятнадцатилетний подопечный Хью Кертис, который работал там у английских купцов. Теперь Хью был счастлив. Первоначально он собирался учиться в Германии, но вместо этого остался в Антверпене и обнаружил неожиданный интерес к торговле тканями, особенно увлекшись поисками и оценкой редких сортов шелка и новых материй – например, хлопка, поступающего из Нового Света. Письма Хью было приятно читать: он явно получал удовольствие от своей работы, а также от интеллектуальной и социальной свободы большого города, от посещения рынков, участия в дискуссиях и чтениях в палатах риторики – так назывались местные общества любителей литературы и театра. Хотя формально Антверпен являлся частью Священной Римской империи, католический император Карл V Габсбург не вмешивался в дела живших там протестантов – он не смел ставить под удар банкиров Фландрии, которые финансировали его войны.

Хью никогда не упоминал о мрачной тайне, которую мы хранили после нашей встречи в прошлом году⁴, и все его послания были насквозь пропитаны оптимизмом. Впрочем, в этом письме содержались новости о прибытии в Антверпен множества английских беженцев: *«Все они, увы, находятся в плачевном состоянии и обращаются за помощью к местным купцам. Это реформаторы и радикалы, боящиеся попасть в сеть преследований, которую, по их словам, епископ Гардинер накинул на всю Англию».*

Тяжело вздохнув, я оделся и спустился к завтраку: дальше оттягивать было уже просто нельзя, какие бы страшные перспективы и ни сулил нынешний день.

Охота на еретиков началась весной. Что касается религии, то здесь нашему королю всегда была присуща переменчивая политика, и зимой чаша весов словно бы склонилась в пользу реформаторов: Генрих убедил парламент дать ему право уничтожить часовни, где священники получали деньги по завещанию жертвователей, желавших, чтобы те отслужили мессу за упокой их души. Правда, как и многие другие, я подозревал, что монарх в данном случае руководствовался вовсе не религиозными, а финансовыми мотивами: война с Францией обходилась очень дорого, а англичане по-прежнему оставались осажденными в Булони. Генрих VIII продолжал добавлять в монеты все больше меди, и в результате цены взлетели до небес. Самые новые шиллинги были покрыты лишь тонким слоем серебра, который быстро изнашивался. Король получил в народе прозвище Старый Медный Нос. Деньги невероятно обесценились: хотя в шиллинге традиционно было двенадцать пенсов, за новые монеты торговцы не давали и шести.

А потом, в марте, вернулся с переговоров с императором Священной Римской империи епископ Стивен Гардинер – самый консервативный из королевских советников, когда дело касалось религии. В апреле пошли слухи, что людей высокого и низкого звания хватают и допрашивают за отрицание пресуществления и за обладание запрещенными книгами. Допросы коснулись даже придворных короля и королевы, а на улицах поговаривали, что якобы Энн Аскью, самая известная из протестантов, приговоренных за ересь, была связана с двором ее величества, где проповедовала свои взгляды среди фрейлин. Я не встречался с королевой Екатериной с тех пор, как год назад расследовал по ее поручению одно довольно опасное дело, и знал, к огромному своему сожалению, что вряд ли снова увижу ее впредь. Но я часто думал об этой милой и благородной женщине и очень боялся за нее, поскольку обстановка все накалялась: только на прошлой неделе был издан указ с подробным списком книг, которые категорически запрещалось иметь, и вскоре придворный Джордж Блэгг, до этого пользовавшийся покровительством короля, был объявлен еретиком и приговорен к сожжению на костре.

Я давно уже не симпатизировал в этой религиозной сваре ни той, ни другой стороне и иногда сомневался в самом существовании Бога, но исторически сложилось так, что я оказался связан с реформаторами, и потому, как и большинство людей в этом году, старалсяшний раз не высовываться и держать рот на замке.

Из дома я вышел в одиннадцать. Тимоти вывел моего доброго коня по кличке Бытие к входной двери и установил специальную лесенку, чтобы я мог сесть верхом. Мальчику уже было тринадцать лет, он сильно вытянулся и превратился в худого и нескладного подростка. Весной я отдал своего предыдущего слугу, Саймона, в ученики к торговцу и планировал сделать то же самое и для Тимоти, когда ему исполнится четырнадцать: надо же мальчику как-то устраивать свою жизнь.

– Доброе утро, сэр. – Юный слуга улыбнулся мне своей застенчивой улыбкой, продемонстрировав отсутствие двух передних зубов, и убрал со лба спутанные волосы.

⁴ История Хью Кертиса рассказана в романе К. Дж. Сэнсома «Каменное сердце»; Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021.

– Доброе утро, молодой человек, – поприветствовал я его. – Как твои дела?

– Хорошо, сэр.

– Наверное, скучаешь по Саймону?

– Да, сэр. – Парнишка потупился, передвигая ногой камешек на земле. – Но ничего, я справляюсь.

– Ты хорошо справляешься, – поощрил я его. – Но, возможно, пора поговорить и о твоём обучении ремеслу. Ты задумывался, чем хотел бы заниматься в будущем?

Слуга уставился на меня, и внезапно в его карих глазах вспыхнула тревога.

– Нет, сэр... Я... я предпочел бы остаться здесь. – Он отвел глаза и теперь смотрел на мостовую.

Тимоти всегда был тихоней, в нем не было уверенности Саймона, и я понял, что перспектива выхода в большой мир пугает его.

– Что ж, – успокоил я своего подопечного, – торопиться некуда. – (Мальчик как будто воспринял это с облегчением.) – А теперь мне пора. – Я вздохнул. – Дела.

Я проехал через ворота Темпл-Бар и свернул на Гиффорд-стрит, которая вела к Смитфилдской площади. Многие направлялись в ту сторону по пыльной дороге: некоторые верхом, большинство пешком, богатые и бедные, мужчины и женщины... Я даже заметил нескольких детей. Часть людей, особенно те, кто были одеты в темные одежды, которые предпочитали радикалы, шли с серьезным видом, другие демонстрировали безразличие, а у третьих на лицах читалось предвкушение, словно бы они направлялись на некое увеселительное мероприятие. Я надел под черную шляпу свою белую сержантскую шапочку и уже начал потеть от жары. К тому же я с раздражением вспомнил, что во второй половине дня у меня назначена встреча с самой трудной моей клиенткой, миссис Изабель Слэннинг, чье дело – спор с братом о наследстве, доставшемся им от матери, – было наиболее глупым и затратным из всех, с какими я когда-либо сталкивался.

Я обогнал двух молодых подмастерьев в синих камзолах и шапках.

– Зачем устраивать это в полдень? – ворчал один из них. – Там ведь даже тени никакой не будет.

– Не знаю. Наверное, есть какое-то правило. Жарче для доброй госпожи Аскью. Она нагреет себе задницу до исхода дня, – посмеивался второй.

На Смитфилдской площади уже собралась толпа. Открытое пространство, где дважды в неделю продавали коров и быков, было заполнено народом. Все смотрели на огороженное место в центре, которое охраняли солдаты в железных шлемах и белых плащах с крестом святого Георгия. В руках они держали алебарды, и вид у них был суровый: в случае какого-либо протеста солдаты были готовы решительно расправиться с мятежниками. Я с грустью посмотрел на них, невольно вспомнив о своих погибших друзьях-лучниках: я и сам чуть-чуть не отправился на тот свет, когда огромный корабль «Мэри Роуз», готовившийся отразить вторжение французов, трагически затонул в Соленте. А ведь прошел уже год, подумалось мне, почти день в день. В минувшем месяце стало известно, что война практически закончена, – переговоры с Францией и Шотландией были почти завершены, и осталось лишь уладить несколько формальностей. Вспомнив, как падали в воду молодые солдаты, я закрыл глаза. Для них мир настал слишком поздно.

Поскольку я сидел верхом, то обзор был очень хороший, даже лучше, чем мне хотелось бы. Я оказался рядом с ограждением, потому что толпа напирала и толкала всадников вперед. В центре огороженного пространства виднелись три дубовых столба семи футов высотой, вбитые в пыльную землю. У каждого сбоку было металлическое кольцо, через которое лондонские констебли продевали железные цепи. Они повесили на эти цепи замки и проверили, работают

ли ключи. Все делалось спокойно и деловито. Чуть в стороне другие констебли стояли вокруг огромной кучи хвороста – увесистых вязанок из тонких веток. Я был рад, что нынче выдалась сухая погода, так как слышал, что если дрова сырые, то огонь разгорается дольше и мучения жертв ужасно затягиваются. Напротив столбов высилась окрашенная в белый цвет деревянная кафедра. Перед сожжением непременно полагается проповедь – последний призыв к еретикам раскаяться. Читать ее должен был Николас Шекстон, бывший епископ Солсберийский, радикальный реформатор, приговоренный к сожжению вместе с другими, но публично отрекшийся от своих заблуждений ради спасения собственной жизни.

На восточной стороне площади, за рядом изящных, ярко раскрашенных новых домов, я увидел высокую старинную колокольню церкви Святого Варфоломея. Когда семь лет назад монастырь был ликвидирован, его земли перешли к члену Тайного совета сэру Ричарду Ричу, который и построил эти новые здания. Сейчас к их окнам припало множество зрителей. Перед монастырской сторожкой был воздвигнут высокий деревянный помост с навесом, выкрашенным в зеленый и белый – цвета правящей королевской династии, а на длинную скамью уложили яркие толстые подушки. Отсюда лорд-мэр и члены Тайного совета будут наблюдать за сожжением. Среди верховых в толпе я узнал многих городских чиновников и кивнул тем, с кем был знаком лично. Чуть поодаль собралась группа людей среднего возраста: они смотрели на происходящее серьезно и встревоженно. Услышав несколько слов на иностранном языке, я понял, что это фламандские купцы.

Вокруг меня стоял гул голосов, а также резкая вонь лондонской толпы, какая бывает жарким летом.

Люди оживленно переговаривались:

– Говорят, Энн Аскью пытали на дыбе, пока не порвались сухожилия на руках и ногах...

– По правилам никого нельзя пытать после вынесения приговора...

– И Джона Лэсселса тоже сожгут. Это он в свое время донес королю о флирте Екатерины Говард...⁵

– Я слышал, Екатерина Парр тоже попала в беду. Ох, как бы в скором времени наш король не завел себе седьмую жену...

– А их отпустят, если они отрекутся от своей веры и раскаются?..

– Поздно...

Рядом с навесом возникло какое-то движение, и все головы повернулись к группе людей в шелковых камзолах и шапках. У многих из них на шее были золотые цепи. Они вышли из здания у ворот в сопровождении солдат и медленно поднялись на помост. Потом перед ними выстроились солдаты, и пришедшие сели длинным рядом, поправляя свои шапки и цепи и глядя на толпу оценивающим суровым взглядом. Многие из них я узнал: там были лондонский мэр Боуз в красных одеждах и герцог Норфолк, постаревший и похудевший за шесть лет, что прошли с тех пор, как мы с ним виделись в последний раз, – его надменное суровое лицо выражало высокомерие. Рядом с герцогом сидел священнослужитель в белой шелковой сутане и черном стихаре поверх нее. Его я не знал, но догадался, что этот коренастый смуглый человек лет шестидесяти, с напоминающим клюв носом и большими темными глазами, которые то и дело обегали толпу, должно быть, и есть епископ Гардинер. Он наклонился и что-то тихо сказал герцогу Норфолку, а тот в ответ кивнул и сардонически улыбнулся. Многие говорили, что эти двое, будь их воля, вернули бы Англию в лоно Рима.

Рядом с ними сидели еще три знатные особы, возвысившиеся на службе Томасу Кромвелю, но после его падения переметнувшиеся в Консервативную партию Тайного совета: есть такие двуличные беспринципные люди, которые вечно гибнут и крутятся подобно флюгерам под дуновениями переменчивого ветра. Одним из них был Уильям Пейджет, личный сек-

⁵ *Екатерина Говард* (1523–1542) – пятая жена Генриха VIII, казненная по обвинению в супружеской измене.

ретарь короля, пославший письмо Роуленду. У него было широкое и плоское, как кирпич, лицо над кустистой темно-русой бородой, а его тонкие губы резко изогнулись и скривились вбок, образовав узкую прорезь. Говорили, что Пейджет близок к Генриху как никто другой, и этому хитроумному царедворцу дали прозвище Мастер Интриг.

Рядом с Пейджетом сидел лорд-канцлер Томас Ризли, которому подчинялось все юридическое сословие, высокий и худой, с торчащей рыжеватой бородкой, а чуть дальше – сэр Ричард Рич, все еще старший тайный советник, несмотря на то что два года назад против него были выдвинуты серьезные обвинения в казнокрадстве. В последние пятнадцать лет этот человек делал для короля самую грязную работу; про Рича рассказывали всякие ужасы, и я точно знал, что на его совести есть убийства. Это был мой старый враг, довольно опасный. Пока меня спасало от его происков только то, что я до сих пор еще оставался под защитой королевы. Однако теперь я с тяжелым чувством гадал, чего эта защита стоит в нынешние беспокойные времена. Я взглянул на Рича. Несмотря на жару, на нем был зеленый камзол с меховым воротником, и, к своему удивлению, я прочел на его изящном аристократическом лице тревогу. А также заметил, что его длинные волосы под расшитой драгоценностями шапкой совершенно поседели. Поигрывая золотой цепью, сэр Ричард оглядел толпу и вдруг поймал мой взгляд. Его лицо вспыхнуло, а губы сжались. Какое-то мгновение он смотрел на меня, но потом Ризли наклонился что-то сказать ему, и он отвел глаза. Меня пробрала дрожь, и моя тревога передалась Бытию, который стал перебирать копытами, – пришлось ласково похлопать коня, чтобы успокоить его.

Какой-то солдат осторожно пронес мимо меня корзину:

– Дорогу, дорогу! Это порох!

Услышав это, я обрадовался. По крайней мере, хоть какое-то проявление милосердия. Обвиненных в ереси предписывалось сжигать заживо, но в некоторых случаях власть имущие разрешали привязывать к шее приговоренного к казни мешочек с порохом: тот взрывался, когда до него добиралось пламя, и мгновенно убивал несчастного.

– Не надо пороха, пусть горят до конца! – запротестовал кто-то в толпе.

– Да, – согласился другой зевака. – Огненный поцелуй, такой легкий и мучительный...

Раздалось жуткое хихиканье.

Я посмотрел на второго всадника, тоже юриста в шелковом одеянии и темной шапке, который, пробравшись сквозь толпу, остановился рядом со мной. Он был на несколько лет моложе меня, с короткой темной бородкой и красивым, хотя и несколько угрюмым лицом, с которого честно и прямо смотрели пронизательные голубые глаза.

– Добрый день, сержант Шардлейк, – поприветствовал меня коллега.

– Здравствуйте, брат Коулсвин, – отозвался я.

Филипп Коулсвин был барристером из Грейс-Инн и моим оппонентом в злополучном деле о завещании миссис Коттерстоук, матери миссис Слэннинг. Он представлял интересы брата моей клиентки, который был таким же вздорным и неприятным, как и его сестра. И тем не менее, хотя нам, как их доверенным лицам, приходилось скрещивать мечи, я находил самого Коулсвина вежливым и честным человеком: Филипп явно был не из тех адвокатов, которые, если посулить им хорошие деньги, с энтузиазмом берутся за любые, самые грязные дела. Я догадывался, что собственный клиент так же раздражает его, как и меня миссис Слэннинг, а кроме того, слышал, что сам он – закоренелый протестант. В общем-то, мне было все равно, каких взглядов он придерживается, но в те дни религиозные убеждения каждого были очень важны.

– Вы представляете здесь Линкольнс-Инн? – спросил Коулсвин.

– Да. А вас, наверное, избрали от Грейс-Инн?

– Угадали. Я очень не хотел идти.

– Как и я.

– До чего же все это жестоко. – Филипп прямо взглянул на меня.

– Согласен. Жестоко и ужасно.

– Скоро они объявят противозаконным почитание Бога, – с легкой дрожью в голосе проговорил мой коллега.

Я ответил уклончивой фразой, но сардоническим тоном:

– Наш долг почитать Бога так, как предписывает король.

– Да уж, и сегодня нам преподадут наглядный урок, – тихо произнес Коулсвин, после чего покачал головой и добавил: – Прошу прощения, брат, я должен выбирать слова.

– Да уж, нынче осторожность не повредит.

Солдат уже поставил корзину с порохом в угол площадки, перешагнув через ограждение и теперь стоял с другими солдатами лицом к толпе совсем рядом с нами. Потом я увидел, как Томас Ризли наклонился и поманил его пальцем. Солдат побежал на помост под навесом, и я заметил, как Ризли сделал жест в сторону корзины с порохом. Молодой человек что-то ответил и вернулся на свое место, а Томас откинулся назад, как будто бы удовлетворенный.

– Что случилось? – спросил у солдата его товарищ.

– Милорд поинтересовался, сколько там пороху, – услышал я ответ. – Боялся, что когда он взорвется, то горящие хворостины полетят на помост. Я объяснил, что мешочки будут привязаны к шее, на достаточной высоте над хворостом.

Его приятель рассмеялся:

– Представляешь, в какой восторг пришли бы протестанты, если бы Гардинер и половина Тайного совета тоже сгорели? Джон Бойл мог бы написать про это пьесу.

Я ощутил на себе чей-то взгляд. Чуть слева от меня, между двумя молодыми джентльменами в ярких дорогих камзолах и украшенных жемчугом шапках, стоял юрист в черном одеянии. Он был совсем молодой, лет двадцати пяти, невысокий и худенький, с узким умным лицом, глазами навывкате и реденькой бородкой. Незнакомец пристально смотрел на меня, а поймав мой взгляд, отвел глаза.

Я повернулся к Коулсвину:

– Вы знаете этого парня, что стоит с двумя молодыми попугаями?

Филипп покачал головой:

– Пожалуй, видел его пару раз в судах, но лично незнаком. А почему вы спрашиваете?

– Да так, не важно.

По толпе пробежала очередная волна возбуждения, когда со стороны Литтл-Бритн-стрит появилась процессия. Новая партия солдат окружала троих мужчин в длинных белых рубахах: одного молодого и двоих средних лет. У всех были застывшие лица с дикими, испуганными глазами. А за ними двое солдат несли стул с привлекательной светловолосой молодой женщиной лет двадцати пяти. Стул покачивался, и она вцепилась в его края, а лицо ее дергалось от боли. Это и была Энн Аскью, которая бросила в Линкольншире мужа и отправилась в Лондон проповедовать. Эта женщина утверждала, что Святое причастие – не более чем кусок хлеба, который заплесневеет, как и любой другой, если оставить его в коробке.

– Я и не знал, что она так молода, – прошептал Коулсвин.

Несколько констеблей подбежали к горе хвороста и сложили из вязанок кучу высотой примерно около фута. Затем все мы увидели, как туда повели троих мужчин. Ветки трещали под ногами констеблей, когда они привязывали двоих приговоренных – спина к спине – к одному столбу, а третьего к другому. Послышалось звяканье цепей, когда ими закрепляли руки и ноги несчастных. Потом к третьему столбу поднесли Энн Аскью. Солдаты поставили стул, и констебли приковали ее цепями за шею и талию.

– Значит, это правда, – сказал Коулсвин. – Бедняжку пытали в Тауэре. Видите, она даже не может сама стоять.

– Но зачем пытаться того, кто уже приговорен к смерти? – вырвалось у меня.

– Одному Богу известно.

Солдат вынул из корзины четыре коричневых мешочка, каждый размером с кулак, и аккуратно привязал их к шее каждой жертвы. Приговоренные инстинктивно отшатнулись. Из старой сторожки у ворот вышел констебль с зажженным факелом и бесстрастно встал у ограждения. Все глаза обратились к нему. Люди в ужасе замерли.

А тем временем пожилой мужчина в сутане священника уже поднимался на кафедру. У него были седые волосы и красное, искаженное страхом лицо, и он отчаянно старался взять себя в руки. Николас Шекстон. Если бы не его отступничество, этого человека тоже приковали бы сегодня к позорному столбу. В толпе послышался ропот, а потом кто-то воскликнул:

– Позор тебе, что сжигаешь последователей Христа!

Возникло временное смятение, и кто-то ударил выкрикнувшего это. Завязалась драка, и двое солдат поспешили разнять сцепившихся.

Шекстон начал проповедь – долгие рассуждения, оправдывающие древнюю доктрину мессы. Трое осужденных мужчин слушали молча, не в силах унять дрожь. Пот выступил у них на лицах и на белых рубахах. А вот Энн Аскью периодически перебивала проповедника возмущенными замечаниями:

– Он пропускает, говорит не по книге!

Ее лицо теперь казалось радостным и спокойным: эта женщина чуть ли не наслаждалась представлением. Я грешным делом подумал, уж не сошла ли бедняжка с ума. Кто-то в толпе выкрикнул:

– Хватит! Поджигайте!

Николас наконец закончил. Он медленно спустился, и его повели обратно в здание у ворот. После этого проповедник хотел уйти, но солдаты схватили его за руки и насильно вытолкнули в дверной проем. Его заставят смотреть на казнь.

Вокруг осужденных разложили еще хвороста – теперь он уже доходил им до икр. Подошел констебль с факелом и стал одну за другой поджигать вязанки. Послышалось потрескивание, все затаили дыхание, а когда пламя охватило ноги еретиков, раздались испуганные вопли. Один из приговоренных мужчин снова и снова выкрикивал: «Христос, прими меня! Христос, прими меня!» Я услышал скорбный стон Энн Аскью и закрыл глаза. Толпа вокруг молча наблюдала.

Казалось, что весь этот кошмар – крики, треск хвороста – продолжался целую вечность. Бытие опять начал тревожно перебирать копытами, и в какой-то момент я испытал то ужасное чувство, которое преследовало меня несколько месяцев подряд после гибели «Мэри Роуз» – как будто земля подо мной качалась и наклонялась из стороны в сторону, – и мне пришлось волей-неволей открыть глаза. Коулсвин мрачно смотрел перед собой, и я, не удержавшись, проследил за его взглядом. Огненные языки быстро поднимались, легкие и прозрачные среди ясного июльского дня. Трое мужчин еще вопили и корчились от боли: пламя добралось до их рук и нижней части туловища и сожгло кожу, кровь капала в огонь. Двое из них наклонились вперед в безумной попытке воспламенить порох, но пламя было еще недостаточно высоким. Энн Аскью сторбилась на своем стуле, словно бы потеряв сознание. Мне стало плохо. Я обернулся на бесконечный ряд лиц под навесом – все взирали на происходившее сурово, нахмутив брови. Потом я увидел в толпе того худенького молодого юриста, снова глядевшего на меня в упор, и с беспокойством подумал: «Да кто он такой? Что ему нужно?»

Коулсвин застонал и поник в седле. Я протянул руку, чтобы поддержать его. Он глубоко вдохнул и выпрямился.

– Мужайтесь, брат, – тихо сказал я.

Лицо Филиппа было бледным, на нем бусинами выступил пот.

– Вы понимаете, что теперь каждого из нас может в любой момент постигнуть такая же участь? – прошептал он.

Я увидел, что некоторые в толпе отворачиваются. Несколько детей заплакали, потрясенные страшным зрелищем. Я заметил, что один из голландских купцов вытащил маленький молитвенник и, держа его раскрытым перед собой, тихо читал молитву. Но большинство зевак смеялись и шутили как ни в чем не бывало. Теперь, кроме вони толпы, над Смитфилдом стоял запах дыма, смешанный с другим, хорошо знакомым по кухне, – запахом жареного мяса. Я невольно взглянул на позорные столбы. Пламя поднялось выше, тела жертв почернели снизу, тут и там показались белые кости, а сверху все было красным от крови, и пламя лизало ее. С ужасом я увидел, что к Энн Аскью вернулось сознание и она жалобно застонала, когда сгорела ее рубаха.

Бедняжка начала что-то кричать, но потом пламя добралось до мешочка с порохом, и ей разнесло голову – кровь, кости и мозги взлетели в воздух и с шипением упали в огонь.

Глава 2

Как только все закончилось, я поехал прочь вместе с Коулсвином. Трое мужчин у столов умирали дольше, чем Энн Аскью: они были прикованы стоя, а не сидя, и прошло еще с полчаса, прежде чем пламя добралось до мешочка с порохом на шее у последней жертвы. На протяжении всего этого времени я держал глаза закрытыми. Если бы я мог также заткнуть уши!

Двигаясь по Чик-лейн по направлению к судебным иннам, мы сперва не разговаривали, но потом Филипп все же прервал тягостное молчание:

– Я слишком откровенно говорил о своих тайных думах, брат Шардлейк. Я знаю, что следует соблюдать осторожность.

– Ничего, – ответил я. – Трудно сдержаться, когда видишь подобное. – Тут я вспомнил его замечание, что теперь каждого из нас может в любой момент постигнуть такая же участь, и, подумав, уж не связан ли он с радикалами, сменил тему: – Сегодня я встречаюсь со своей клиенткой миссис Слэннинг. Нам обоим нужно многое сделать, прежде чем процесс продолжится в сентябре.

Коулсвин иронически рассмеялся, и смех его больше смахивал на лай.

– Действительно. – Взгляд коллеги ясно говорил, что его мнение об этом деле совпадает с моим.

Мы доехали до Саффрон-Хилл, где наши пути разошлись: Филиппу нужно было в Грейс-Инн, а мне – в Линкольнс-Инн. Я еще не был готов взяться за работу и поэтому предложил:

– Может быть, по кружке пива, брат?

Мой коллега покачал головой:

– Спасибо, но не могу. Вернусь в инн, попытаюсь отвлечься, занявшись каким-нибудь делом. Дай вам Бог доброго дня.

– И вам того же, брат.

Я смотрел, как адвокат, ссутулившись в седле, поехал прочь, но сам был еще не в силах вернуться в Линкольнс-Инн, а потому, сняв шляпу и белую сержантскую шапочку, поехал в Холборн.

Я нашел тихий постоялый двор у церкви Святого Эндрю. Наверное, он будет переполнен, когда толпа пойдет со Смитфилдской площади, но сейчас за столами сидели всего несколько стариков. Я взял кружку пива и устроился в тихом уголке. Пиво оказалось мутной бурдой, на поверхности которой плавала какая-то пленка.

Мои мысли, как это часто бывало, вернулись к королеве Екатерине Парр. Я вспоминал, как впервые встретился с нею, когда она была еще леди Латимер. С тех пор мои чувства к ней не ослабли, хотя я и говорил себе, что это смешные, глупые фантазии, что мне нужно найти себе женщину своего положения, пока я еще не состарился. Я надеялся, что у Екатерины нет никаких книг из нового запретного списка. А список этот был длинный: Лютер, Тиндейл, Ковердейл и, конечно, Джон Бойл, чье непристойное новое сочинение о монахах и монахинях пользовалось большой популярностью среди лондонских подмастерьев. У меня самого хранились старые экземпляры Тиндейла и Ковердейла. В случае добровольной сдачи этих книг была обещана амнистия, срок которой истекал через три недели, но я подумал, что безопаснее будет тихо сжечь их в саду.

В трактир вошла небольшая компания.

– Хорошо скрыться наконец от этого запаха, – сказал один из посетителей.

– Это лучше, чем смрад лютеранства! – прорычал другой.

– Лютер умер, и его похоронили, и теперь Аскью с остальными тоже закопают.

– В сумерках шныряет множество других.

– Брось, давай лучше выпьем! У них тут есть пироги?

Решив, что пора уходить, я допил пиво и вышел на улицу. Мне не удалось сегодня пообедать, но мысль о еде вызывала у меня тошноту.

Я поехал назад через арку Линкольнс-Инн, снова в своем одеянии юриста, черной шляпе и белой сержантской шапочке. Оставив Бытия в конюшне, прошел к себе в кабинет. К моему удивлению, контора кипела активностью. Все трое сотрудников – давний помощник Джек Барак, клерк Джон Скелли и новый ученик Николас Овертон – развили бешеную деятельность, разыскивая что-то среди бумаг на столах и полках.

– Вот же Божье наказание! – сердито кричал Барак на Николаса, развязывая ленту очередной стопки документов и начиная быстро просматривать листы. – Вспоминай уже давай, когда ты видел его в последний раз! Ну?

Овертон, отвлекшись от изучения другой стопки бумаг, поднял голову, откинув с веснушчатого лица свою светло-рыжую шевелюру:

– Дня два назад... может быть, три. Мне дали просмотреть столько документов... Никак не думал, что это принципиально...

Скелли внимательно взглянул на Николаса через очки. Взгляд у него был снисходительным, но голос прозвучал строго:

– На будущее постарайтесь запоминать такие вещи, мастер Овертон. Сейчас это немного сузило бы нам область поисков.

– Что тут происходит? – спросил я, остановившись в дверях.

Мои подручные были так заняты, что даже не видели, как я вошел. Барак повернулся ко мне, разгладив бороду. Лицо его было красным и рассерженным.

– Мастер Николас потерял свидетельство о передаче собственности Карлингфорду! Ну и как мы теперь докажем, что Карлингфорд владеет землей на законных основаниях? А документ, между прочим, нужно представить суду в первый же день сессии... Тупая дубина! – пробормотал он. – Безмозглый идиот!

Овертон, покраснев, посмотрел на меня:

– Простите, я нечаянно.

Я вздохнул. Два месяца назад я взял этого молодого человека на работу по просьбе одного друга, барристера, перед которым был в долгу, и сейчас уже почти жалел о том, что сделал это. Николас был родом из Линкольншира, происходил из уважаемой дворянской семьи и на двадцать втором году жизни, очевидно так и не решив, к чему у него лежит сердце, согласился поработать год-другой в Линкольнс-Инн, чтобы понять, как закон поможет ему управлять отцовским поместьем. Мой друг намекал, что между Николасом и его родными произошел какой-то разлад, но уверял меня, что он славный парень. И в самом деле, Овертон оказался вполне симпатичным и добродушным, но, увы, безответственным. Как и большинство других джентльменов его возраста, он проводил много времени, исследуя лондонские злачные места, и уже имел неприятности из-за драки на мечах с другим студентом, с которым они не поделили какую-то шлюху. Этой весной король закрыл в Саутуарке бордели, но в результате через реку в город стало шастать еще больше проституток. Большинство молодых дворян учились фехтованию, а общественный статус позволял им носить меч в городе, однако таверны – неподходящее место, чтобы демонстрировать свою ловкость в этом искусстве. А острый меч – смертоносное оружие, особенно в неосторожных руках.

Посмотрев на высокую поджарую фигуру Овертона, я заметил под его ученической блузой зеленый камзол с разрезами, из-под которых виднелась подкладка из тонкого желтого дамаста, в нарушение всех правил инна, предписывающих ученикам носить скромное платье.

– Продолжайте искать, но делайте это спокойнее, – сказал я и спросил напрямик: – Николас, а ты не выносишь этот документ из конторы?

– Нет, мастер Шардлейк, – возразил парень. – Я знаю, что это запрещено.

У него был изысканный выговор с легкой линкольнширской картавинкой, а его лицо с длинным носом и округлым подбородком выглядело теперь невероятно расстроенным.

– Так же как и ношение шелковых камзолов с разрезами. Ты хочешь неприятностей от казначея? Как только найдешь документ, ступай домой и переоденься, – велел я ему.

– Хорошо, сэр, – смиренно ответил молодой человек.

– И вот еще что. Когда сегодня придет миссис Слэннинг, я хочу, чтобы ты присутствовал при нашем разговоре и вел записи, – добавил я.

– Да, сэр.

– А если документ так и не обнаружится, останься допоздна и найди его.

– А казнь уже закончилась? – рискнул спросить Скелли. Голос его звучал неуверенно.

– Да. Но я не хочу об этом говорить, – отрезал я.

Барак взглянул на меня:

– У меня для вас есть две новости. Обе хорошие, но я бы хотел сообщить их вам конфиденциально.

– Хорошие новости мне сегодня определенно не помешают.

– Я думаю, – с сочувствием ответил Джек.

– Давай в мой кабинет.

Помощник прошел за мной в кабинет, где из окна с тонким переплетом виднелся внутренний двор. Я снял мантию и шапочку и сел за стол, а Барак устроился напротив. Я заметил проблески седины в его темно-русой бороде, хотя в волосах ее пока еще не было. Джеку исполнилось тридцать четыре года, на десять лет меньше, чем мне, но его некогда худое лицо уже начало расплываться.

– Этот придурак, молодой Овертон, в гроб меня вгонит. Присматривать за ним – все равно что надзирать за обезьяной, – проворчал он. – Вот же безмозглое создание!

Я улыбнулся:

– Да нет, он не так уж и глуп. На прошлой неделе Николас неплохо подготовил для меня краткое изложение дела Беннетта. Ему просто нужно стать более организованным.

Барак хмыкнул:

– Я рад, что вы сказали этому типу про одежду. Было бы неплохо, если бы я мог позволить себе носить шелка.

– Овертон еще молодой, немного безответственный, – криво улыбнулся я. – Таким же был и ты сам, когда мы еще только-только встретились. Николас, по крайней мере, не сквернословит, как пьяный матрос.

Мой помощник опять хмыкнул, а потом посмотрел на меня серьезным взглядом:

– Как там было? На сожжении?

– Ужасно, просто неопишное зрелище. Но каждый исполнял свою роль, – горько добавил я. – Толпа, городские власти и сидевшие на помосте члены Тайного совета. На каком-то этапе случилась небольшая стычка, однако солдаты быстро ее прекратили. Те несчастные умерли ужасной смертью, но достойно.

Барак покачал головой:

– Ну почему они не могли просто отречься от своих заблуждений?

– Наверное, искренне думали, что отречение навлечет на них проклятье, – вздохнул я. – Ну ладно, выкладывай. Что за хорошие новости?

– Во-первых, вот: это нам прислали сегодня утром.

Джек поднес руку к кошельку на поясе, вытащил три блестящих, словно бы намазанных маслом, золотых соверена и положил их на стол вместе со сложенным листом бумаги.

Я посмотрел на монеты и предположил:

– Просроченный гонорар?

– Можно и так сказать. Прочтите-ка записку.

Я взял листок и развернул его. Там было послание, написанное трясущейся рукой:

Вот деньги, которые я должен Вам за содержание с тех пор, как жил у миссис Эллиард.

Я тяжело болен и прошу навестить меня.

Ваш собрат по профессии, Стивен Билкнэп.

Барак улыбнулся:

– Вы даже рот разинули от изумления. Неудивительно, я точно так же отреагировал, когда увидел деньги.

Я взял соверены и внимательно рассмотрел их: не шутка ли? Но это были настоящие золотые монеты, старого образца, выпущенные еще до снижения качества чеканки, с изображением короля на одной стороне и тюдоровской розы на другой. Просто невероятно! Стивен Билкнэп был известен не только своей полнейшей беспринципностью – как в личной, так и в профессиональной жизни, – но также и скупостью: говорили, что он якобы держит дома сундук с сокровищами и по ночам любит ими. За долгие годы Билкнэп скопил свое богатство путем всевозможных грязных сделок, отчасти заключенных во вред мне, а кроме того, предметом его особой гордости была невыплата долгов, и он всячески стремился уклониться от выполнения финансовых обязательств. Три года назад в приливе неуместного великодушия я заплатил одному своему другу, чтобы тот присмотрел за ним, когда он заболел, и Билкнэп до сих пор так не возместил мне расходы.

– В это почти невозможно поверить, – стал рассуждать я вслух. – И все же, помнится, прошлой осенью, как раз перед тем как заболеть, Билкнэп какое-то время был со мной подозрительно приветлив. Однажды пришел ко мне и спросил, как я поживаю, как идут дела, словно был моим другом или собирался им стать.

Я вспомнил, как в один прекрасный осенний день Стивен подошел ко мне через четырехугольник двора: его черный камзол болтался на тощей фигуре, а на измученном лице застыла болезненная заискивающая улыбка. Жесткие светлые волосы, как обычно, клочками торчали во все стороны из-под шапки. «Мастер Шардлейк, как поживаете?» – спросил он в тот раз. Я изумленно покачал головой:

– Однако я тогда быстренько закруглил беседу. Разумеется, я не доверял этому типу ни на грош и был уверен, что за этим что-то кроется. И Билкнэп никогда не упоминал о деньгах, которые задолжал мне. А через некоторое время, видать, сообразил, что я о нем думаю, – и опять стал меня игнорировать.

– Может быть, Билкнэп раскаивается в своих грехах, если он действительно заболел так тяжело, как говорят...

– Опухоль в кишках? Он хворает уже несколько месяцев, верно? Я не видел, чтобы он выходил. А кто принес записку?

– Какая-то старуха. Сказала, что якобы ухаживает за ним.

– Святая Мария! – воскликнул я. – Ну и чудеса! Билкнэп возвращает долг и просит меня навестить его?!

– Вы пойдете?

– Полагаю, милосердие этого требует. – Я удивленно покачал головой. – А какая вторая новость? Учитывая первую, если ты теперь скажешь, что над Лондоном летают лягушки, я, наверное, даже не удивлюсь.

Джек опять улыбнулся счастливой улыбкой, которая смягчила его черты:

– Нет, это сюрприз, но не чудо. Тамазин снова ждет ребенка.

Я склонился над столом и схватил помощника за руку:

– Какая замечательная новость! Я знал, что вы хотите еще детей.

– Да. Братишку или сестренку для Джорджи. Если все будет хорошо, ждем пополнения семейства в январе.

– Чудесно, Джек, мои поздравления. Мы должны это отпраздновать.

– Мы пока еще никому не говорили об этом. Но приходите на небольшую вечеринку, которую мы устроим на первый день рождения Джорджи, двадцать седьмого числа. Там и объявим всем новость. И не могли бы вы попросить доктора Гая тоже заглянуть к нам? Он так помог Тамазин, когда та носила Джорджи.

– Гай сегодня вечером как раз придет ко мне на обед. Я непременно передам ему ваше приглашение.

– Вот и хорошо. – Барак откинулся на спинку стула и с довольным видом сложил руки на животе.

Их с Тамазин первенец умер, и одно время я боялся, что трагедия эта полностью разрушит их семью, но в прошлом году у супругов, к счастью, родился здоровый мальчик. И вот теперь Тамазин уже ждет второго ребенка, так скоро... Я подумал, как изменился в последнее время Барак: он остепенился и стал совершенно не похож на того отчаянного безрассудного парня, выполнявшего сомнительные поручения Томаса Кромвелля, каким был, когда я познакомился с ним шесть лет назад.

– Ну, Джек, ты меня порадовал. Чувствую, я воспрянул духом, – сказал я. – Как ни странно, но, похоже, в этом мире может происходить и что-то хорошее.

– Вам надлежит доложить казначею Роуленду о том, что вы честно выполнили свою миссию?

– Да. Я заверю его, что мое присутствие в качестве представителя от Линкольнс-Инн было замечено. Среди прочих и Ричардом Ричем.

Джек приподнял брови:

– Этот негодяй тоже был там?

– Да. Я не видел его целый год. Но он, конечно, меня не забыл. И бросил на меня злобный взгляд.

– На большее он теперь и не способен. Вы слишком многое о нем знаете.

– У него был обеспокоенный вид. Уж не знаю почему. Я думал, что нынче сэр Ричард высоко взлетел, считает себя ровней Гардинеру и консерваторам. – Я посмотрел на Барака. – Ты поддерживаешь связь со своими друзьями, с которыми вместе служил Кромвелю? Не слышал какие-нибудь сплетни?

– Я иногда захожу в старые таверны, когда Тамазин позволяет. Но новостей слышал мало. И, предвзято очередаю вопрос, сразу скажу, что о королеве – вообще ничего.

– Слухи о том, что Энн Аскью жестоко пытали в Тауэре, оказались правдой, – заметил я. – Ее пришлось нести к столбу на стуле.

– Бедняга... – Барак задумчиво погладил бороду. – Не знаю, каким образом просочилась эта информация. Должно быть, в Тауэре служит кто-нибудь из сочувствующих радикалам. Но я лишь слышал от своих друзей, что епископ Гардинер сейчас имеет большое влияние на Генриха, но это и так все знают. Не думаю, что архиепископ Кранмер присутствовал при сожжении, а?

– Его и впрямь там не было. Наверное, он сидит от греха подальше у себя в Кентерберии, не покидает свою резиденцию. – Я покачал головой. – Удивительно, что он вообще так долго продержался. Кстати, на казни был один молодой юрист в компании каких-то разряженных джентльменов, и он, уж не знаю почему, буквально не отрывал от меня глаз. Невысокий такой, худенький, с русыми волосами и бородкой. Я все гадал, кто это может быть.

– Вероятно, кто-нибудь из ваших оппонентов на следующей сессии – составлял мнение о противной стороне.

– Возможно. – Я потрогал монеты на столе.

– Вам постоянно мерещится, что за вами кто-то следит, – тихо и неодобрительно проговорил Барак.

– Да, есть немного. Но стоит ли этому удивляться после всего, что было в последние годы? – вздохнул я. – Кстати, на сожжении я встретил нашего коллегу Коулсвина: его отправили туда в качестве представителя от Грейс-Инн. Весьма достойный человек.

– В отличие от его клиента. И от вашей собственной клиентки. Поделом этому долговязому Николасу, придется ему сегодня посидеть со старой каргой Слэннинг!

Я улыбнулся:

– Да, хорошее наказание я придумал для Овертона. Что ж, пойду посмотрю, не нашел ли он еще пропавший документ.

Джек встал:

– Я пну этого придурка в задницу, если не нашел, и не посмотрю, что он у нас джентльмен...

С этими словами Барак оставил меня в одиночестве любоваться золотыми монетами. Снова посмотрев на записку, я не удержался от мысли: «Какую очередную пакость задумал Билкнэп?»

Миссис Изабель Слэннинг прибыла ровно в три, продемонстрировав удивительную пунктуальность. Николас, уже в более скромном камзоле из тонкой черной шерсти, сидел рядом со мной, приготовив перо и бумагу. К счастью для него, он нашел пропавший документ, пока мы с Бараксом разговаривали в кабинете.

Скелли с некоторой опаской пригласил миссис Слэннинг войти. Это была высокая худая женщина, вдова пятидесяти с лишним лет, хотя тонкие, вечно поджатые губы и постоянно нахмуренное лицо старили ее еще больше. Мне уже доводилось видеть ее брата Эдварда Коттерстоука на слушаниях в суде на прошлой сессии, и меня тогда удивило, как он похож на сестру: ну просто одно лицо, разве что у него была маленькая седая бородка. Сегодня Изабель облачилась в фиолетовое платье из тонкой шерсти с модным стоячим воротником, прикрывающим ее тощую шею, и бесцветный капор, расшитый мелким жемчугом. Она была состоятельной женщиной: ее покойный муж был процветающим купцом, и во всем облике ее сквозила характерная для вдов многих богатых торговцев властность, которая выглядела бы совершенно нелепой у представительницы низшего сословия. Миссис Слэннинг холодно поздоровалась со мной, а на Николаса и вовсе не обратила внимания.

И, как всегда, сразу перешла к делу:

– Ну, мастер Шардлейк, что у нас нового? Я полагаю, что этот негодяй Эдвард снова пытается затянуть дело? – Ее большие голубые глаза смотрели с осуждением.

– Нет, мадам, наше дело включено в список для рассмотрения Королевской коллегией в сентябре.

Я предложил клиентке сесть, снова задавшись про себя вопросом, почему они с братом так ненавидят друг друга. Их отцом был купец, преуспевающий галантерейщик, который умер совсем молодым. Когда мать снова вышла замуж, то его дело перешло к их отчиму, однако через год и он тоже скончался, после чего миссис Дебора Коттерстоук продала предприятие и всю оставшуюся жизнь жила на вырученные деньги – а сумма оказалась весьма существенной. Более в брак она не вступала и умерла в прошлом году в возрасте восьмидесяти лет от апоплексического удара, составив на смертном одре завещание, которое было засвидетельствовано чстью по чести. По большей части все в нем было ясно: деньги должны были унаследовать в равных долях ее дети; большой дом близ Чандлерс-Холл, в котором она жила, надлежало продать, а вырученные деньги опять же разделить поровну между сыном и дочерью. Эдвард, как и Изабель, обладал средним достатком – он служил старшим клерком в лондонской ратуше, – и для обоих состояние матери явилось существенным подспорьем. Загвоздка возникла, когда речь зашла о распоряжении домашним имуществом. Мебель должна была целиком достаться Эдварду, однако все гобелены, ковры и – цитирую – «всякого рода картины внутри дома, любой

природы, где бы и как бы они ни были закреплены» переходили к Изабель. Это была весьма необычная формулировка, но я получил показания священника, который записывал завещание, и он со всей определенностью заявил, что престарелая леди, которая до самой смерти оставалась в здравом уме, настаивала именно на таких словах.

Эта странная формулировка и довела нас до нынешнего положения дел. Первый муж старой миссис Коттерстоук, отец обоих детей, интересовался живописью, и их дом был полон произведениями искусства: здесь имелось множество гобеленов, несколько портретов, и, самое главное, в столовой целую стену занимала огромная фреска. Я посетил этот дом, ныне пустующий, если не считать старого слуги, оставленного в качестве сторожа, и осмотрел роспись по штукатурке. Я умею ценить живопись – в молодые годы сам рисовал и писал красками, – и эта фреска показалась мне особенно изысканной. Созданная примерно пятьдесят лет назад, еще в правление старого короля Генриха VII, она изображала семейную сцену: молодая миссис Коттерстоук и ее муж в наряде, соответствующем его сословию, и высокой шляпе тех времен запечатлены вместе с маленькими детьми Эдвардом и Изабель в этой самой комнате. Лица всех четверых, как и летние цветы на столе и лондонский пейзаж за окнами, были прорисованы в мельчайших деталях: старая хозяйка следила, чтобы роспись регулярно освежалась и краски не теряли своей яркости. Поскольку фреска была написана прямо на стене, по закону она считалась частью недвижимости, но особая формулировка в завещании старой леди позволяла Изабель заявить, что роспись по праву принадлежит ей и должна быть удалена из дома – если понадобится, вместе со стеной, которая хотя и не была несущей, но не могла быть снесена без повреждения фрески. Эдвард наотрез отказался отдать картину сестре. Дополнительную сложность составляло то, что споры о наследовании недвижимого имущества – как-вым являлся дом – разбирались Королевской судебной коллегией, а движимого – Епископским судом. Таким образом, мы с беднягой Коулсвином, прежде чем рассматривать завещание по существу, погрязли в спорах о том, к юрисдикции какого суда относится это дело. Месяц назад Епископский суд вынес решение, что роспись является движимым имуществом. Изабель вынудила меня обратиться в Королевскую коллегия, которая, всегда стремясь заявить свое верховенство над церковными судами, постановила, что вопрос попадает под ее юрисдикцию, и назначила отдельное слушание на осень. В общем, дело перебрасывали туда-сюда, словно дети мячик, и невозможно было угадать, чем вообще закончится эта тяжба.

– Мой братец попытается снова затянуть дело, вот увидите, – сказала моя клиентка своим обычным самоуверенным тоном. – Он надеется взять меня измором, но ничего у него не выйдет. Хотя этот его адвокат просто из кожи вон лезет. Это ужасный человек, хитрый и коварный тип. – Она возмущенно возвысила голос, как это всегда случалось после пары произнесенных фраз.

– Мастер Коулсвин вел себя в этом деле вполне достойно, – решительно возразил я. – Да, он пытался отложить слушания, но это обычная тактика адвокатов ответчика. Он должен следовать инструкциям своего клиента, так же как и я – вашим.

Николас, сидевший рядом со мною, записывал каждое наше слово, и перо в его длинных тонких пальцах быстро скользило по бумаге. По крайней мере, этот юноша получил хорошее образование и писал типичным секретарским почерком, четким и разборчивым.

Миссис Слэннинг возмутилась:

– Этот Коулсвин – еретик, как и мой брат! Они оба ходят в протестантскую церковь Святого Иуды, где сняты образа, а священник отправляет службу за пустым столом. – Это был еще один камень преткновения между сестрой и братом: Изабель оставалась твердой традиционалисткой, в то время как Эдвард оказался реформатором. – Этому священника следует сжечь на костре, – продолжила она, – как мятежницу Аскью и ее сторонников.

– Вы были на казни сегодня утром, миссис Слэннинг? – спокойным тоном спросил я. Сам я ее там нынче не видел.

Женщина наморщила нос:

– Я не хожу на такие ужасные зрелища. Но те четверо заслужили это.

Я заметил, как Николас сжал губы. Он никогда не говорил о религии, – по крайней мере, в этом отношении парень держался осмотрительно.

– Миссис Слэннинг, – сказал я, меняя тему разговора, – вынужден вас предупредить, что, когда мы пойдем в суд, результат будет совершенно непредсказуем. Это весьма необычное дело.

Изабель задрала подбородок:

– Справедливость восторжествует. И мне известно ваше мастерство, мастер Шардлейк. Потому я и наняла сержанта юстиции, дабы он представлял в суде мои интересы. Я всегда любила эту картину. – В ее голосе проскользнуло какое-то чувство. – Это единственная память о моем дорогом отце.

– С моей стороны было бы нечестно, если бы я оценил наши шансы выше, чем пятьдесят на пятьдесят, – откровенно заявил я. – Обычно допрашивают свидетелей, но в данном случае многое будет зависеть от показаний экспертов. – По крайней мере, было достигнуто соглашение, что каждая сторона выберет из списка членов гильдии архитекторов специалиста, который и сообщит суду свое мнение относительно того, можно ли переместить роспись, а если можно, то как именно это следует осуществить. – Вы посмотрели список, который я вам дал?

Клиентка досадливо отмахнулась:

– Я никого из них не знаю. Вы должны порекомендовать мне надежного человека, который скажет, что картину можно легко перенести. Наверняка кто-то сделает это за хорошее вознаграждение. Сколько бы это ни стоило, я заплачу.

– Стало быть, вам нужен так называемый наемный меч, – уныло проговорил я.

Так на юридическом жаргоне именовались беспринципные эксперты, которые за приличные деньги поклянутся, что черное – это белое и наоборот. Разумеется, таких всегда хватало.

– Вот именно.

– Проблема в том, миссис Слэннинг, что в судах хорошо знают подобных, с позволения сказать, экспертов, и их слова не вызовут особого доверия. Нам лучше выбрать специалиста, который славится своей честностью.

– А что, если его оценка окажется не в нашу пользу?

– Тогда, миссис Слэннинг, нам придется снова подумать, как лучше поступить.

Изабель нахмурилась, и ее глаза превратились в узкие щелочки.

– Нет уж, я предпочитаю, как вы выразились, наемный меч. Ну и странное название!

И клиентка посмотрела на меня высокомерно и с осуждением, словно бы это я, а вовсе не она сама предложил обмануть суд.

Я взял со стола свой экземпляр списка:

– Я бы посоветовал выбрать мастера Флетчера. Я имел с ним дело раньше, он уважаемый человек.

– Нет, – возразила женщина. – Первым в списке значится мастер Адам, он глава гильдии, и если есть способ снять картину – а я уверена, что есть, – то он его непременно найдет.

– Я думаю, мастер Флетчер подошел бы лучше. Он имеет опыт в судебных тяжбах.

– Нет, – решительно повторила моя подопечная. – Я сказала: мастер Адам. Я помолилась Господу и полагаю, что это и есть тот самый человек, который склонит справедливость на мою сторону.

Я посмотрел на нее. Серьезно? *Помолилась Господу?* Неужели эта женщина думает, что сам Бог вмешивается в разбирательства сомнительных судебных исков? Но высокомерный тон и твердо сжатые губы клиентки сказали мне, что ее не переубедить.

– Очень хорошо, – сдался я, и она надменно кивнула. – Но помните, миссис Слэннинг: это ваш выбор. Я ничего не знаю о мастере Адаме. Я назначу день, когда два эксперта смогут встретиться в доме. Постараюсь, чтобы это произошло как можно скорее.

– А они не могут осмотреть стену каждый по отдельности?

– Судьям это не понравится.

Дама вновь нахмурилась:

– Вечно эти ваши отговорки!.. Вы должны в первую очередь учитывать мои пожелания. – Она глубоко вздохнула. – Что ж, если я проиграю в Королевской коллегии, то обращусь в Канцлерский суд.

– По всей вероятности, то же самое сделает и мастер Коттерстоук, если решение вынесут не в его пользу.

Я невольно задумался о странных отношениях брата и сестры. Мне было известно, что эта их взаимная враждебность зародилась давно: до смерти матери они несколько лет не разговаривали. Изабель с презрением отзывалась о деловых качествах Эдварда и о том, что он упустил свой шанс стать олддерменом⁶, поскольку не желает совершать ни малейших усилий. И снова, в который уже раз, мне пришло на ум: а почему их мать, составляя завещание, настояла на такой странной формулировке? Мне в голову даже закралась мысль, что старая дама по какой-то причине хотела еще больше поссорить детей.

– Вы видели последний счет по делу, который я вам выставил, миссис Слэннинг? – спросил я.

– Да, и немедленно оплатила его, сержант Шардлейк. – Клиентка снова заносчиво подняла подбородок. – Как обычно.

И правда, она всегда расплачивалась сразу и без вопросов. Это вам не скряга Билкнэп.

– Я знаю, мадам, и весьма ценю это. Но если дело перейдет на следующий год в Канцлерский суд, издержки будут расти и расти.

– Тогда вы должны заставить Эдварда заплатить за все.

– Обычно в делах о завещании издержки покрываются из стоимости унаследованного имущества. И помните, с обесцениванием монет дом и деньги вашей матери тоже дешевеют. Не будет ли разумнее, практичнее попытаться заключить мировое соглашение прямо сейчас?

– Сэр, вы же мой адвокат! – возмутилась Изабель. – Ваш долг придумать, как выиграть дело, а не советовать мне смириться с поражением.

Она опять перешла на повышенные тона, в то время как я намеренно продолжал говорить тихо:

– Многие договариваются по-хорошему, когда результат под большим вопросом, а расходы велики. Как в нашем случае. Я думал об этом. Вы не рассматривали такой вариант: выкупить у Эдварда его долю, а собственное жилье продать? Тогда вы могли бы поселиться в доме матери и оставить стену с росписью нетронутой, в том же виде, что и сейчас.

Миссис Слэннинг издала неприятный смешок:

– Я бездетная вдова, сэр, и дом матери слишком велик для меня. Я знаю, что она жила в нем одна, если не считать слуг, но она была глупа: он не годится для одинокой женщины. Эти огромные комнаты... Нет уж, пусть лучше у меня в собственности будет картина. Ее снимут лучшие лондонские мастера. Чего бы это ни стоило. А уж потом я заставлю Эдварда за все заплатить.

Я опять посмотрел на даму. У меня в свое время было немало трудных, безрассудных клиентов, но упрямство Изабель Слэннинг и злоба ее брата были чем-то выдающимся, из ряда вон выходящим. А ведь она явно была умной женщиной, не какой-нибудь глупой курицей, хотя и выставляла себя таковой в этой тяжбе.

⁶ Олддермен – член городского управления.

Что ж, я сделал все, что было в моих силах.

– Очень хорошо, – кивнул я. – Думаю, теперь нам следует вернуться к вашему последнему иску. Кое-что из ваших утверждений, я думаю, лучше исправить. Мы должны показать суду, что вы женщина рассудительная. И вовсе ни к чему называть брата в заявлении упрямым и мошенником.

– Но судьи должны знать, кто он такой.

– Поверьте, это не принесет вам пользы.

Миссис Слэннинг пожала плечами, но потом кивнула и поправила капор на седой голове. Я взял заявление. Внезапно Николас подался ко мне и спросил:

– С вашего позволения, сэра, могу я задать почтенной леди один вопрос?

Я секунду колебался в нерешительности, но в конце концов согласился: надо же парню учиться и набираться опыта.

– Да, спрашивай.

Овертон посмотрел на Изабель:

– Вы сказали, мадам, что ваш дом намного меньше, чем дом вашей матери?

Она кивнула:

– Да. Но для моих нужд его вполне хватает.

– То есть комнаты у вас не такие большие?

– Ну, естественно, молодой человек, – раздраженно ответила дама. – Когда дом меньше, то и комнаты меньше. Это всем известно.

– Однако, насколько я понимаю, картина находится в самой большой комнате дома вашей матери. И если вы сможете каким-то образом снять фреску, то куда вы ее поместите?

Изабель покраснела и возмутилась:

– Не забываетесь, юноша! Ваше дело – вести записи для вашего хозяина.

Николас в свою очередь покраснел и склонился над бумагами. Однако, на мой взгляд, это был очень хороший вопрос.

Целый час мы занимались документами, и в конце концов мне все-таки удалось убедить миссис Слэннинг убрать из заявления разные оскорбительные комментарии относительно ее брата. К тому времени у меня уже все плыло перед глазами от усталости. Николас собрал свои записи и, поклонившись Изабель, вышел. Она встала, по-прежнему полная энергии, но нахмуренная, – похоже, ее рассердил вопрос Овертона. Я отправился проводить клиентку на улицу, где ее ждал слуга, чтобы отвести домой. Миссис Слэннинг выпрямилась в полный рост – она была высокой женщиной – и решительно посмотрела мне прямо в глаза:

– Признаюсь, мастер Шардлейк, иногда я не чувствую уверенности, что вы расположены к этому делу должным образом. А уж этот наглый юноша... – Она сердито покачала головой.

– Мадам, – ответил я, – вы можете быть уверены, что я буду отстаивать ваши интересы со всем рвением, на какое только способен. Но моя обязанность – рассмотреть для вас альтернативные варианты и предупредить об издержках. Конечно, если вы не удовлетворены мною и хотите передать дело другому барристеру...

Изабель непреклонно покачала головой:

– Нет, сэра, не бойтесь, я ни на кого вас не променяю.

Я уже не один раз делал ей подобное предложение, но вот же любопытный парадокс: самые неприятные и враждебно настроенные клиенты ни в какую не хотели уходить к другому адвокату, словно бы из чистой вредности стремились довести меня до ручки.

– Впрочем... – заколебалась вдруг моя собеседница.

– Да?

– Я думаю, вы не до конца понимаете моего брата. – На ее лице появилось выражение, какого я прежде еще не видел. Несомненно, это был страх – страх, который исказил ее черты.

На секунду Изабель стала просто испуганной старой женщиной. – Если бы вы знали, сэр, – тихо продолжила она. – Если бы вы только знали, какие ужасные вещи совершил мой брат...

– Что вы имеете в виду? Он каким-то образом навредил вам?

– Да, и не только мне одной, – свирепо прошипела миссис Слэннинг, к которой вернулась ее злоба.

– А какие именно ужасные вещи он совершил, мадам? – настаивал я.

Но Изабель решительно замотала головой, будто пытаясь вытряхнуть из нее неприятные мысли, и глубоко вздохнула:

– Это не важно. Они не имеют отношения к данному делу.

Она повернулась и стремительно пошла прочь. Льяные крылышки капора сердито рассекали воздух за ней.

Глава 3

Домой я вернулся в седьмом часу. В семь должен был прийти мой друг Гай – не слишком подходящее время для обеда, но он, как и я, работал допоздна. Как обычно, Мартин услышал, что я спешил, и ждал в прихожей, чтобы принять у меня мантию и головной убор. Я решил пойти в сад и немного насладиться вечерним воздухом. Недавно я оборудовал там небольшую беседку, где можно было спокойно посидеть и полюбоваться цветочными клумбами.

Тени уже удлиннились, а вокруг улья все еще жужжали пчелы. На деревьях ворковали вяхири, и я блаженно откинулся на спинку стула. Я заметил, что во время разговора с миссис Слэннинг совсем забыл про казнь, на которой присутствовал утром: такова была сила ее личности. Молодой Николас задал нашей клиентке весьма неглупый вопрос о том, куда она денет картину. Ее ответ оказался еще одним доказательством того, что для этой дамы самым важным было просто выиграть тяжбу. А какое странное замечание Изабель отпустила в конце разговора: «Если бы вы только знали, какие ужасные вещи совершил мой брат...» Вообще-то, во время наших встреч она обычно только и делала, что обвиняла Эдварда во всех смертных грехах и всячески его унижала, но этот внезапный прилив страха был чем-то новеньким.

Я прикинул, не стоит ли потихоньку поговорить с Филиппом Коулсвином о наших клиентах. Но это было бы нарушением профессиональной этики. Мой долг, как и его, – всеми силами отстаивать интересы своего подопечного.

Мои мысли снова вернулись к страшным событиям нынешнего утра. Огромный помост, наверное, уже убрали вместе с обугленными столбами. Я подумал о Коулсвине, заметившем, что теперь каждого из нас может в любой момент постигнуть такая же участь, и задал себе вопрос: а нет ли у него самых опасных связей среди радикалов? После чего вспомнил, что мне нужно избавиться от запрещенных книг, пока не истек срок амнистии, и посмотрел на дом. Через окна столовой было видно, как Мартин зажигает восковые свечи в канделябрах, накрывает стол льняной скатертью и выкладывает самое лучшее серебро, тщательно выравнивая приборы.

Вернувшись в дом, я пошел на кухню. Там уже вовсю шли приготовления к обеду. Тимоти поворачивал над плитой большую курицу, Джозефина раскладывала на тарелки салаты, стараясь, чтобы все выглядело аппетитно, а Агнесса Броккет, стоявшая у другого края стола, заканчивала украшать миндальный торт марципанами. Когда я вошел, обе служанки сделали книксен. Агнесса была пухленькой женщиной лет сорока, с милым личиком и каштановыми волосами под чистым белым чепцом. Впрочем, временами она выглядела грустной. Я знал, что у Броккетов есть взрослый сын, с которым они почему-то не видятся: Мартин как-то упомянул об этом в разговоре, но в подробности не вдавался.

– Похоже, сегодня у нас будет настоящий пир, – сказал я, глядя на торт. – Должно быть, вам стоило большого труда соорудить такую красоту. Ну просто произведение искусства.

Агнесса улыбнулась:

– Мне самой приятно готовить хорошее блюдо, сэр, как, наверное, скульптору приятно доводить до совершенства статую.

– Плоды его труда живут дольше. Но ваши, возможно, приносят больше удовольствия.

– Спасибо, сэр, – ответила она. Миссис Броккет ценила комплименты. – Джозефина очень мне помогла. Правда, дорогая?

Вторая служанка кивнула, неуверенно улыбнувшись мне. Я посмотрел на девушку. Ее приемный отец, жестокий мерзавец, раньше служил у меня экономом, и, когда я буквально прогнал его из дома год назад, Джозефина осталась. Отец много лет запугивал и всячески шпынял бедняжку, но, когда он исчез, дочь постепенно перестала быть робкой и запуганной. Она также начала следить за своей внешностью: теперь ее распущенные светлые волосы бле-

стели, а личико округлилось. Словом, моя служанка стала хорошенькой молодой женщиной. Проследив за моим взглядом, Агнесса снова улыбнулась.

– Наша Джозефина ждет не дождется воскресенья, – лукаво проговорила она.

– Вот как? Почему же? – поинтересовался я.

– Одна маленькая птичка нащебетала мне, что после церковной службы она пойдет гулять с молодым мастером Брауном, который, между прочим, тоже работает в Линкольнс-Инн.

Я посмотрел на Джозефину:

– Да ну? И у кого же?

– У мастера Хеннинга, – краснея, ответила девушка. – Он живет при его конторе.

– А, как же, я знаю мастера Хеннинга, он прекрасный юрист. – Я снова повернулся к Агнессе. – Мне нужно сходить умыться, прежде чем придет гость.

При всем своем добродушии Агнесса не отличалась особой тактичностью, а я не хотел и дальше смущать Джозефину. Но я был рад за девушку: ей давно уже пора было завести молодого человека.

Когда я вышел из кухни, вернулся Мартин. Он поклонился:

– Стол накрыт, сэр.

– Хорошо. Спасибо.

На секунду я поймал взгляд Джозефины, брошенный на эконома: в нем отчетливо читалась неприязнь. Я и раньше пару раз замечал подобное и, признаться, был немало озадачен этим, поскольку Броккет всегда казался мне хорошим управляющим, который вряд ли обижает слуг.

Гай Малтон пришел в начале восьмого. Мой старый друг был медиком, а до ликвидации монастырей – бенедиктинским монахом. Он имел мавританские корни. Сейчас ему было уже за шестьдесят, его смуглое лицо покрывали морщины, а волосы совсем поседели. Когда Малтон вошел, я заметил, что он сильно сутулится, что иногда бывает с людьми высокого роста в старости. Гай выглядел усталым. Несколько месяцев назад я намекнул ему, что, возможно, пора подумать об уходе на покой, но он ответил, что еще вполне крепок и, кроме того, не знает, чем заняться, кроме работы.

В столовой мы вымыли руки, поливая друг другу из кувшина, заткнули за воротники салфетки и уселись за трапезу. Гай восхищенно обозрел стол.

– Твое серебро так весело блестит при свечах! – заметил он. – Нынче все у тебя в доме выглядит прекрасно.

Предварительно постучав в дверь, вошел Мартин. Эконом расставил тарелки с салатом, зеленью и тонко нарезанными кусочками свежего лосося из Темзы, а когда он удалился, я сказал своему гостю:

– Ты был прав, они с Агнессой оказались просто находкой. Прежний наниматель Броккета дал ему прекрасную рекомендацию. Но знаешь, я всегда чувствую себя с ним неловко. Мартин вечно хранит такой непроницаемый вид...

Гай грустно улыбнулся:

– Помню, в монастыре у нас был такой же эконом. Совершенно замечательный человек. Просто он считал, что никогда не следует фамильярничать с вышестоящими.

– Как дела в больнице Святого Варфоломея? – спросил я.

Старая лечебница для бедных, одна из немногих в Лондоне, закрылась, когда король ликвидировал монастыри, но несколько добровольцев вновь открыли ее, чтобы обеспечить хоть какой-то уход за больными. Одним из этих добровольцев был Гай. Я невольно испытал угрызения совести, вспомнив, что, когда три года назад умер мой друг Роджер Эллиард, я пообещал его вдове Дороти продолжить работу покойного мужа по открытию новой больницы и органи-

зывать сбор средств. Но потом началась война, все страдали от непомерных налогов и обеспечения денег, которое так и продолжалось с тех пор, и никто не хотел жертвовать на больницу.

Малтон развел руками:

– Каждый делает что может, хотя, видит Бог, этого мало. Говорят, что городские власти собираются поддержать наше начинание. Они получили деньги от короля, однако пока еще эти бюрократы раскочалятся...

– Я смотрю, в городе с каждым днем все больше нищих.

– Нищих и больных, – ответил медик.

Мы немного помолчали, а потом, чтобы поднять другу настроение, я сказал:

– У меня хорошая новость: Тамазин снова беременна. Ребенок должен родиться в январе.

Малтон широко улыбнулся, сверкнув крепкими белыми зубами:

– Слава богу! Передай ей, что я буду рад снова наблюдать ее.

– Нас обоих приглашают на первый день рождения Джорджа. Двадцать седьмого числа.

– С радостью приду. Это, стало быть, через десять дней. – Гай снова взглянул на меня. –

А на следующей неделе, в понедельник, будет... – Он некоторое время помолчал в нерешительности. – Годовщина печального события...

– Да, помню, ровно год, как затонула «Мэри Роуз». Сколько же людей тогда погибло, я и сам чуть не пошел на дно вместе с остальными. – Я понурился и печально покачал головой. – Кажется, мирный договор подписан. Наконец-то.

– Да. Говорят, король сохранит за собой Булонь или то, что от нее осталось, еще на десять лет.

– Небольшое достижение, если учесть, какую цену пришлось заплатить за это: сколько народу зря угробили, я уж не говорю про крушение денежной системы.

– Да уж, это верно, – согласился Гай. – А как у тебя, возникает еще чувство, что земля внезапно уходит из-под ног, как бывало после гибели корабля?

Я поколебался, вспомнив, что испытал нынче на казни:

– Бывает иногда, но теперь уже очень редко.

Доктор Малтон пристально посмотрел на меня, а потом произнес более веселым тоном:

– Маленький Джордж – восхитительный сорванец. Полагаю, что, когда у него появится братишка или сестренка, он начнет ревновать родителей, обижаться, что теперь ему уделяют меньше внимания.

Я криво усмехнулся:

– Братья и сестры... Да уж, они не всегда ладят между собой.

И, не называя имен, я рассказал Гаю кое-что про тяжбу миссис Слэннинг. Он внимательно слушал, и в сгущающихся сумерках его темные глаза блестели в свете свечей.

– Я считал, что эта женщина просто злобная карга, которая получает удовольствие, всячески понося родного брата, но после того, что она сказала сегодня, заподозрил, что на самом деле тут может крыться нечто большее.

Гай задумался и печально произнес:

– Похоже, эта ссора имеет давнюю историю.

– Думаю, да. Я даже хотел потолковать об этом со своим коллегой-оппонентом, он человек здравомыслящий, – посмотреть, не сможем ли мы их примирить. Но, строго говоря, это станет нарушением профессиональной этики.

– Да и вряд ли поможет. Некоторые ссоры зашли так далеко, что их не уладишь миром. – Лицо Малтона стало еще более печальным.

Мартин и Агнесса принесли очередную перемену блюд – тарелки с курицей и беконом и миски с разнообразными овощами.

– Ты сегодня как-то непривычно пессимистичен, – сказал я Гаю. – А в жизни порой случаются чудеса. Вот, например, один человек, от которого я меньше всего этого ожидал, принес мне оливковую ветвь мира.

И я рассказал ему о записке от Билкнэпа и деньгах, которые он вернул спустя несколько лет.

Мой друг изумленно посмотрел мне в глаза:

– И ты поверил ему, Мэтью? Вспомни обо всем, что он сделал в прошлом!

– Похоже, он при смерти. Но... – Я пожал плечами. – Нет, даже теперь я не могу заставить себя поверить Билкнэпу.

– И умирающий зверь может укусить.

– Ты определенно нынче в мрачном настроении.

– Да, – кивнул врач. – В мрачном, это правда. Я все думаю о том, что произошло сегодня утром на Смитфилдской площади.

Я положил нож. В последние месяцы гонений я избегал обсуждать с Гаем религиозные вопросы, так как знал, что он всегда оставался убежденным католиком. Но, чуть поколебавшись, все-таки сказал:

– Я был там. Они сделали из этого целое представление – епископ Гардинер и половина Тайного совета смотрели на сожжение с большого крытого помоста. Меня заставил пойти туда казначей Роулэнд: Пейджет, личный секретарь короля, потребовал непременно прислать представителей от каждого инна. И вот я сидел на лошади и смотрел, как четыре человека сгорают в муках на костре, потому что не верят в то, во что велит король Генрих. Правда, каждому из них повесили по мешочку с порохом на шею, и в итоге несчастным разнесло головы. Да, когда я был там, земля снова заколебалась у меня под ногами, как палуба того тонущего корабля. – Приложив руку ко лбу, я заметил, что она слегка дрожит.

– Да смилостивится Господь над их душами, – тихо произнес мой собеседник.

Я пристально посмотрел на него:

– Как это понимать, Гай? Ты думаешь, этим людям нужна милость Божья, что они нуждаются в снисхождении за то, что просто говорили то, во что верили? За то, что утверждали, будто священники не могут превратить кусок хлеба в тело Христово?

– Да, – тихо проговорил Малтон. – Я верю, что эти несчастные заблуждались, отрицая таинство мессы – ту правду, которой Бог и Церковь учили нас веками. И это опасно для наших душ. А ведь они заполонили весь Лондон, скрываясь в своих собачьих норах, эти протестанты, и даже хуже – анабаптисты, которые не только отрицают мессу, но и верят, что традиционное общество должно быть разрушено до основания, а все богатства надо разделить между людьми поровну.

– У нас в Англии за все время было только несколько анабаптистов, лишь горстка отступников-голландцев. Они воспитывались во зле. – Я сам услышал раздражение в своем голосе.

Гай гневно возразил:

– А эта женщина, Аскью? Она хвалилась своим отрицанием мессы. А ведь, между прочим, Аскью – это ее девичья фамилия, по мужу она Кайм, но эта особа бросила законного супруга и двоих малых детей, чтобы пойти в Лондон и произносить речи перед здешними жителями! Так ли должна вести себя женщина?

Я уставился на своего старого друга, чье величайшее достоинство заключалось в неизменной мягкости и доброте. Он поднял руку:

– Мэтью, это не значит, что их нужно убивать таким страшным образом. Нет, не подумай, я вовсе так не считаю. Тем не менее эти люди были еретиками, и их следовало... заставить молчать. А если ты хочешь поговорить о жестокости, вспомни, что творила другая сторона, радикалы. Вспомни, что делал Кромвель с теми, кто отказывался принять верховенство короля

десять лет назад, вспомни монахов, выпотрошенных заживо в Тайберне⁷. – Его лицо пылало от возмущения.

– Если сложить два заблуждения вместе, они не составят истину.

– Да, согласен. Мэтью, мне, как и тебе, противна жестокость с обеих сторон. И я бы хотел увидеть, что этому пришел конец. Но, увы, ничего подобного не вижу. Вот что я имел в виду, говоря, что некоторые ссоры зашли так далеко, что их не уладишь миром. – Он посмотрел мне в глаза. – Но я не жалею, что король вновь обратил свой взгляд к Риму и поддерживает традиционную доктрину о таинстве мессы. Я мечтаю, чтобы он полностью вернул нас в лоно Рима, – продолжал мой гость, все более пылко и страстно, – а старые обиды, нанесенные католической церковью, сейчас заглаживаются, недаром же папа Павел Третий созвал Тридентский собор. В Ватикане есть люди, которые обратятся к протестантам и найдут способ наставить заблудшие души на путь истинный. – Он вздохнул. – Все говорят, что здоровье Генриха неуклонно ухудшается. А принцу Эдуарду еще нет и девяти. Я считаю глубоко неправильным, когда монарх провозглашает себя главой христианской церкви, объявляет, что он, а не папа является гласом Божиим в претворении церковной политики. Как же, скажи на милость, маленький мальчик будет осуществлять подобное главенство? Нет уж, Англии лучше воспользоваться возможностью вернуться в лоно святой Церкви.

– Церкви, которая почему зря сжигает людей во Франции и в Испании? А ведь святая инквизиция творит это там с намного большим размахом, чем здесь. Да еще вдобавок император Священной Римской империи развязывает новую войну против своих подданных-протестантов.

– Ты никак опять стал радикалом? – спросил Гай.

– Нет! – Я повысил голос. – Когда-то я надеялся, что новая вера, основанная на Библии, ясно покажет людям мир Божий. Но мне ненавистна последовавшая за этим пустопорожняя болтовня, ненавистны все эти радикалы, использующие выдержки из Библии как приговор, как гвозди в крышке гроба, подобно папистам, настаивая на том, что только они одни правы. Но когда молодую женщину вынесли к столбу на стуле, потому что перед этим ее жестоко пытали, а потом сожгли заживо перед высокими лицами государства, поверь мне, я смотрел на это без всякой тоски по старой религии. Я помню Томаса Мора, этого неслгибавемого паписта, и тех людей, которых он уничтожил за ересь.

– Если бы мы только могли постичь суть истинного благочестия, которое заключается в жалости, милосердии, единстве... – печально проговорил Малтон.

– С таким же успехом можно желать получить луну с неба, – ответил я. – Что ж, значит, в одном мы согласны: наше общество так разделилось, что это уже не прекратить, пока одна сторона полностью не раздавит другую. И сегодня мне тошно было видеть людей, которых возвысил Томас Кромвель, полагая, что они будут продвигать реформы, и которые теперь переметнулись обратно, чтобы продвигать свою карьеру: Пейджета, Ризли, Ричарда Рича... Епископ Гардинер тоже был там, взирал на происходящее с властным и грозным видом. – Я горько рассмеялся. – Я слышал, радикалы прозвали его надутым поросенком папы римского.

– Пожалуй, нам не стоит больше обсуждать такие темы, – негромко сказал мой друг.

– Пожалуй. В конце концов, в наши дни небезопасно говорить свободно – не безопаснее, чем читать что хочешь.

Раздался тихий стук в дверь. Я решил, что это Мартин: он должен был принести торт. Мне теперь уже не хотелось сладкого. Я надеялся, что управляющий не слышал наш спор.

– Войдите, – сказал я.

Это и в самом деле был Мартин, но десерт он не принес. На его лице, всегда таком бесстрастным, теперь проглядывало возмущение.

⁷ Тайберн – с 1196 по 1783 г. место публичной казни в Лондоне.

– Мастер Шардлейк, к вам пришли. Какой-то юрист. Сказал, что ему срочно нужно с вами поговорить. Я ответил, что вы ужинаете, но он настаивает, – сообщил эконом.

– Как его имя? – спросил я.

– Простите, но он не говорит. Заявил, что ему необходимо побеседовать с вами с глазу на глаз. Я провел его в кабинет.

Я взглянул на Гая. Он все еще выглядел расстроенным после нашего спора и мрачноковырял вилкой в тарелке, но заставил себя улыбнуться и произнес:

– Тебе непременно нужно увидеться с этим джентльменом, Мэтью. Я могу подождать.

– Хорошо. Спасибо.

Я встал из-за стола и вышел в коридор. Может, и неплохо сделать перерыв, – по крайней мере, это даст моим чувствам остыть. Уже стемнело. Кого могло принести в такой час? Через окно в прихожей я увидел двух молодых парней с факелами, – по-видимому, они сопровождали таинственного посетителя и освещали ему дорогу. С ними был также и третий – слуга в темном платье и опоясанный мечом. Значит, ко мне пришел не простой человек, а некая важная персона.

Я отворил дверь и, к своему удивлению, увидел того самого молодого человека, который пристально смотрел на меня днем, во время казни: он был по-прежнему в своем скромном длинном одеянии юриста. При ближайшем рассмотрении его лицо, хотя и не красивое, обезображенное родинками на одной щеке, выражало силу характера, несмотря на молодость, а голубые глаза навывкате смотрели остро и внимательно, словно бы прощупывая меня. Он поклонился:

– Добрый вечер, сержант Шардлейк. Прошу прощения, что побеспокоил вас за ужином, но, боюсь, вопрос срочный и не терпит отлагательств.

– О чем речь? Какое-то из моих дел?

– Нет, сэр. – Незванный гость закашлялся, и я с удивлением понял, что он нервничает. – Я прибыл из Уайтхолла, от ее величества королевы Екатерины. Она просит вас о встрече.

– Просит? – удивленно переспросил я. Королевы, вообще-то, не просят, а приказывают.

– Да, сэр. Королева велела мне передать, что попала в большую беду, и умоляет вас о помощи. Она отправила меня к вам лично, не желая доверять свою просьбу бумаге. Извините, не представился. Меня зовут Уильям Сесил. Я служу на небольшой должности в Ученом совете ее величества. Так вот, сэр, вы очень нужны королеве.

Глава 4

Я почувствовал, что земля уходит у меня из-под ног. Отодвинув стул от своего рабочего стола, я пригласил Сесила присесть напротив, а сам принес свечку и поставил ее между нами. Она освещала лицо молодого человека, и тени подчеркивали ряд из трех небольших родинок на его правой щеке.

Я набрал в грудь побольше воздуха и начал беседу:

– Вижу, вы барристер.

– Да, из Грейс-Инн.

– Вы работаете с Уорнером, стряпчим королевы?

– Иногда. Но мастер Уорнер оказался среди тех, кого допрашивали в связи с еретическими речами. Он теперь, как говорится, предпочитает лишний раз не высываться. А мне королева доверяет, она сама попросила стать ее посланником.

Я развел руками:

– Но какая неотложная нужда может быть во мне у ее величества? Ведь я всего лишь практикующий адвокат в суде.

Сесил улыбнулся – как мне показалось, немного грустно.

– Думаю, нам обоим известно, сержант Шардлейк, что ваши способности простираются значительно шире этого. Впрочем, простите: я не могу сейчас посвятить вас в подробности дела глубже. Если вы соизволите прийти, королева встретит вас во дворце завтра в девять и тогда уже сама расскажет больше.

Я снова задумался. Королевы не умоляют и не просят подданных прийти, они приказывают. До своего брака с королем Екатерина Парр обещала, что хотя и будет время от времени подбрасывать мне юридические дела, но никогда не станет вовлекать меня в политику. Теперь же, очевидно, она хотела предложить нечто серьезное, даже опасное, а потому именно так и сформулировала свое послание, предоставляя мне возможность при желании сказать Сесилу «нет».

– А прямо сейчас вы не можете мне ничего рассказать? – надавил я на него.

– Нет, сэръ. Я лишь уполномочен узнать, придете ли вы или решите отказаться, сохранив мой визит в тайне.

Всею душой мне хотелось отказаться. Я помнил, чему стал свидетелем утром: пламя, крики, кровь... Но потом я подумал о королеве Екатерине, о ее мужестве и благородстве, доброте и чувстве юмора. Изысканнейшая и благороднейшая леди, какую я только встречал, женщина, от которой я не видел ничего, кроме добра. В общем, я глубоко-глубоко вздохнул и сказал:

– Хорошо, я приду.

Как последний дурак, я занимался самообманом, внушал себе, что просто увижусь с королевой, а потом, если возникнет такая нужда, будет еще не поздно отклонить ее просьбу.

Сесил кивнул. У меня было такое чувство, что я не произвел на него особого впечатления. Вероятно, он увидел всего лишь горбатого юриста средних лет, пришедшего в смятение от возможности подвергнуться опасности. И он был прав: именно так и обстояло дело.

– Тогда подойдите по дороге к главным воротам завтра в девять утра, – сказал юноша. – Я буду ждать вас там и проведу внутрь, а потом вас сопроводят в покои королевы. Наденьте мантию юриста, но не надевайте шапочку сержанта. На данном этапе лучше привлекать к себе как можно меньше внимания.

Он погладил свою реденькую бородку, скептически глядя на меня: наверняка подумал, что, будучи горбуном, я привлеку внимание в любом случае.

Я встал:

– Тогда до завтра, брат Сесил.

Он поклонился:

– Жду вас ровно в девять утра, сержант Шардлейк. А сейчас я должен вернуться к королеве. Знаю, она будет рада вашему ответу.

Я проводил его до двери. Из столовой появился Мартин еще с одной свечой: он открыл Уильяму дверь и поклонился, как всегда досконально выполняя обязанности эконома. Сесил шагнул на посыпанную гравием дорожку, где его ждали слуга с факельщиками, чтобы проводить домой, уж не знаю, куда именно. Броккет закрыл дверь.

– Я позволил себе вольность подать десерт доктору Малтону, – сказал он.

– Спасибо, – кивнул я. – Передайте ему, что я сию минуту приду. Но сначала пришлите в мой кабинет Тимоти.

Я вернулся в свое убежище, собственную тихую гавань, где держал маленькую коллекцию книг по юриспруденции, а также дневники и записи за много лет. Мне стало интересно, как отреагировал бы Барак, узнай он об этой просьбе прийти в Уайтхолл. Он наверняка бы сразу сказал, что мне нужно отбросить свои сентиментальные фантазии о королеве и придумать на завтра какое-нибудь срочное дело: например, что у меня назначена важная встреча где-нибудь в Нортумберленде.

Пришел Тимоти, и я написал для Джека записку, велел мальчику немедленно отнести ее в контору. В записке я просил подготовить краткое изложение одного из наиболее важных дел, которым собирался заняться завтра. Но потом передумал и кое-что исправил, попросив выполнить эту работу Николаса. Даже если парень что-то напутает, это будет отправная точка.

Тимоти обеспокоенно посмотрел на меня своими темными глазами:

– Вы хорошо себя чувствуете, хозяин?

– Да, лучше некуда, – раздраженно ответил я. – Просто завален делами по горло. Нет покоя в этом мире.

Пожалев о своем тоне, я дал подростку перед уходом полгроата⁸, а сам вернулся в столовую, где мой гость без особого энтузиазма тыкал вилкой в миндально-марципановый торт Агнессы.

– Извини, Гай, срочное дело, – вздохнул я.

Доктор улыбнулся:

– Я тоже прерываю свои трапезы, когда у какого-нибудь бедного пациента наступает кризис.

– И прошу прощения, что перед этим был слишком резок. Но увиденное утром страшно удручило меня.

– Понимаю. Однако если ты думаешь, что все противники реформ – или те из нас, кто, да, хотел бы вернуть Англию обратно в лоно Римской церкви, – поддерживают подобные вещи, то ты крайне несправедлив к нам.

– Я лишь знаю, что «circa Regna tonat»⁹, – процитировал я Уайетта и тут же снова вспомнил, что сказал Филипп Коулсвин во время сожжения.

«Вы понимаете, что теперь каждого из нас может в любой момент постигнуть такая же участь?» А ведь и правда. Я невольно содрогнулся.

Рано утром на следующий день Тимоти оседлал Бытия, и я поехал по Канцлер-лейн. Мой конь старел: его тело округлялось, а голова тощала. Снова выдался приятный июльский

⁸ *Гроат* – серебряная монета достоинством в 4 пенса.

⁹ «Вокруг тронов всегда слышны раскаты грома» (*лат.*); цитата из стихотворения английского дипломата и поэта Томаса Уайетта «*Circumdedereunt me inimici mei*» («Враги окружили меня»).

день, жаркий, но с прохладным ветерком, шумевшим в зеленой листве. Я миновал ворота Линкольнс-Инн и по краю дороги направился на Флит-стрит, пропустив стадо овец, которых гнали на бойню в Шамблз.

Город уже проснулся, лавки были открыты, и в дверях стояли приказчики, наперебой расхваливая товары. В пыли толкались разносчики со своими подносами, мимо прошел крысолов в грубой шерстяной рубаше, сгибаясь под тяжестью двух клеток на коромысле, полных лоснящихся черных крыс. Женщина с корзиной на голове кричала: «Горячие пирожки!» Я увидел на стене лист бумаги с перечнем запрещенных книг, которые надлежало сдать до девятого августа. Кто-то накорябал поперек списка: «Слово Божие есть слава Христова».

Когда я доехал до Стрэнда, путь стал спокойнее. Дорога, следуя за изгибом реки, сворачивала на юг, к Вестминстеру. Слева стояли большие трех- и четырехэтажные дома богатей: яркие разукрашенные фасады и привратники в ливреях у входа. Я прошел мимо большого каменного креста на Чаринг-Кросс и свернул на Уайтхолл-роуд – широкую улицу, ведущую к Уайтхоллу. Впереди уже виднелось высокое здание дворца с башнями и укреплениями; на каждом шпиле его, сверкая позолотой на солнце, как сотни зеркал, красовались гербы Англии и Британии. Они были такими яркими, что я даже зажмурился от их блеска.

Первоначально дворец Уайтхолл принадлежал Томасу Уолси и назывался Йорк-Плейс, однако впоследствии собственность опального кардинала в Лондоне досталась королю. В последние пятнадцать лет Генрих постепенно расширял дворец, и говорили, что он хотел сделать его самой роскошной и внушительной резиденцией в Европе. Слева от широкой дороги стояли главные здания, а справа располагались увеселительные заведения, теннисные корты, где когда-то развлекался его величество, большая круглая арена для петушиных боев и охотничьи уголья Сент-Джеймс-парка. Через улицу мостом перекинулись спроектированные Гольбейном Большие ворота – гигантское четырехэтажное сооружение с двумя башнями, которое связывало две части дворца. Как и сами стены замка, Большие ворота были выложены в шахматном порядке черно-белой плиткой и украшены огромными терракотовыми медальонами с изображениями римских императоров. Проход внизу казался маленьким из-за размеров здания, но он был достаточно широк, чтобы в нем могли разъехаться две самые большие повозки.

Чуть не доходя до Больших ворот, сплошные дворцовые стены прерывались небольшой, но великолепной аркой, которая вела к внутренним строениям комплекса. Там стояла стража в бело-зеленых мундирах. Я встал в небольшую очередь, чтобы войти, и за мной пристроилась длинная повозка, запряженная четверней лошадей. На ней были сложены свежие бревна, несомненно предназначавшиеся для новых покоев старшей дочери короля, леди Марии, что строились у реки. Другая повозка, которую сейчас как раз осматривали стражники, была нагружена гусьями для дворцовой кухни, а непосредственно передо мной гарцевали на конях с богато украшенными седлами трое молодых людей, которых сопровождали слуги. На молодых джентльменах были зеленые камзолы с буфами и разрезами у плеч, отчего была видна фиолетовая шелковая подкладка, на головах у них красовались шапки с павлиньими перьями, а через одно плечо свисали небольшие накидки, прихваченные ляжкой на новый испанский манер. Я услышал, как один из них сказал:

– Я не уверен, что Ризли вообще сегодня здесь, не говоря уже о том, прочел ли он прошение Мармадьюка.

– Но человек Мармадьюка внес нас в список, и это позволит нам войти в приемную. Давайте пока скоротаем время за игрой в карты, и один лишь Бог знает, кто может пройти мимо, пока мы будем там.

Я понял, что эти молодые люди ищут место при дворе, – вероятно, какие-нибудь мелкопоместные дворяне, отдаленно связанные с кем-то из людей сэра Томаса Ризли, одни из бесконечной череды просителей, которые заполняли Уайтхолл в надежде, что им дадут какую-нибудь должность, желательно синекуру. Скорее всего, на эти наряды они потратили свой полу-

годовой доход в надежде привлечь внимание кого-нибудь из влиятельных персон или хотя бы слуг значительных людей. Мне вспомнилось общее прозвище таких типов – «гроза придворных».

Подошла моя очередь. Стражник держал в руке список и маленьким стилем вычеркивал имена. Я уже собирался назвать свое, когда из ниши в воротах появился молодой Уильям Сесил. Он коротко переговорил с охранником, и тот, сделав соответствующую пометку, махнул мне рукой, разрешая пройти. Въехав под арку, я услышал, как молодые люди спорят со стражником. Очевидно, их в списке все-таки не оказалось.

Миновав арку, я спешил около конюшен. Сесил позвал конюха, и тот взял у меня поводья.

– Я провожу вас в помещение стражи, – деловым тоном сказал Уильям. – Там вас ждет человек, который и отведет вас к королеве.

Сегодня на моем новом знакомом была другая адвокатская мантия, а на груди пришит значок с портретом молодой женщины в короне – это был символ святой Екатерины, личный значок королевы.

Я согласно кивнул и оглядел вымощенный булыжником внешний двор. Как-то раз, во времена лорда Кромвеля, я уже бывал здесь. Справа шла стена крытой галереи, окружавшей королевский сад. Строения с трех прочих сторон поражали великолепием: все стены были или выложены плиткой в черно-белую шашечку, или расписаны фантастическими зверями и растениями на черном фоне, отчего выделялись еще больше. За королевским садом, к югу от него, я разглядел длинный ряд трехэтажных зданий, протянувшийся до самых Больших ворот, – в этих домах, как я помнил, располагались личные апартаменты короля. Перед нами возвышался дом с причудливыми колоннами. У его дверей, украшенных гербом Англии, тоже стояла стража. Сзади виднелась высокая крыша часовни.

Во дворе толпились люди, в основном молодые мужчины. Некоторые были в дорожных одеждах, как те трое у ворот, в ярко разукрашенных камзолах с разрезами и в рейтузах всевозможных цветов с преувеличенно большими гюльфиками, а другие – в темных одеяниях чиновников высокого ранга, с официальными золотыми цепями на шеях; их сопровождали несущие документы клерки. Повсюду толкались лакеи в королевских бело-зеленых ливреях с вышитыми буквами «HR»¹⁰, а между ними постоянно сновала туда-сюда прислуга с кухни или из конюшни в повседневной одежде. Мимо прошла какая-то молодая женщина в сопровождении служанок. На ней было модное платье с фижмами, а ее конической формы юбка с вышитым узором в виде цветов расширялась внизу, но сужалась на невероятно тонкой талии. Пара-тройка кандидатов в придворные сняли перед дамой шляпы, надеясь обратить на себя ее внимание, но красавица даже не взглянула на них. Ее занимали собственные мысли.

– Это леди Мод Лейн, – сказал Сесил, – кухня королевы и старшая фрейлина.

– Она не выглядит счастливой.

– В последнее время у нее много забот, – грустно ответил мой спутник и посмотрел на придворных. – Искатели выгодного местечка, охотники за должностями, приспособленцы, подхалимы, злоупотребляющие доверием... – Он криво усмехнулся. – Но я, когда начинал карьеру, тоже искал внимания у высоких лиц. Впрочем, мой отец служил в личной охране короля, так что у меня с самого начала имелись необходимые связи.

– Вы тоже стремитесь возвыситься? – спросил я его.

– Почему бы и нет? На определенных условиях, соблюдая определенные принципы. – С этими словами собеседник посмотрел мне в глаза и добавил: – На службе у определенного господина. – Он немного помолчал, а потом вдруг сказал: – Смотрите! Это Уильям Пейджет, личный секретарь короля.

¹⁰ Аббревиатура от латинского словосочетания «*Henricus Rex*» – «Король Генрих».

Я увидел, как двор пересекает мужчина с крупными, как каменные плиты, чертами лица, русой бородой и узкой щелью рта с опущенными уголками. Я уже видел Уильяма Пейджета накануне, на сожжении Энн Аскью и других еретиков. Сейчас королевского секретаря сопровождали несколько слуг в черном, один из которых на ходу читал ему какую-то бумагу.

– Запомните этого человека, сержант Шардлейк, – произнес Сесил. – Он ближе к королю, чем кто-либо.

– Я думал, ближе всех епископ Гардинер.

Уильям тонко улыбнулся:

– Гардинер вечно что-то шепчет королю на ухо. Но Уильям Пейджет обеспечивает всю административную работу, обсуждает с королем политику, ведает назначениями на должности.

Я посмотрел на собеседника:

– Судя по вашим словам, он теперь почти как Кромвель.

Сесил покачал головой:

– О нет. Пейджет обсуждает с королем политику, но никогда не заходит дальше, чем того желает его величество. Он никогда не пытается управлять королем. А ведь именно это стремление погубило в свое время и Кромвеля, и Анну Болейн. Что же, теперь высшие люди королевства многому научились на их ошибках. – Молодой человек тяжело вздохнул. – Или, по крайней мере, должны были научиться.

Он повел меня по булыжной мостовой. Двое здоровяков, облаченных в королевские ливреи, протащили мимо нас за шиворот парочку мальчишек в потрепанной одежде и пинком вышвырнули их за ворота. Сесил неодобрительно заметил:

– Эти оборвыши постоянно проникают обманом внутрь, говоря, что они, дескать, слуги слуг кого-нибудь из низших придворных. Не хватает привратников, чтобы вытолкать их всех вон.

– Здесь нет охраны? – удивился я.

– Во внешнем дворе очень мало. Но внутри – вот увидите – совсем другое дело.

Уильям подвел меня к двери с гербом Англии. Там стояли двое йоменов в своих бросающихся в глаза красных мундирах, украшенных золотыми розами Тюдоров. В руках они держали длинные острые алебарды. Мой сопровождающий подошел к одному из них и сказал:

– Мастер Сесил и адвокат Шардлейк к лорду Парру.

Йомен отметил нас в своем списке, и мы прошли внутрь.

Мы вступили в большой зал, где стояли несколько стражников. Их наряды были еще великолепнее, чем у йоменов, – черные шелковые камзолы и шляпы с большим черным плюмажем и с расшитыми золотом полями. У каждого на шее висел на цепи большой золотой значок. Все они были высокими, крепкого сложения и вооружены острыми бердышами. Наверное, это была личная охрана короля, гвардия его телохранителей.

Стены здесь были украшены яркими гобеленами, и возле них стояли расписные деревянные сундуки. Внезапно я увидел занимающую всю стену картину, о которой много слышал. Она называлась «Король и его семейство» и была написана в прошлом году одним из последних учеников мастера Гольбейна. Полотно изображало внутреннее помещение дворца. В центре, на троне под богато отделанным балдахином, восседал король, мощный, рыжебородый и суровый, в широком черном, расшитом золотом камзоле. Одну руку он положил на плечо мальчику, принцу Эдуарду, своему единственному сыну. С другой стороны от короля сидела, скромно сложив руки на животе, мать Эдуарда, давно умершая третья жена Генриха VIII Джейн Сеймур. С обеих сторон от царственной пары стояли молодая дама и юная девушка – леди Мария, дочь Екатерины Арагонской, и леди Елизавета, дочь Анны Болейн, обе восстановленные в праве наследования два года тому назад. За спинами у них были видны две открытые двери, выходящие в сад. За дверью позади Марии стояла маленькая женщина с абсолютно

ничего не выражающим лицом, а позади Елизаветы – низенький горбатый мужчина, на плече у которого сидела обезьянка в камзоле и шапке. Я задержался на секунду, захваченный великолепием стенной росписи, но Сесил тронул меня за руку, и я повернулся и пошел за ним.

В следующей комнате тоже обнаружилось изрядное число богато наряженных молодых людей: они сидели на сундуках или стояли вокруг, и им не было конца. Один из них препирался со стражником возле единственной внутренней двери.

– Если я не увижусь с экономом лорда Лайла, – горячо настаивал он, – случится беда, сэр! Он хочет меня видеть.

Охранник отвернулся и равнодушно обронил:

– Если его светлость того пожелает, нам непременно скажут. А до тех пор прекратите шуметь в помещении королевской охраны.

Тут подошли мы, и стражник с облегчением повернулся к нам. Сесил тихо сказал ему:

– Лорд Парр ждет нас внутри.

– Да, меня предупредили. – Привратник быстро осмотрел меня. – У вас нет никакого оружия, сэр? Кинжала?

– Разумеется, нет, – ответил я.

Я частенько носил с собой кинжал, но знал, что в королевских дворцах оружие строго запрещено.

Здоровенный стражник без лишних слов открыл дверь – ровно настолько, чтобы мы могли войти.

Впереди была широкая лестница, покрытая толстой тростниковой циновкой, которая приглушала шаги, когда мы поднимались. Я дивился украшениям на стенах: ну просто буйство цветов и замысловатых деталей. Там встречались ярко раскрашенные щиты с изображением герба Тюдоров и геральдических зверей, на стенах между ними были нарисованы переплетенные ветви с листьями, а большие участки покрывали резные панели – на дереве были искусно вырезаны и разноцветные складки занавеса. На ступенях через равные интервалы стояли стражники из гвардии телохранителей, бесстрастно глядя перед собой. Я понял, что мы приближаемся к королевским апартаментам на втором этаже. Мы покидали обычный мир.

Наверху лестницы нас ждал немолодой широкоплечий мужчина, державший в руке трость. На нем был черный камзол со значком королевы, а на шее – золотая цепь, поражавшая своим необычайным великолепием. Его седые, как и маленькая бородка, волосы покрывала усыпанная драгоценными камнями шапка; морщинистое лицо было бледным. Сесил низко поклонился, и я последовал его примеру.

– Сержант Шардлейк – сэр Уильям Парр, барон Хортон, лорд-канцлер королевы и ее дядя, – представил нас друг другу мой спутник.

Лорд Парр кивнул ему и проговорил глубоким и чистым, несмотря на возраст, голосом:

– Спасибо, Уильям.

Сесил снова поклонился и отправился назад по лестнице – аккуратная маленькая фигурка среди всего этого великолепия. Мимо нас молча проследовал слуга, тоже спешивший вниз.

Уильям Парр посмотрел на меня пронзительными голубыми глазами. Я знал, что, когда отец будущей королевы безвременно умер, этот человек, его родной брат, взял на себя заботы о вдове и детях усопшего. В дни своей молодости он был близок к королю и помог семейству Парр пробиться при дворе. Сейчас ему, наверное, было уже под семьдесят.

– Значит, вы и есть тот самый юрист, которого так высоко ценит моя племянница, – проговорил он.

– Ее величество очень добра, – заметил я.

– Мне известно, какую добрую службу вы сослужили Екатерине до того, как она стала королевой. – Старый лорд был предельно серьезен. – А теперь она просит помочь ей снова. Может ли ее величество рассчитывать на вашу безусловную преданность?

– Целиком и полностью, – кивнул я.

– Заранее предупреждаю: это грязное и опасное дело, которое следует хранить в тайне. – Парр глубоко вздохнул. – Вам сообщат нечто такое, о чем знать смертельно опасно. Королева сказала мне, что вы предпочитаете держаться подальше от политики, поэтому давайте говорить откровенно. – Он посмотрел на меня долгим взглядом. – Теперь, когда я вас предупредил, предпочтете ли вы готовы помочь ей?

Я ответил сразу же, без размышлений и колебаний:

– Готов.

– Но почему? – спросил лорд Уильям. – Я знаю, вы не религиозный человек, хотя когда-то им были. – Его голос посуровел. – Как и многие в наши дни, вы равнодушны к вопросам веры, сержант Шардлейк, вы из тех, кто ради собственного спокойствия и безопасности закрывает на это глаза.

Я глубоко вздохнул:

– Я хочу помочь королеве, потому что она благороднейшая леди из всех, кого я встречал, и никому не делала ничего, кроме добра.

– Вот как? – На лице лорда Парра неожиданно появилась сардоническая улыбка. Он опять бросил на меня долгий взгляд, а потом решительно кивнул. – Тогда идемте. В апартаменты ее величества.

И он повел меня по узкому коридору мимо роскошной венецианской вазы на столе, покрытом красной турецкой тканью.

– Мы должны пройти через приемную короля, а потом через приемную королевы. Там будут молодые придворные, ожидающие возможности увидеться с высшими лицами королевства, – пояснил лорд Уильям устало, а потом вдруг остановился и поднял руку.

Мы находились около маленького узкого окна с тонким переплетом, открытого из-за жары. Парр быстро огляделся, не видит ли нас кто-нибудь, и после этого, положив руку мне на рукав, торопливо и настойчиво проговорил:

– Поскольку вам нужно будет понять, как обстоят дела в целом, вы должны это увидеть. Посмотрите сбоку в окно, он не знает, что за ним наблюдают. Ну же, скорее, пока есть такая возможность!

Я взглянул в окно и увидел выложенный плитками двор. И там, на этом дворе, двое крепких гвардейцев в черных нарядах, поддерживая под руки какого-то огромного человека, облаченного в желтый шелковый камзол с легким меховым воротником, помогали ему идти. Я в изумлении понял, что это король. Прежде я видел Генриха VIII вблизи дважды – во время его поездки в Йорк в 1541 году, когда он был воистину величественной фигурой, и в Портсмуте в прошлом году. Теперь я был потрясен тем, насколько его величество изменился в худшую сторону: он непомерно разжирел и выглядел измученным болью. Передо мною сейчас было жалкое подобие монарха, этакая развалина. Его огромные ноги казались еще толще от повязок и бандажей и разъезжались, как у гигантского ребенка, при каждом мучительном шаге. От любого движения необъятное тело правителя сотрясалось и колыхалось под камзолом. Лицо его представляло собой сплошную массу жира: маленького рта и крошечных глаз было почти не видно за складками на щеках, а некогда крючковатый, как клюв, нос стал мясистым и бесформенным. Король вышел на прогулку с непокрытой головой, и я увидел, что он почти совсем облысел, а оставшиеся от некогда пышной шевелюры волосы, как и редкая борода, совершенно поседел. Впрочем, лицо его было кирпично-красным и покрытым потом от усилий при перемещении по маленькому дворику. Пока я смотрел, его величество вдруг нетерпеливым жестом поднял руки, отчего я инстинктивно отскочил от окна. Лорд Парр нахмурился и приложил

палец к губам. Я снова выглянул, а король в этот момент заговорил тем совершенно не соответствующим его внешности визгливым голосом, который я запомнил еще по Йорку:

– Отпустите меня! Я и сам могу дойти до двери, покарай вас Бог!

Телохранители расступились, и Генрих сделал маленький неуклюжий шаг, но тут же остановился и закричал:

– Моя нога! Моя язва! Держите меня, болваны!

Его лицо посерело от боли, и он с облегчением вдохнул, когда стражники снова взяли его под руки и поддержали.

Парр шагнул в сторону и жестом велел мне сделать то же самое, а когда мы отошли, произнес странным, ничего не выражающим тоном:

– Вот он. Великий Генрих. Никогда не думал, что придет день, когда я пожалею его.

– Неужели совсем не может ходить? – прошептал я.

– Лишь несколько шагов. В хороший день чуть больше. Его ноги в сплошных язвах, со вздувшимися венами. Он гниет на ходу. Иногда его приходится возить по дворцу на коляске.

– А что говорят доктора? – Я занервничал, вспомнив, что любые разговоры о смерти короля считаются государственной изменой.

– В марте Генрих сильно болел, и медики готовились к самому худшему, но он каким-то образом выжил. Однако, говорят, еще одна простуда или закупорка его обширной язвы... – Лорд Уильям огляделся. – Король умирает. Его врачи знают это. И все при дворе знают. И он сам тоже. Хотя, конечно, не хочет этого признавать. Но ум его ясен, он по-прежнему все контролирует.

– Боже правый!

– Генрих почти непрерывно испытывает боль, плохо видит и не хочет умерять свой аппетит: говорит, что постоянно голоден. Еда осталась его единственным доступным ему удовольствием. – Дядя королевы прямо посмотрел на меня и повторил: – Единственным доступным ему удовольствием. Не считая разве что небольших верховых прогулок, но садиться на лошадь королю становится все труднее. Это продолжается уже довольно долго. – По-прежнему тихо и постоянно озираясь, не идет ли кто, лорд Парр продолжил: – А принцу Эдуарду еще нет и девяти. На Совете думают лишь об одном: кто примет бразды правления, когда придет время? Коршуны кружат над тронном, сержант Шардлейк. Вы должны это знать. А теперь пойдете, пока кто-нибудь не заметил нас у этого окна.

Лорд Уильям повел меня дальше и свернул еще к одной охраняемой двери, за которой слышался гул голосов. Из открытого окна раздался слабый болезненный вскрик, и я вдруг с изумлением обнаружил, что мне, как и лорду Парру, тоже жалко Генриха.

Глава 5

Стражник почтительно поприветствовал Парра и открыл ему дверь. Я знал, что королевские апартаменты устроены по одному принципу во всех дворцах: ряд комнат, все менее и менее доступных по мере удаления, а в самой глубине – личные покои короля и королевы. Приемная его величества была самым красочным и экстравагантным по своему убранству помещением. Одну стену там покрывало яркое полотно с изображением Благовещения: все фигуры на нем были в римских одеяниях, а цвета – такими яркими, что буквально резали глаз.

Комнату заполняли молодые придворные – их шелковые рукава мерцали в ярком свете, льющемся из окна. При этом одни стояли, прислонясь к стене, другие беседовали, собравшись в группы, а кое-кто даже сидел за небольшим столом и играл в карты. Видимо, очередные просители и соискатели. Пробравшись сюда благодаря взяткам или связям, эти люди, вероятно, собирались провести здесь целый день. Когда мы вошли, все дружно взглянули на нас. Приемную пересек маленький человечек, вошедший вслед за мной, – низенький, с грустным лицом, горбатый, как и я, в зеленом плаще с капюшоном: я узнал королевского шута Уилла Соммерса с картины, которую видел в помещении охраны. На плече он держал свою обезьянку, которая искала гнид в его русых волосах. Придворные молча смотрели, как он самоуверенно подошел к одной из дверей и его беспрепятственно пропустили внутрь.

– Наверняка за шутком послали, чтобы он развеселил короля после возвращения с мучительной прогулки, – печально заметил лорд Уильям. – Мы пройдем через другую дверь в приемную королевы.

Один молодой человек отделился от стены и, подойдя к нам, снял шапку и поклонился:

– Лорд Парр, я родственник дальних родственников королевы, Трокмортонов. Может быть, для моей сестры найдется место среди фрейлин...

– Не сейчас. – Мой спутник бесцеремонно отмахнулся от него, подходя к двери.

И снова стражник с поклоном пропустил его.

Мы оказались в другой, уменьшенной версии приемной, где стены украшал ряд гобеленов с изображением рождения Христа. Здесь было лишь несколько молодых придворных и йоменов, все со значками королевы. Просители жадно обернулись, когда вошел Парр, но тот нахмурился и покачал головой.

Подойдя к группе, состоящей из полудюжины богато наряженных дам, игравших в карты в большой оконной нише, мы поклонились им. Все они были умело накрашены: лица их были покрыты дорогими белилами, а на щеках пламенели пятна румян. На всех женщинах были шелковые юбки с кринолинами и вышивкой на передней части, и все носили огромные съемные рукава, вышитые контрастными цветами. Каждый такой костюм стоил сотни фунтов, включая работу и материал, и носить его в жаркий летний день, наверное, было очень неудобно. Между дамами в надежде на подачку бродил спаниель. Я ощутил в воздухе напряжение.

– На днях в Уайтхолле был сэр Томас Сеймур, – сказала одна из присутствующих. – Он выглядит лучше, чем когда-либо, такой красавец!

– А вы слышали, как в мае он разгромил пиратов в Ла-Манше? – спросила другая.

Миниатюрная хорошенькая женщина лет тридцати постучала по столу, привлекая внимание собачки, и позвала:

– Эй, Гардинер!

Пес подбежал и устался на нее в ожидании, часто дыша. Она посмотрела на других женщин и проказливо улыбнулась:

– Нет, малыш Гардинер, сегодня ты ничего не получишь. Лежи и помалкивай.

Я понял, что пса назвали в честь епископа Гардинера и что дама дразнила его. Впрочем, остальные женщины не засмеялись, а скорее встревожились. Одна, постарше других, осуждающе покачала головой:

– Герцогиня Фрэнсис, разве прилично так насмеяться над священнослужителем?

– Почему бы и нет, если он того заслуживает, леди Кэрю, – отозвалась миниатюрная красавица.

Я посмотрел на женщину постарше, сообразив, что это вдова адмирала Кэрю, который погиб вместе с остальными на «Мэри Роуз». Стоя вместе с королем в тот трагический день на берегу, бедняжка своими глазами видела, как тонет корабль.

– Но безопасно ли это? – заметила кузина королевы, та самая леди Лейн, которую показал мне Сесил во дворе.

– Похвальная предусмотрительность, дочка, – резко проговорил лорд Парр.

Еще одна из дам бросила на меня высокомерный взгляд и обратилась к моему спутнику:

– Что, у королевы теперь тоже будет горбатый шут, как у его величества? Я думала, она довольна своей Джейн. Поэтому нас и выдворили сюда?

– Нехорошо, дорогая леди Хартфорд, подобное замечание не делает вам чести, – упрекнул ее Парр. Он поклонился женщинам и повел меня к двери, через которую ходили слуги. – Гордячки, – пробормотал он на ходу. – Если бы дамы из окружения королевы не распускали свои языки, мы бы не попали в такую беду. – Стражник вытянулся перед ним, и лорд Уильям тихо сказал ему: – Никого не впускать в личные покои ее величества, пока мы не закончим.

Тот поклонился, открыл дверь, и лорд Парр ввел меня в комнаты Екатерины.

Еще одно великолепное помещение... На стене висел ряд гобеленов, изображающих эпизод из Евангелия «Чудесное насыщение множества народа пятью хлебами и двумя рыбами». Кроме того, здесь были точно такие же деревянные панели в виде занавесей, какие мы видели по дороге сюда. На нескольких столах с тонкой резьбой стояли вазы с розами, а еще на одном – причудливые шахматы. На приподнятом кресле под балдахинем сидела королева. Она была одета еще более пышно, чем ее фрейлины, в малиновом платье с кринолином под французской мантией цвета королевского пурпура. Кринолин был покрыт геометрическим узором, и, когда на ткань упал свет, я увидел всю замысловатость рисунка: сотни крошечных окружностей, треугольников и квадратов заиграли на золотом фоне. Корсаж сужался к тонкой талии, с которой свисал золотой шарик с благовониями, и я уловил резковато-сладкий запах апельсина. Этот корсаж имел глубокий вырез, и на белой припудренной шее королевы были видны драгоценные камни на золотых цепочках и великолепная жемчужина в форме капли. Арселе¹¹ на ее темно-рыжих волосах был отодвинут далеко назад. И все же под всем этим величием (и под белилами, покрывавшими тонкие черты лица Екатерины Парр) я разглядел напряжение. Ей было теперь тридцать четыре года, и впервые с тех пор, как я познакомился с нею, королева выглядела на свой возраст. Низко поклонившись, я гадал, что же случилось, и уж совершенно не мог понять, что здесь делает стоящий рядом с ней человек – архиепископ Томас Кранмер, о котором я слышал, что он предпочитает лишний раз не попадаться на глаза королю и не покидает Кентербери.

Я выпрямился. Королева упорно не поднимала глаз, однако Кранмер поймал мой взгляд. На архиепископе были шелковая сутана, надетая поверх черного камзола, и простая черная шапка, из-под которой виднелись седые волосы. Его большие выразительные голубые глаза смотрели тревожно.

– А, сержант Шардлейк, – проговорил Кранмер своим тихим голосом. – Интересно, сколько же времени мы не виделись? Наверное, года три...

¹¹ *Арселе* – женский головной убор XVI–XVII вв., представлявший собой металлический каркас в форме сердца или подковы, надеваемый на плотный чепец.

– И даже дольше, милорд архиепископ, – ответил я.

Екатерина наконец окинула меня горестным взглядом и натянуто улыбнулась:

– С тех самых пор, как вы спасли мне жизнь, Мэтью. – Она вздохнула, а потом заморгала и повернулась к лорду Парру. – Что, леди Елизавета пошла позировать для портрета?

– Да, но сперва она долго сопротивлялась, – сказал ее дядя. – Леди Елизавета считает, что неприлично писать ее портрет в спальне.

– Видно, она устала позировать. Долго же художник ее рисует... Однако этот портрет очень важен. – Королева снова посмотрела на меня и тихо проговорила: – Как вы поживаете, Мэтью? Чем занимались в последний год?

– Живу я неплохо, ваше величество, – улыбнулся я. – Как обычно, работаю в области права.

– А как дела у Хью Кертиса?

– Тоже хорошо. Он занимается торговлей тканями в Антверпене.

– Вот и славно. Я рада, что из всей этой неприятной истории вышло хоть что-то хорошее. – Екатерина закусила губу, словно не желая продолжать.

Возникла пауза, а потом слово взял Кранмер:

– Как заметила королева, однажды вы уже спасли ей жизнь.

– Имел такую честь, – не стал спорить я.

– И теперь, похоже, вам предстоит сделать это снова.

Я посмотрел на ее величество. Она опять опустила глаза. Эта подавленная, донельзя расстроенная особа была не той Екатериной Парр, которую я знал. И потому я тихо спросил:

– Неужели положение настолько серьезно?

– Боюсь, что да, – ответил архиепископ.

Королева сложила ладони:

– Это все моя вина. Мое тщеславие, моя самоуверенность...

Лорд Парр властным тоном прервал ее:

– Я думаю, лучше начать с самого начала и рассказать сержанту Шардлейку обо всем, что произошло с весны.

Его племянница кивнула:

– Принесите стулья для всех. – Она вздохнула. – Ладно, будем называть вещи своими именами, история очень и очень непростая. Начнем с того, что сказал король в марте.

Уильям Парр многозначительно посмотрел на меня:

– Вы будете только пятым человеком, кто узнает это.

Я сидел неподвижно, стараясь сохранять невозмутимость, хотя мне и очень хотелось сцепить руки на коленях. Мне стало ясно, что на этот раз я поистине нырнул в глубокий колодец. Королева смотрела на меня с какой-то безысходностью, поигрывая жемчужиной у себя на шее.

– Весной король серьезно заболел, – начал лорд Парр, – и не покидал своих покоев много недель. Он приглашал к себе королеву, и ее присутствие утешало его. Их разговоры часто обращались к вопросам религии, как это характерно для его величества. Впрочем, в то время епископ Гардинер только что вернулся из-за границы: он пребывал в прекрасном настроении, поскольку добился успеха в переговорах о новом договоре с Карлом, императором Священной Римской империи.

– И тут я совершила страшную ошибку, – тихо и печально проговорила королева. – Три года я находилась на вершине успеха и всегда была осторожна в своих речах. Но меня одолел грех тщеславия, и я забыла, что я всего лишь женщина. – Она снова потупилась, поднимая за цепочку жемчужину и рассматривая ее. – Я стала спорить с королем слишком пылко, пытаюсь уговорить его снять запрет женщинам и простонародью читать Библию; я говорила, что все должны иметь доступ к словам Христа, чтобы спастись...

– К несчастью, – вставил лорд Уильям, – ее величество зашла слишком далеко и вызвала раздражение супруга...

Екатерина взяла себя в руки и отпустила жемчужину.

– Величайшей глупостью с моей стороны было то, что я говорила с королем таким образом в присутствии Гардинера. Когда я ушла, король сказал епископу... – Она в нерешительности замолкла и не сразу продолжила: – «Вот уже женщины мнят себя священнослужителями, и мне на старости лет приходится выслушивать нотации от собственной супруги».

Я увидел, как в уголках ее глаз собрались слезы.

Томас Кранмер пояснил:

– Сие известно нам от присутствовавших при этом слуг. И мы знаем, что Гардинер, уподобившись кровожадному волку, каковым он и является, сказал королю, что королева и ее фрейлины – еретики, что в Великий пост они якобы приглашали в покои ее величества проповедников, которые отрицали, что во время мессы хлеб и вино становятся телом и кровью Христа, и обсуждали между собой запрещенные книги. И еще он добавил, что такие люди ничем не лучше анабаптистов, которые подрывают королевскую власть.

Ее величество склонила голову. Взглянув на племянницу, лорд Парр проговорил:

– Но король всегда с подозрением относился к Гардинеру. С тех пор как пал Кромвель, он настороженно слушал тех, кто нашептывал ему о заговорах еретиков. И, несмотря на свое раздражение в тот вечер, он любил королеву и меньше всего хотел потерять ее. Помни об этом, милая, помни всегда.

– Но я совершила опасную вещь, – вновь заговорила Екатерина, и я нахмурился.

Я всегда знал, что в вопросах религии она придерживалась радикальных взглядов, и с содроганием подумал, уж не примкнула ли она в самом деле к протестантам. И снова я ощутил запах дыма со Смитфилдской площади.

– Ваш дядя прав, – обнадеживающим тоном произнес Кранмер. – Король любит вас за вашу доброту и за то утешение, которое вы ему даете. Всегда помните об этом, Кейт.

«Кейт? – подумал я. – Надо же, а я и не знал, что королева и архиепископ настолько близки!»

Лорд Уильям тем временем продолжал:

– Король позволил Гардинеру не только представить ему свидетельства того, о чем он говорил, но и начать борьбу с ересью по всей стране. К тому времени он сильно встревожился: народ проявлял недовольство из-за постоянного роста цен и затянувшейся войны, впрочем милостивый Господь дал его величеству узреть разумность заключения мира. – Он снова взглянул на племянницу. – У королевы есть преданные друзья, и ее заблаговременно предупредили, что коварный епископ начал поиски доказательств того, о чем он говорил Генриху. Я изъясил у Екатерины и у ее фрейлин все книги, которые Гардинер, извратив ситуацию, мог представить как свидетельство в поддержку ереси. А те, кого допрашивали относительно того, какие разговоры велись в покоях королевы, сохранили преданность ей и не сказали ничего такого, что можно было бы инкриминировать ее величеству.

Я призадумался: интересно, что за литература хранилась у Екатерины? Впрочем, люди Гардинера для достижения своих гнусных целей вполне могли воспользоваться любой книгой, даже с легким лютеранским налетом.

А королева словно бы прочла мои мысли и заговорила снова:

– Там не было никаких книг еретической природы, и в королевских покоях не говорилось ничего запретного. Хотя Гардинер и приставил своих псов к моим друзьям и моим фрейлинам, нескольких из которых вы могли видеть за дверью, он остался ни с чем.

Так вот почему леди Кэрю так встревожилась, когда герцогиня Фрэнсис косвенно насмеялась над Гардинером!

– И все же искатели должностей в Тайном совете стали послушным орудием епископа, – продолжила Екатерина. – Это лорд-канцлер Ризли и еще один человек, которого вы хорошо знаете и который бы с радостью увидел меня на костре, – Ричард Рич.

Я заерзал на стуле и тихо заметил:

– Это из-за меня Рич стал вашим врагом: этого не случилось бы, если бы вы не оказывали мне покровительство в прошлом году.

Кранмер покачал головой:

– Нет, мастер Шардлейк, Рич и Ризли увидели возможность возвыситься, следуя за Гардинером и его закадычным дружкой герцогом Норфолком, и оба решили ею воспользоваться. Как старший пэр королевства, герцог не прочь стать регентом при принце Эдуарде, если что-то случится с королем. Впрочем, я каждый день возношу молитвы нашему Господу, чтобы Он даровал его величеству еще много лет.

Я вспомнил о зрелище, которое увидел из окна в коридоре, и по лицу архиепископа понял, что, несмотря на свою веру в Господа, он не слишком надеется получить отклик на эти молитвы.

Лорд Парр снова продолжил рассказ:

– Нетрудно догадаться, что если Гардинер и его люди свалят королеву и ее фрейлин, объявив их сторонниками ереси, это будет означать также конец и для их мужей. Лорд Лайл, сэр Энтони Денни, граф Хартфорд, чья жена так бестактно пошутила над вами, когда мы шли сюда...

Королева гневно подняла глаза:

– Что еще сказала Энн Стенхоуп?

– Ничего особенного, ваше величество, – пробормотал я.

– Она была недовольна тем, что вы отослали фрейлин за дверь, – добавил лорд Уильям.

– Она могла бы вести себя как добрая христианка, но в ней нет ни капли милосердия. Я этого не потерплю!

На какой-то момент Екатерина вновь обрела былую царственность, и я невольно смутился оттого, что насмешка надо мною вызвала гнев ее величества.

Парр вернулся к главному предмету нашего разговора:

– Как видите, Гардинер и его люди стремились напасть на реформаторов в Совете через их жен. Но когда расследование, касающееся королевы и ее окружения, ничего не дало, король рассердился: он догадался, что это был лживый заговор с целью заставить его изменить политику. И слухи, что Энн Аскью перед казнью жестоко пытали, похоже, тоже вызвали его гнев.

– Это не слухи, – сказал я. – Я был на сожжении. Энн Аскью буквально не могла стоять, ее предали смерти сидящей на стуле.

– Мы тревожились, как бы они не применили эти пытки, чтобы вытянуть из нее компрометирующую информацию о королеве. Хотя ее величество никогда не встречалась с этой женщиной. Но леди Хартфорд и леди Денни посылали мятежнице деньги, пока она была в тюрьме...

– Чтобы она не голодала! – взорвалась королева. – Это было всего лишь проявление милосердия, христианского милосердия! Миссис Аскью...

– Миссис Кайм, – осторожно поправил ее Кранмер.

– Хорошо, пусть миссис Кайм! Неужели я могла оказаться причиной того, что бедняжку пытали?..

В уголках глаз Екатерины снова показались слезы – и это у королевы, которая всегда отличалась таким самообладанием! Что же ей пришлось вынести за эти последние месяцы, зная, что она находится под следствием, но не может ничего сказать в свою защиту, и пытаюсь вести себя с королем как ни в чем не бывало? Я видел, что ее величество на грани и даже не в состоянии самостоятельно изложить до конца всю эту историю.

– Мы не знаем причины. – Лорд Парр положил свою узловатую кисть на руку племяннице. – Но в любом случае, похоже, короля это страшно возмутило. Он был также разгневан, узнав, что к сожжению был приговорен его друг Джордж Блэгт, и помиловал того.

Архиепископ согласно кивнул:

– В общем, заговор Гардинера провалился. Король решил, что пора уже сказать «хватит!».

«Так вот, значит, чем объясняется встревоженный вид Рича в Смитфилде, – подумал я. – А Кранмер, похоже, наоборот, решил, что теперь ему будет не опасно появиться при дворе».

Сам же Томас проговорил с кривой улыбкой:

– И вот Генрих решил преподать охотникам за еретиками урок, которого они не забудут. Архиепископ посмотрел на королеву, а та закрыла глаза.

Кранмер глубоко вздохнул:

– Три года назад, когда Гардинер охотился за моей головой, выискивая еретиков в моей епархии, король вызвал меня к себе. И сообщил, что дал согласие на допрос меня Тайным советом. – Томас немного помолчал, на его лице отразились воспоминания о пережитом страхе, и он опять глубоко вздохнул. – Но его величество также сказал, что следствие в своей епархии возглавлю я сам, и дал мне перстень, дабы Тайный совет видел его благоволение ко мне. Хотя сначала он напугал меня, заявив, что теперь знает, кто величайший еретик в Кенте. То есть, с одной стороны, устрасил этим своим предупреждением, но, с другой, в то же время и продемонстрировал свое доверие. – Кранмер снова ненадолго замолчал. – А на прошлой неделе он использовал ту же стратегию применительно к ее величеству. – Архиепископ многозначительно посмотрел на королеву.

Екатерина подняла голову:

– Король вызвал меня в личные покои. Дело было неделю назад, девятого числа. И его слова поразили меня. Он прямо сказал, что Гардинер с приспешниками пытались заставить его поверить в гнусную ложь обо мне, но теперь он их раскусил. Генрих не знал, что все это мне известно. Или, возможно, знал, но предпочел это скрыть – он умеет так делать. – Екатерина замолчала и снова принялась теревить жемчужину, а потом продолжила странным, каким-то деревянным тоном: – Он объявил, что его любовь ко мне не угасла, и попросил моей помощи, чтобы проучить Гардинера и Ризли. Сказал, что подпишет указ о моем аресте и велит Ризли взять меня под стражу. Но притворится, что копия указа случайно попала в мои руки. Все услышат, как я плачу в отчаянии, и он придет утешить меня.

Голос ее величества на секунду прервался, и она судорожно слотнула, а мое сердце заколотилось от досады, что король обращается с нею таким образом.

– Генрих разработал целый план. На следующий вечер меня вызовут в покои супруга, и я попрошу прощения перед его людьми, что зашла слишком далеко в обсуждении религии. – Она закрыла глаза. – Мне надлежало сказать, что я знаю, что долг женщины – слушаться мужа, и что я только пыталась отвлечь его от боли в ногах. Я сделала, как велел король, сыграла свою роль в представлении. – Я заметил в голосе Екатерины нотку горечи, которую она тут же подавила. – А на следующий день мне надлежало отправиться на прогулку в сад с супругом и со своими фрейлинами. По договоренности с королем Ризли должен был прийти с полусотней стражников, чтобы арестовать меня. Этот мерзавец уже решил, что победил, но, когда он прибыл, король вырвал у него из рук ордер на арест, назвав его перед стражей и моими фрейлинами скотом и мошенником, и велел убираться. – Екатерина грустно улыбнулась. – С тех пор его величество очень нежен и внимателен ко мне. Дарит мне новые драгоценности: он знает, что я люблю яркие самоцветы. Мне всегда был присущ грех жадности, как и тщеславия. – Она понурила голову.

– Так, значит... Стало быть, кризис миновал? – заключил я. – Это ужасное сожжение еретиков и новый, обновленный список запрещенных книг – последний акт трагедии? Ризли и консерваторы оказались посрамлены?

– Ах, если бы это был последний акт! – воскликнула королева. – Пропала одна книга, самая опасная из всех, и это произошло по моей вине!

Лорд Парр снова накрыл ладонью руку племянницы:

– Успокойся, Кейт. Не волнуйся, ты все делаешь правильно.

Кранмер встал и подошел к окну, выходящему на сад и реку за ним, голубую в этот летний безоблачный день и покрытую пятнышками парусов над баржами и кораблями. Это был совершенно другой мир. Оттуда, где строились новые апартаменты для леди Марии, доносились отдаленные удары молота.

Архиепископ сказал:

– Я упоминал о переговорах епископа Гардинера насчет нового договора со Священной Римской империей. А Пейджету удалось помириться с Францией. Однако лорд Лайл и граф Хартфорд тоже неплохо выполнили свою миссию. Оба сейчас за границей, но в следующем месяце вернутся с триумфом, и равновесие в Тайном совете сместится в сторону реформаторов. Это обстоятельство, вкупе с раздражением короля партией Гардинера, и поможет нам. Но зреет что-то еще, мастер Шардлейк. – Кранмер обернулся, и я ощутил всю силу его пронзительного взгляда. – Мы не знаем, в чем именно дело, но видим, как самые матерые консерваторы – герцог Норфолк, Гардинер и прочие вроде Пейджета – постоянно улыбаются и шепчутся по углам, хотя после своей неудачи должны были бы поджать хвосты, как побитые собаки. На следующий день после заседания Совета я слышал, как Пейджет потихоньку обсуждал с Норфолком какой-то визит из-за границы: оба разом замолкли, когда я приблизился. Ох, похоже, втайне зреет нечто ужасное. Они хотят разыграть новую карту.

– А я сама дала им второй шанс, – понуро проговорила королева. – Поставила под угрозу себя и всех тех, кто находится под моей защитой.

На этот раз ни дядя, ни архиепископ даже не попытались ободрить ее. Екатерина улыбнулась, но не нежной веселой улыбкой, которая всегда была готова появиться на ее лице, а печально и безнадежно.

– Вам пора узнать, Мэтью, что именно я натворила, – сказала она.

Глава 6

Мы все посмотрели на ее величество, и она тихо проговорила:

– Прошлой зимой мне казалось, что король склоняется в пользу реформ. Он провел через парламент билль, дающий ему власть над церковными пожертвованиями, – пал еще один бастион традиционного папистского обряда. В то лето я опубликовала свои «Молитвы, или Размышления» и чувствовала, что могу без опасений написать еще одну книгу, исповедь миру о своих верованиях, как сделала Маргарита Наваррская. И написала небольшое сочинение. Я знала, что это может показаться... спорным... и потому тайно хранила рукопись у себя в спальне. Исповедь – о своей жизни, о грехах, о спасении, о вере... – Екатерина внимательно посмотрела на меня, и теперь в ее глазах горел огонь убеждения. – Я назвала книгу «Стенание грешницы». И рассказала в ней, как в молодости погрязла в предрассудках, полных суеты этого мира, и как Бог говорил со мной, но я отвергала Его голос, пока наконец не приняла Его спасительное милосердие. – Ее тон стал страстным, и она посмотрела на лорда Парра и архиепископа, однако те потупились. А королева продолжала, уже спокойнее: – Это Бог дал мне понять, что моим предназначением было стать женой короля. – Екатерина опустила голову, и я задумался, уж не вспомнила ли она свою былую любовь к Томасу Сеймуру. – В «Стенании грешницы» я говорила самыми простыми словами о моей вере, о том, что спасение приходит через веру и чтение Библии, а не через бесполезные обряды.

Я зажмурился. Мне было известно о подобного рода сочинениях, где радикальные протестанты исповедовались в своих грехах и рассуждали о спасении души. Кое-кого из авторов таких книг арестовали по приказу властей. Было чрезвычайно глупо со стороны королевы написать такую вещь, даже тайно, в эти времена раскола и террора. Разумеется, Екатерина должна была знать это, но, похоже, эмоции пересилили ее политическое здравомыслие. А надежда, что чаша весов склонилась в пользу реформ, снова оказалась катастрофической ошибкой.

– Кто видел эту рукопись? – тихо спросил я.

– Только милорд архиепископ. Я закончила книгу в феврале, но потом, в марте, началась история с Гардинером. И поэтому я спрятала рукопись в свой личный сундук и никому о ней не говорила. – Королева вздохнула и с горечью добавила: – Видите, Мэтью, иногда я все же могу быть предусмотрительной.

Я видел, что ее разрывают противоречивые чувства: с одной стороны, желание распространить свои убеждения, а с другой – страх, проистекавший из четкого понимания политических опасностей.

– Книга оставалась запертой в моем сундуке вплоть до прошлого месяца, когда я решила спросить мнение архиепископа о ней. Он любезно пришел ко мне сюда и как-то вечером прочел рукопись в моем присутствии. – Екатерина с задумчивой улыбкой взглянула на Кранмера. – В последние три года мы постоянно говорили о вопросах веры. Мало кто знает, сколько всего мы с ним обсуждали.

Томас как будто испытал неловкость при этих словах, но быстро успокоился и невозмутимо проговорил:

– Это было девятого июня. Чуть больше месяца назад. И я посоветовал ее величеству ни в коем случае никому не показывать эту книгу. Там ничего не говорилось о мессе, только осуждались тупые римские обряды и отстаивался взгляд, что молитва и Библия – единственный путь к спасению, однако подобного рода заявления наши враги могут трактовать как лютеранские.

– И где теперь эта рукопись? – спросил я.

– В этом-то все и дело, – мрачным тоном проговорил лорд Парр. – Ее украли.

Королева посмотрела мне в глаза:

– И если она попадет в руки королю, это может меня погубить. И не только меня.

– Но если вы не отрицали того, что святая месса...

– С точки зрения короля, она все равно слишком радикальна, – возразила Екатерина. – Ну а уж то, что я писала все тайно от супруга... – Ее голос сорвался.

Кранмер спокойно продолжил:

– Да, его величество сочтет сие проявлением неверности. И это страшнее всего.

– Вот именно, – печально подтвердила королева. – Генрих почувствует себя... уязвленным.

У меня голова пошла кругом, и, чтобы сосредоточиться, я сцепил руки на животе, понимая, что все ждут моей реакции.

– Сколько существует экземпляров этой книги?

– Только один, написанный моей рукой, – ответила ее величество. – Я занималась сочинительством у себя в спальне, тайно, за запертой дверью, когда рядом никого не было.

– Каков ее объем?

– Пятьдесят страниц убористого почерка. Я запирала рукопись в крепкий сундук у себя в спальне. Ключ был только у меня, и я постоянно носила его на шее. Даже когда ложилась спать, не снимала.

Екатерина приложила руку к корсажу и вытащила маленький ключик. Как и жемчужина, он висел на тонкой цепочке.

– Я советовал ее величеству уничтожить книгу, – прямо сказал Кранмер. – Само ее существование представляло угрозу.

– Значит, дело было девятого июня? – уточнил я.

– Да, – ответила королева. – Я, конечно, не могла принимать архиепископа у себя в спальне, а потому вынесла рукопись в эту комнату. Это был единственный раз, когда она покинула мою спальню. Я попросила всех слуг и фрейлин выйти, чтобы наша беседа прошла с глазу на глаз.

– А вы говорили кому-нибудь об этой встрече?

– Нет, не говорила.

Все смотрели на меня. Раз уж я начал задавать вопросы, как дознаватель, то теперь уже деваться было некуда, следовало идти до конца. И я с ужасом подумал, что если вдруг что-то пойдет не так, то меня могут сжечь вместе со всеми этими людьми.

– Милорд архиепископ посоветовал мне уничтожить книгу, – продолжила королева. – И все же... Я надеялась – и по-прежнему надеюсь, – что такой труд, написанный королевой Англии, может обратить людей в истинную веру.

Она с мольбой взглянула на меня, словно говоря: видите, это моя душа, это истина, которую я познала, и вы должны выслушать ее. Я был тронут, но опустил глаза. Екатерина сцепила руки, а потом вновь посмотрела на нас троих, и ее голос приобрел мрачный оттенок.

– Ладно. Я поняла, что была не права, – проговорила она и устало добавила: – Такая вера при моем положении – тоже признак тщеславия.

– И сразу же после встречи вы вернули рукопись на место, в сундук? – спросил я.

– Да. Почти каждый день потом я доставала ее. В течение месяца. Много раз мне хотелось позвать вас, дядя.

– Эх, ну что бы тебе и впрямь со мной посоветоваться! – с чувством воскликнул лорд Парр.

– Если бы на дворе не стояло лето, если бы хотя бы раз или два затопили камин, я бы непременно сожгла ее. Но я колебалась, и дни растянулись в недели. А потом, десять дней назад, я открыла сундук и увидела, что книги нет. Она пропала.

Королева покачала головой, и я понял, какое потрясение она испытала.

– Когда вы видели ее последний раз? – осторожно спросил я.

– В тот самый день. Днем я просматривала рукопись, размышляя, не внести ли какие-нибудь изменения, чтобы ее можно было опубликовать. А потом, к вечеру, король вызвал меня в свои личные покои, и мы разговаривали с ним и играли в карты почти до десяти. У Генриха болели ноги, и ему нужно было отвлечься. Позже, перед сном, я хотела достать ее, еще раз посмотреть, чтобы направить свои молитвы, но книги уже не было.

– А вы обнаружили какие-нибудь признаки, что замок вскрывали?

– Нет, – ответила Екатерина. – Никаких.

– Что еще хранилось в сундуке, ваше величество?

– Кое-какие драгоценности. Унаследованные от моего второго мужа и его дочери, дорогой Маргарет Невилл, которая умерла этой весной. – Лицо королевы исказилось печалью.

– Все эти драгоценности немало стоят, – заметил лорд Уильям. – Но не исчезло ничего, кроме рукописи.

Я задумался:

– Сколько времени прошло после этого до... мм... инцидента между Ризли и королем?

– Три дня. – Королева горько усмехнулась. – У меня есть причина хорошо помнить те события.

– Племянница сразу же сообщила мне, – сказал Парр. – Узнав о существовании этой книги и о том, что рукопись похитили, я пришел в ужас.

Я понимающе взглянул на него:

– Насколько я представляю, сама природа кражи сделала затруднительным проведение расследования во дворце.

Лорд Уильям покачал головой:

– Мы не посмели никому сказать, что произошло. Но я узнал у стражи, кто в те часы входил в спальню королевы. Ничего необычного: паж-уборщики, горничная, которая приготовила ей постель. Ну и еще дурочка Джейн заходила посмотреть, где королева. Дурочке Джейн, как придворной шутихе, разрешается бродить повсюду, – раздраженно добавил лорд. – Но у нее не хватит сообразительности, даже чтобы украсть яблоко.

– Выяснить, кто имел доступ в спальню в течение определенного промежутка времени, очень важно, – заметил я. – Видимо, кто-то заблаговременно узнал о существовании книги и воспользовался отсутствием ее величества, чтобы совершить кражу.

– Но каким образом кто-то смог заранее узнать об этом? – спросила королева. – Я держала все в тайне, никому ничего не говорила и запирала рукопись в сундук.

Лорд Парр согласно кивнул:

– Мы не понимаем, как это было проделано, и не знаем, что предпринять: положение просто хуже некуда.

– И как раз в это время я должна была разыграть страшную сцену с Ризли и королем, – добавила королева. – Зная, что рукопись моей книги пропала, и понимая, как это может разгневать короля, если ее опубликуют. – Она закрыла глаза, сжав жемчужину у себя на шее. Мы все с тревогой наблюдали за Екатериной, и, увидев это, она разжала руку. – Со мной все в порядке.

– Ты уверена? – спросил лорд Парр.

– Да, да. Но продолжайте рассказ, дядя.

Лорд Уильям взглянул на меня:

– А потом мы услышали об убийстве возле собора Святого Павла.

– Об убийстве? – живо переспросил я.

– Да, похоже, оно имеет непосредственное отношение ко всей этой истории. Рукопись украли из сундука вечером девятого июля. А в прошлое воскресенье, одиннадцатого числа, когда стемнело, в своей небольшой мастерской на Бойер-роуд близ собора Святого Павла был убит печатник. Вы знаете, как в последние годы расплодилось вокруг собора эти маленькие

заведения, лавочки и мастерские. Кого там только нет: печатники, книготорговцы, иногда даже старьевщики...

– Да, милорд.

Я также знал, что многие печатники и книготорговцы были радикалами и что дома некоторых из них в последние месяцы подверглись налетам.

– Этого человека звали Армистед Грининг. Его типография была просто маленьким сараем, где стоял только печатный станок. У Грининга были неприятности из-за печатания радикальной литературы, весной у него провели обыск, но ничего компрометирующего не нашли. В последнее время он переключился на школьные учебники. А прошлое воскресенье Грининг провел у себя в типографии. Несколько местных печатников тоже работали, они, как правило, трудятся до последнего луча солнца, чтобы станки не простаивали. У Грининга был подмастерье, который ушел в девять.

– Откуда вам известны эти подробности?

– От самого подмастерья и в основном от соседа, некоего Джеффри Оукдена, у которого печатная мастерская побольше, буквально в нескольких ярдах оттуда. Около девяти мастер Оукден закрывал свою типографию, когда услышал из сарая Грининга страшный шум, крики и призывы на помощь. Он был в хороших отношениях с Армистедом и пошел посмотреть, в чем дело. Дверь оказалась заперта, но она была непрочной: он налег плечом и сломал ее. И сквозь открытую дверь заметил двоих убегающих в другую дверь, боковую, – в этих печатных мастерских очень жарко и вечно пахнет краской и прочими химическими составами, так что там обычно делают две двери, чтобы продувало. Но мастер Оукден не погнался за злоумышленниками, потому что они попытались поджечь мастерскую Грининга – разбросали повсюду бумагу и подожгли ее. К счастью, Оукден сумел затоптать огонь – страшно представить, что бы иначе произошло: ведь такой сарай мог вспыхнуть, как факел!

– Да уж.

Я видел подобного рода деревянные пристройки, наспех возведенные у стен на свободных клочках земли вокруг собора.

– Только погасив огонь, Оукден увидел несчастного соседа, лежавшего на земляном полу с пробитой головой. И в руке Грининг сжимал вот это. – Лорд Парр полез в карман своего камзола и осторожно вынул клочок дорогой бумаги с бурными пятнами высохшей крови, исписанный аккуратным почерком. Он протянул его мне, и я прочел:

«Стенание грешницы», написано королевой Екатериной, оплакивающей свою жизнь, проведенную в невежестве и слепоте.

Мой благородный христианский читатель, если содержание должно заверяться пишущими, а ненаписанное – подтверждаться содержанием, мне следует по справедливости оплакивать наше время, когда злые деяния воспеваются, а добрые обращаются во зло. Но поскольку, увы, на самом деле не то становится добром, что восхваляют, то я не...

Здесь страница обрывалась. Я взглянул на королеву:

– Это ваш почерк?

Она кивнула:

– Это предисловие к моей книге «Стенание грешницы».

– Оукден прочел отрывок и, конечно, из заглавия понял, насколько все это важно. Божьей милостью он добрый реформатор, а потому лично принес находку во дворец и устроил так, чтобы она попала мне в руки. Позже я поговорил с этим человеком. Только после этого он вызвал констебля и рассказал обо всем, что видел, умолчав, по моему распоряжению, об этом клочке бумаги. К счастью, коронер, проводивший дознание, сочувствует реформам и пообещал, что, если вдруг что-то выплывет, он сообщит мне. Кроме того, ему очень хорошо заплатили, – добавил Парр ворчливо. – И пообещали заплатить еще.

Тут снова заговорила королева, и ее голос выдавал, что она на грани отчаяния:

– Но коронер так ничего и не выяснил, совсем ничего. И потому я предложила обратиться к вам, Мэтью. Вы единственный адвокат, которого я знаю, кто способен провести такое расследование и, возможно, разыскать рукопись. Но, разумеется, только если вы согласны. Я понимаю, что дело сие сопряжено со страшной опасностью...

– Мастер Шардлейк уже пообещал вам помочь, – сказал лорд Парр.

– Да, это так, – подтвердил я.

– Тогда благодарю вас, Мэтью, от всего сердца, – проговорила Екатерина.

Я посмотрел на обрывок бумаги:

– Нетрудно заключить, что Грининг держал рукопись в руках и не отдавал вторгшимся в мастерскую злоумышленникам, а убийца выхватил ее у него, но верхняя часть первой страницы осталась у печатника.

– Да, – кивнул лорд Уильям. – Но тут убийцы слышали, как в дверь ломится мастер Оукден, и убежали. Они не хотели, чтобы их узнали, и даже не задержались, чтобы забрать клочок бумаги из руки убитого.

– Или, скорее всего, в тот момент просто ничего не заметили.

Парр кивнул:

– Вам следует знать, что это было уже не первое покушение на жизнь Грининга. Он жил в том же сарае, где и работал, в страшной бедности. – И, как истинный аристократ, лорд Уильям в отвращении сморщил нос. – У него был молодой подмастерье. За несколько дней до того мальчишка рано утром пришел на работу и увидел, как какие-то двое громил пытаются вломиться в мастерскую. Он поднял тревогу, и они убежали. Но, по словам подмастерья, это были не те люди, что вскоре напали на хозяина и убили его.

– Сперва мы подумали, – сказал Кранмер, – что Гринингу дали рукопись, дабы он ее напечатал. Но в этом не было смысла. Ее мог бы напечатать католик, чтобы книгу раздавали на улицах, и, таким образом, погубить королеву.

– Да. – Я задумался. – Конечно, если она попала в руки Грининга, а его взгляды были такими, как вы говорите, он сделал бы ровно то же, что и Оукден: просто-напросто вернул бы ее. Может быть, Грининг был тайным католиком?

Архиепископ покачал головой:

– Я провел тщательное расследование. Грининг всю жизнь был радикалом, так называемым «известным человеком», как и его родители. – Он многозначительно посмотрел на меня.

«Известным человеком». Я слышал это выражение. Оно означало, что семья Грининга принадлежала к старой английской секте лоллардов, которая пришла к заключениям, схожими с той доктриной, которую проповедовал Лютер еще за сто лет до этих сектантов. Теперь многие из них склонялись к самой крайней форме протестантизма: этим людям, учитывая, сколько времени их общество оставалось тайным, было не привыкать к гонениям и преследованиям. Как и любые радикалы, лолларды вряд ли хотели причинить вред королеве.

– Есть ли в пропавшем документе что-нибудь еще, по чему можно заключить, что это написано королевой? – продолжил я расспросы.

– Все написано ее рукой, – ответил лорд Уильям.

– Но по содержанию книги в целом нельзя мгновенно узнать ее автора, как по этому отрывку из предисловия?

– Боюсь, что догадаться будет совсем просто. – Лорд Парр покосился на племянницу. – Ведь это же *личная* исповедь о греховности и спасении. Там нет ничего о политике или дворе, и тем не менее очевидно, что сие написано королевой. – Он покачал головой. – К сожалению, у нас нет никаких предположений относительно того, у кого рукопись находится теперь и как она попала к Гринингу. Дознание было проведено два дня назад, и коронер вынес вердикт об убийстве неизвестными лицами.

Екатерина посмотрела на меня:

– Мы просто сидели, как кролики в капкане, и ждали самого худшего. Однако целую неделю ничего не происходило, полная тишина: рукопись до сих пор так нигде и не всплыла. Мы втроем день и ночь думали, что же делать, и решили, что пропажу нужно расследовать, но заняться этим должен кто-то, не связанный с двором. – Она не отрывала от меня умоляющих глаз. – И вот, Мэтью, мои мысли обратились к вам, вы уж, пожалуйста, простите. Но даже теперь, повторяю, я только прошу вас помочь мне. Я не приказываю, не хочу приказывать. Я и так уже достаточно замарала руки кровью, написав эту книгу: без меня бедный Грининг остался бы жив. Я хотела как лучше, но, видно, недаром говорится, что благими намерениями вымощена дорога в ад, – добавила Екатерина и в изнеможении откинулась назад.

Ну разве я мог ее подвести?

– С чего вы хотите, чтобы я начал? – спросил я.

Архиепископ Кранмер и лорд Парр обменялись взглядами, преисполненными... чего? Облегчения? Надежды? Сомнения, стоит ли передавать это дело в мои руки? Лорд Уильям резко встал и стал ходить по комнате:

– Мы думали об этом. У нас есть план, хотя, возможно, не идеальный: вы должны сказать нам, если увидите в нем изъяны. Дело неотложное, и, я думаю, за него нужно браться с обоих концов. Что касается убийства Грининга, то люди архиепископа переговорили с его родителями через викария. Они, конечно, ничего не знают о книге, но очень хотят, чтобы убийца их сына был найден. Эти люди живут в Чилтерне, и им нелегко добраться до Лондона.

– Ах, в Чилтерне? Понятно.

Я знал, что этот район давно известен как прибежище лоллардов.

– Родители покойного сразу согласились предоставить вам необходимые полномочия, так что вы будете выступать в качестве их доверенного лица. Разумеется, им не сказали всей правды. Они лишь знают, что некие друзья их сына в Лондоне, у которых есть деньги, хотят раскрыть его убийство, не более того. Сейчас предварительное дознание закончилось, и дело осталось в руках местного констебля по фамилии Флетчер, редкостного копуши. Вы, конечно, знаете, что, если в течение сорока восьми часов никаких зацепок не обнаружено, к следствию теряют интерес и шансов найти преступника мало. Я склонен думать, что Флетчер будет только рад, если вы выполните работу за него. Побеседуйте с подмастерьем Грининга, с его соседями, товарищами, осмотрите мастерскую. Но ничего не говорите про книгу, вообще никому. Разве что Оукдену, который, слава богу, умеет держать язык за зубами. – Лорд Парр вперил в меня стальной взгляд.

– Я так и сделаю, милорд.

– Но параллельно следует действовать и в другом направлении: узнать, кто выкрал рукопись из дворца. Это наверняка кто-то из имеющих доступ в покои королевы. Сегодня же я официально введу вас в состав Ученого совета ее величества, и вы дадите присягу: необходимо соблюсти формальности. Вам выдадут новую мантию со значком королевы – надевайте ее, когда будете проводить расследование во дворце. А когда будете заниматься убийством Грининга, носите свою обычную одежду – тут не должно быть никакой видимой связи с Екатериной.

– Хорошо.

Парр одобрительно кивнул. Кранмер бросил на меня быстрый взгляд и тут же отвел глаза, в которых сквозила не то жалость, не то сомнение.

А лорд Уильям продолжал:

– Что касается расследования во дворце, то известно, что королева и раньше прибегала к вашим услугам в качестве юриста. Мы распустим слух, что из сундука ее величества якобы пропал перстень с драгоценным камнем, доставшийся ей от покойной падчерицы. На всякий случай я взял этот перстень на сохранение. Он и впрямь стоит огромных денег. Всем известно, как Екатерина любила бедную Маргарет Невилл: никто не станет удивляться, что она хочет

разыскать ее украшение во что бы то ни стало. У вас будет право задавать вопросы слугам королевы, которые могли получить доступ к ее сундуку. Подобные инциденты происходят время от времени: не так давно мальчик-паж украл камень у одной из фрейлин, но его быстро разоблачили. По настоянию королевы он был помилован за молодостью лет. Но все во дворце помнят эту историю. – Лорд посмотрел на меня. – Я бы провел расследование сам, но если особа моего ранга займется таким вопросом лично, это вызовет удивление. К тому же человек со стороны часто видит все более ясно. – Он вздохнул. – Придворный мир замкнут. Признаюсь, я лучше чувствую себя в своем поместье, но мои обязанности лежат здесь.

– Я известен как враг некоторых членов Тайного совета, – нерешительно проговорил я. – Герцога Норфолка, например, но в первую очередь Ричарда Рича. И однажды я разгневал самого короля.

– Это всё дела минувших дней, Мэтью, – сказал Кранмер. – И, кроме того, ваше расследование будет ограничено двором королевы. Если вы вдруг обнаружите, что по какой-то причине требуется выйти за эти пределы, сообщите нам, и тогда мы займемся этим. Я не вернусь в Кентербери, пока все не утрясется.

– Простите меня, милорд архиепископ, – возразил я, – но слух может дойти до герцога Норфолка или Рича. Вы же сами рассказывали о шпионах, донесших, что Гардинер говорил вам в личных покоях короля...

– О сочувствующих, а не о шпионах, – с упреком поправил меня Кранмер.

– Но разве и в окружении королевы не может быть лиц, сочувствующих противной стороне? Сам факт, что рукопись украли, говорит, что такие люди есть.

– Вообще это очень странно. Мы в окружении королевы тщательно оберегаем секреты. – Архиепископ посмотрел на Екатерину. – Ее величество внушает нерушимую верность, которая прошла испытания во время охоты за еретиками. Мы не можем назвать никого, кто совершил бы такое – кто мог бы это совершить.

Возникла пауза, а потом лорд Парр произнес:

– Приступайте прямо сейчас, сержант Шардлейк, попытайтесь распутать клубок. Сегодня же сходите в печатную мастерскую. Вернетесь вечером, я приму у вас присягу, выдам вам мантию и проинструктирую насчет дальнейших действий.

Я снова заколебался и спросил:

– Я должен работать совершенно в одиночку, без помощников?

– Вам может оказаться полезен молодой Уильям Сесил, у него есть связи среди радикалов, и они ему доверяют. Но он не знает о книге, и, я думаю, пока мы не будем его посвящать, – сказал лорд Уильям, после чего уже более непринужденным тоном добавил: – Поверите ли, Сесилу всего двадцать пять, а он уже успел дважды жениться. Первая его супруга умерла в родах, а теперь он нашел вторую. Между прочим, женщину с хорошими связями. Думаю, он скоро начнет свой путь наверх.

– А что касается типографии, – добавил архиепископ, – то вы можете призвать на помощь этого своего Барака. Насколько я понимаю, в прошлом он был вам весьма полезен.

– Но, – лорд Парр предостерегающе поднял палец, – он должен знать только, что вы работаете по поручению родителей убитого. Ни малейшего упоминания о королеве и о пропавшей рукописи!

Я продолжал колебаться:

– Барак женат, у него маленький ребенок и скоро должен родиться второй. Я бы не стал подвергать его опасности, даже потенциальной. У меня есть ученик Николас Овертон, но...

– Оставляю это на ваше усмотрение, – перебил меня Парр. – Возможно, ему можно поручить некую рутинную работу. Но только ни слова о «Стенании грешницы»! – Он снова многозначительно посмотрел на меня.

Я согласно кивнул и повернулся к королеве. Она наклонилась и, приподняв жемчужину у себя на шее, тихо спросила:

– Знаете, кому раньше принадлежало это украшение?

– Нет, ваше величество, – ответил я. – Жемчужина очень красивая.

– Екатерине Говард, которая была королевой до меня и умерла на эшафоте. Это быстрее, чем сгореть на костре. – Ее величество издала долгий безысходный вздох. – Она тоже была глупа, хотя и по-другому. Все эти богатые наряды, что я ношу, шелка и золотое шитье, яркие самоцветы – сколь многие из них переходили от одной королевы к другой... Видите ли, они всегда возвращаются в королевский гардероб на сохранение или на переделку. Все эти вещи так дороги, что от них не избавиться, как и от гобеленов. – Ее величество подняла богато расшитый рукав. – Видите? Когда-то это было частью платья Анны Болейн. Это постоянное напоминание о прошлом. Я живу в страхе, Мэтью, в великом страхе.

– Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам, отложу все прочие дела. Клянусь.

Екатерина улыбнулась:

– Спасибо, Мэтью. Я знала, что вы придете на помощь.

Ее дядя наклонил голову, давая понять, что я должен встать. Я поклонился королеве, которая вымучила еще одну печальную улыбку, и Кранмеру, который кивнул в ответ. Лорд Парр провел меня назад, к окну, откуда мы видели короля, гулявшего во дворе. Теперь двор был пуст. Я понял, что окно располагалось в углу коридора, где нас не было видно, – идеальное место для конфиденциальных разговоров.

– Благодарю вас, сэръ, – сказал старый лорд. – Поверьте мне, мы высоко ценим вашу самоотверженность. Пойдемте со мной, я сообщу вам дополнительные подробности о Грининге и выдам доверенность от его родителей, вы ведь теперь их официальный представитель. – Он бросил взгляд во двор и, поколебавшись, подался ближе ко мне. – Вы видели, сколь плачевно физическое состояние короля. Но, как вы поняли из того, что мы вам рассказали, ум его по-прежнему остер, ясен и холоден. Не забывайте, король Генрих правит всеми нами.

Глава 7

С чувством облегчения я снова проехал под дворцовой аркой и медленно направился к Чаринг-Кросс. Бытие фыркал и тряс головой от пыли, летевшей со стороны мастерских Скотленд-Ярда, где бесконечно производили кирпичи и прочие строительные материалы для украшения и улучшения Уайтхолла. День выдался жаркий, и на улице стоял смрад. Собираясь нанести визит в жилище печатника, я решил взять с собой Николаса. Не повредит, если рядом со мной будет кто-нибудь помоложе и поздоровее.

На ступенях у каменного креста, как обычно, сидели попрошайки. В последние два года, после введения подушного налога и снижения и без того скудного жалованья за счет резкого обесценивания денег, нищих становилось все больше и больше. Кое-кто называл их пиявками, сосущими пот с работающих в поте лица, но большинство нищих вовсе не были лентяями и сами когда-то вовсю трудились. Я посмотрел на этих людей, мужчин и женщин с детьми, одетых в старые грязные отрепья, с красными, загрубевшими от постоянного пребывания на солнце лицами. Некоторые демонстрировали язвы и мокнущие струпья, чтобы разжалобить прохожих. Один человек, выставивший напоказ обрубок ноги, был в донельзя потрепанном солдатском мундире – наверняка он потерял ногу на недавней войне в Шотландии или во Франции. Я отвел глаза от греха подальше, так как хорошо известно, что, поймав взгляд кого-то из попрошаек, можно привлечь к себе всю ораву, а мне многое нужно было обдумать.

Я понимал, что ввязался в дело, которое может оказаться опаснее всего того, что я испытал раньше. Оно касалось самого сердца королевского двора, да еще в такое время, когда интриги достигли апогея. Мне невольно вспомнился немощный Генрих, с трудом гулявший по саду. Теперь я понял, что все происходившее с начала года являлось частью борьбы, которая решит, кто будет фактически править страной после смерти Генриха, когда трон перейдет к малолетнему ребенку. В чьих руках оставит монарх свою державу? Норфолка? Эдуарда Сеймура? Пейджета?

Я обрек себя на долгие дни страха и тревоги, а также на хранение опасных тайн, которые не хотел знать. Однако мудрый человек знает о своей глупости, и я, конечно, прекрасно понимал, почему сделал это. Потому что – смешно сказать – питал в глубине души нежные чувства в отношении королевы. Безнадежная глупость стареющего человека. Но в это утро я осознал, как по-прежнему глубока моя любовь к ней.

И все же, говорил я себе, нужно трезво посмотреть на ситуацию: религиозный радикализм Екатерины навлек на эту очень осторожную и дипломатичную женщину страшную опасность. Она называла это проявлением тщеславия, но по мне так это было скорее потерей рассудительности. Я грешным делом даже подумал, уж не доходит ли она до фанатизма, как столь многие в наши дни. Но потом решил, что нет: ее величество пыталась отступить, покорившись королю, и спросила мнение Кранмера о своем сочинении, но ее отказ избавиться от книги привел к последствиям, способным обернуться катастрофой.

Тут мне в голову пришла мысль: а почему бы не дать придворным партиям сразиться насмерть? Чем радикалы лучше консерваторов? Вот и пусть себе грызут друг друга. Но потом я вспомнил, что королева никому не причиняла вреда по своей воле. Как и епископ Кранмер. А вот что касается лорда Парра... Тут я призадумался. Он был стар и выглядел нездоровым, и хотя я видел его безусловную преданность племяннице, но также ощущал и беспощадность этого человека. Сейчас я полезен ему, но, повернись ситуация иначе, он, вероятно, решит, что мною вполне можно и пожертвовать.

Парр официально наделил меня полномочиями доверенного лица родителей Грининга. Теперь мне надлежало обойти улицы вокруг собора Святого Павла и поговорить сначала с констеблем, а потом – с соседом Грининга мастером Оукденом и его подмастерьем, который видел

предыдущую попытку проникновения в дом бывшего хозяина. И еще мне следовало попытаться разузнать поподробнее о друзьях убитого.

Лорд Уильям велел мне вернуться во дворец к семи. Похоже, теперь я буду по уши занят много дней подряд. К счастью, судебная сессия еще не началась, хотя в сентябре предстояли разбирательства. Придется попросить Барака выполнить дополнительную подготовительную работу по моим делам и проконтролировать Николаса и Скелли. Мне было неловко лгать Джеку и Николасу: я мог сказать им, что занят расследованием убийства печатника по просьбе его семьи, но ни в коем случае не должен был упоминать об охоте за книгой королевы. Особенно огорчала меня перспектива обманывать Барака, с которым нас всегда связывали доверительные отношения, но я не видел другого выхода.

Движимый каким-то импульсом, я свернул на север и направился на улицу с маленькими домишками, где жили мой помощник и его жена Тамазин. Оба они были моими давними друзьями. Мы втроем прошли через многое, и мне так захотелось поговорить с каким-нибудь простым, здравомыслящим, далеким от всяческих интриг человеком, а заодно посмотреть на своего крестника, маленького Джорджа. Барак должен был быть на работе, но Тамазин, скорее всего, в это время дня дома. Неплохо бы провести время в простой обстановке, – возможно, в следующий раз мне не скоро доведется отдохнуть душой.

Я привязал Бытия к столбу возле дома и постучал в дверь. Открыла их помощница по хозяйству, вдова средних лет, которую все называли мамаша Маррис. Она сделала книксен:

– Мастер Шардлейк, мы вас не ждали.

– Да вот, был поблизости и решил заглянуть. Миссис Барак дома?

– Да, и хозяин тоже. Он пришел на обед. Я как раз собралась убирать посуду.

Я вдруг осознал, что сегодня не обедал. Мамаша Маррис повела меня в тесную гостиную с окном, выходящим на маленький, безупречно ухоженный садик Тамазин. Ставни были открыты, и комнату наполнял аромат летних цветов. Джек с женой сидели за столом перед пустыми тарелками. В руке у моего помощника была кружка пива. Маррис начала убирать посуду. Тамазин выглядела прекрасно, ее хорошенькое личико было довольным и счастливым.

– Какой приятный сюрприз! – воскликнула она. – Но на обед вы опоздали.

– Я сегодня совсем забыл про обед, – вздохнул я.

Миссис Барак цокнула языком:

– Это плохо. Я принесу хлеба и сыра.

Ее муж взглянул на меня и пояснил:

– Я хожу обедать домой. Я подумал, что Скелли вполне может присмотреть за молодым Николасом в это время.

– Все в порядке.

Я улыбнулся малышу в белой рубашонке и шерстяной шапочке с завязками бантиком, выползшему из-под стола посмотреть, что тут такое происходит. Он взглянул на меня карими глазами, точь-в-точь такими же, как и у Барака, улыбнулся и пролепетал:

– Да!

– Это новое слово, – с гордостью сообщила Тамазин. – Видите, Джордж начинает говорить.

– Надо же, как вырос, совсем уже большой мальчик, – сказал я с искренним восхищением.

А ребенок тем временем подполз к папе и, сосредоточенно нахмурив бровки, сумел на какое-то мгновение встать и ухватить его за нос. Радостно улыбнувшись этому своему достижению, он поднял ножку и пнул отца в лодыжку.

Барак взял малыша на руки.

– Зачем же ты пинаешься, братец? – проговорил он с деланой серьезностью. – Да еще в присутствии крестного? Бесстыдник.

Джордж радостно захихикал, и я погладил его по головке. Выбивавшиеся из-под шапочки локоны, светлые, как у Тамазин, были тонкими, словно шелк.

– Растет не по дням, а по часам, – удивленно заметил я. – Хотя я до сих пор затрудняюсь сказать, на кого он все-таки похож.

– По этой щекастой мордочке ничего не понять, – ответил Джек, нажимая малышу на нос-кнопку.

– Я слышал, тебя можно поздравить, Тамазин, – повернулся я к хозяйке дома.

Она зарделась:

– Спасибо, сэр. Даст Бог, в январе у Джорджа родится братик или сестренка. На этот раз мы оба надеемся, что будет девочка.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, разве что по утрам немного тошнит. А теперь позвольте мне принести вам хлеба с сыром. Джек, у тебя горошина в бороде. Пожалуйста, убери. Это выглядит отвратительно.

Барак вытащил горошину и отдал ее Джорджу, к восторгу последнего.

– Пожалуй, нужно отрастить такую раздвоенную окладистую бороду, какие сейчас носят. Там застревают столько пищи, что закуска всегда будет под рукой. Здорово я придумал, а?

– Тогда тебе придется подыскать новый дом, чтобы в нем есть! – крикнула с кухни Тамазин.

Я посмотрел на вольготно развалившегося в кресле Барака и играющего у его ног малыша и понял, что был прав, решив не вмешивать своего помощника во всю эту историю.

– Джек, – сказал я, – у меня тут появилась новая работенка, из-за которой – по крайней мере в ближайшие дни – меня часто не будет в конторе. Можно тебя попросить взять на себя надзор за Николасом и Скелли? Впрочем, Николаса я, наверное, возьму на подмогу. И если получится, то буду сам встречаться с наиболее важными клиентами.

– Вроде миссис Слэннинг? – спросил Барак. Я знал, что он терпеть не может эту дамочку. Джек с интересом посмотрел на меня. – А что за работенка?

– Возле собора Святого Павла убит печатник. Уже прошла неделя, но нет никаких признаков, что преступника схватят. Служба коронера, как обычно, лодырничает. У меня есть уверенность на расследование от родителей погибшего. Сами они живут в Чилтерне.

– И они поручили вам это дело?

Я в нерешительности замаялся:

– Ну, через третьи руки.

– Вы же больше не беретесь за такую работу. Это может оказаться слишком опасно.

– На этот раз я решил сделать исключение.

– У вас встревоженный вид, – в своей прямолинейной манере заявил мой помощник.

– Пожалуйста, давай не будем это обсуждать, – ответил я с некоторым раздражением. – Тут есть некоторые аспекты, которые я не должен разглашать.

Барак нахмурился. Раньше я никогда ничего не утаивал от него.

– Что ж, вам виднее, – сказал он тоже с ноткой раздражения.

Джордж между тем оставил отца и сделал два неуверенных шажка ко мне. Я поднял мальчика и с опозданием понял, что своими пухлыми ручонками, измазанными раздавленным горохом, он схватил меня за рубашку.

– Ай-ай-ай! – воскликнул Джек. – Извините, пожалуйста. За этим проказником нужен глаз да глаз.

Тамазин принесла тарелку с хлебом и сыром и пару сморщенных яблок.

– Прошлогодние, – пояснила она, – но хорошо сохранились. – Увидев мою перепачканную рубашку, Тамми забрала у меня Джорджа и посадила его на пол. – Где твоя голова, Джек? – упрекнула она мужа. – Это ведь ты дал ему горошину, а? Он же мог подавиться.

– Как видишь, Джорджи не стал ее пробовать, – возразил Барак. – А на прошлой неделе, – сообщил он мне, – этот дурачок пытался съесть слизняка в саду – и хоть бы что.

– Фу! Дай его сюда. – Тамазин наклонилась к сыну и взяла малыша на руки, а он озадаченно посмотрел на нее. – Ты сам как ребенок, вечно находишь на свою голову неприятности.

– Извини. Да, в наше время лучше проявлять осмотрительность. – Ее супруг многозначительно посмотрел на меня.

– Если это возможно, – ответил я. – Если возможно.

Я заехал домой сменить рубашку, прежде чем отправиться в Линкольнс-Инн. На кухне стояла Джозефина в платье, какого я еще на ней не видел, – из хорошей шерсти, фиолетового цвета, с длинным белым воротничком. Агнесса, опустившись рядом с девушкой на колени, подкалывала подол булавками. Когда я вошел, обе встали и сделали книксен.

– Как вам нравится новое платье, сэр? – спросила миссис Броккет. – Джозефина специально купила его для завтрашнего свидания, а я помогала ей выбрать.

Молодая служанка, как всегда, покраснела. Платье шло ей чрезвычайно. Впрочем, я не мог удержаться от мысли, каким бледным и даже вылинявшим смотрелся этот цвет по сравнению с невероятно яркими красками, которые повсюду встречались в Уайтхолле. Но большинство простых людей могли позволить себе лишь такие одежды.

– Ты прекрасно выглядишь, Джозефина, – сказал я. – Мастер Браун наверняка будет впечатлен.

– Спасибо, сэр. Посмотрите, у меня и туфли новые.

Девушка чуть приподняла платье, чтобы показать квадратные белые туфли из хорошей кожи.

– Просто загляденье, – улыбнулся я.

– А платье из лучшей кендальской шерсти, – сообщила Агнесса. – Оно не сносится много лет.

– Куда вы пойдете гулять? – спросил я.

– В Линкольнс-Инн-филдс. Надеюсь, сегодня погода опять будет хорошей, – ответила Джозефина.

– Небо вроде безоблачное. Но я очень спешу. Агнесса, мне нужна чистая рубашка. – Я распахнул свой камзол, показывая следы маленьких ручек, и пояснил: – Мой крестник набе-докурил.

– Ай-ай-ай! – сокрушенно воскликнула миссис Броккет. – Сейчас позову мужа.

Эконом появился из столовой в переднике, – должно быть, чистил серебро, так как от него пахло уксусом.

– Мартин, ты можешь достать мастеру Шардлейку чистую рубашку? – Как всегда, говоря с супругом, Агнесса сменила тон. – Ту, что сейчас на нем, запачкал его маленький крестник.

Она улыбнулась, но Мартин в ответ только кивнул. Он редко смеялся или улыбался. Похоже, этот человек родился без чувства юмора.

Я поднялся к себе в комнату, и через пару минут появился Броккет с чистой рубашкой. Он положил ее на кровать и застыл в ожидании.

– Спасибо, Мартин, – поблагодарил я, – но оденусь я сам. Грязную оставляю на кровати.

Мой слуга всегда и во всем хотел помогать мне, поклонился с несколько расстроенным видом и вышел.

Сменив рубашку, я спустился по лестнице и увидел Джозефину. Она несла кувшин с горячей водой, осторожно держа его перед собой, чтобы он не коснулся ее нового платья. Служанка проскользнула через открытую дверь гостиной в столовую, где Мартин все еще чистил серебро.

– Поставь на стол, – велел он. – На салфетку.

– Да, мастер Броккет.

Служанка отвернулась, и я увидел, как она бросила в спину Мартина неприязненный взгляд с долей презрения – вроде того, какой я заметил вчера. Это озадачило меня. Конечно, одни лишь холодные манеры Броккета никак не могли вызвать подобной реакции со стороны столь добросердечной девушки, как Джозефина.

Я оставил Бытия в конюшне и весь недолгий путь до Линкольнс-Инн проделал пешком. Барак еще не вернулся, но и Скелли, и Николас были заняты и всюду трудились за своими столами. Джон встал и принес мне записку. Его глаза за очками в деревянной оправе сверкали любопытством.

– Только что доставили для вас, сэр. Принесла женщина, которая ухаживает за мастером Билкнэпом.

Я взял записку и сломал печать. На листке кривым почерком, явно с трудом, было нако-
рябано:

Мне сказали, что нужно готовиться к скорой встрече с Создателем. Не могли бы Вы в качестве любезности навестить меня завтра после церковной службы?

Стивен Билкнэп.

Я вздохнул – совсем забыл об этом человеке. Но я не мог оставить такую просьбу без внимания и написал ответ, сообщив, что завтра непременно зайду к нему. Затем попросил Скелли доставить записку по назначению, а когда Джон ушел, обратился к Николасу. Сегодня тот был одет скромно, в полном соответствии с правилами. Он протянул мне кипу бумаг:

– Я тут перечислил основные пункты по тому делу о передаче собственности.

Я быстро просмотрел листы. Писал Овертон не очень разборчиво, но материал был изложен толково и выстроен логически. Возможно, парень в конце концов взялся за ум. Я взглянул на него – Овертон был шести футов ростом, и мне пришлось задрать голову. Его зеленые глаза смотрели ясно и прямо.

– У меня есть новая работенка, – сказал я. – Дело конфиденциальное и требует осмотрительности, и, к несчастью, следующие несколько дней, а может и дольше, я буду редко бывать в конторе, и тебе понадобится потратить несколько лишних часов. Ты готов к этому?

– Да, сэр, – ответил мой ученик, но я расслышал в его тоне недовольство.

Ну конечно – это же означало провести меньше часов в тавернах с другими молодыми джентльменами.

– Надеюсь, это продлится недолго. И еще я буду рад, если ты сможешь мне в некоторых аспектах этого нового дела. Я бы хотел, чтобы прямо сейчас ты пошел со мной допросить нескольких свидетелей, – объявил я и, поколебавшись, добавил: – Дело касается убийства, и по просьбе родителей жертвы я помогаю следствию. Я собираюсь взять показания у констебля, а потом еще у нескольких свидетелей.

Николас тут же оживился:

– Поймать негодяя – достойная задача!

– Если я возьму тебя с собой на расследование, ты должен держать все услышанное в строгой тайне. Это не тема для обсуждения в таверне. Болтовня может привести меня – и тебя тоже – к беде.

– Мне известно, что дела должны храниться в тайне, сэр, – произнес Овертон несколько чопорно. – Всякий джентльмен должен блюсти сие правило.

– И никакое другое строже этого. Так ты обещаешь помалкивать?

– Конечно, сэр, – обиженно ответил молодой человек.

– Прекрасно. Тогда пойдем сейчас к собору Святого Павла. Убитый был печатником. Когда я буду расспрашивать свидетелей, слушай внимательно, и если у тебя возникнут свои

вопросы и ты сочтешь их уместными, то можешь тоже задать их. Как вчера с миссис Слэннинг, – добавил я. – Тогда ты хорошо проявил себя.

Николас просиял:

– А я, признаться, подумал, не зашел ли слишком далеко. Не откажется ли она от ваших услуг.

– Да уж, вот была бы трагедия! – сардонически заметил я. Тут мне пришла в голову новая мысль. – Ты сегодня при мече?

– Да, сэр. – Овертон покраснел. Он любил гулять по улицам с мечом, поскольку видел в этом особый шик. – А почему вы интересуетесь?

Я улыбнулся:

– Поскольку твой отец владеет землями, ты считаешься джентльменом, а джентльменам позволено носить на людях меч. Мы можем обратить закон в свою пользу. Это наверняка произведет впечатление на тех, с кем мы будем разговаривать.

– Хорошо придумано. – Николас достал свой меч в ножнах из прекрасной кожи с узором в виде виноградных листьев и опоясался им. – Я готов.

Глава 8

По Стрэнду мы дошли до ворот Темпл-Бар и вышли через арку на Флит-стрит. Уже миновал полдень, и я был рад, что Тамазин накормила меня. Привычный размашистый шаг Николаса был для меня чересчур скор, и я велел ему идти помедленнее, напомнив, что юристы – люди почтенные и должны ходить степенно. Проходя через мост, я задержал дыхание, чтобы не вдыхать поднимающийся от воды смрад. Туда плюхнулась свинья – она бултыхалась в грязи, а ее владелец, стоя по колено в зеленой пузырящейся воде, пытался вытащить животное.

Мы прошли мимо тюрьмы, где, как всегда, заключенные протягивали сквозь прутья руки, прося подавания, потому что, если бы никто не давал им на пропитание, они бы просто-напросто умерли с голоду. Мне невольно вспомнилась Энн Аскью, которой фрейлины королевы посылали деньги в Ньюгейтскую тюрьму. Оттуда бедняжку перевели в Тауэр, где ее жестоко пытали, а потом сожгли на костре. Я содрогнулся.

Мы вышли за городскую стену через западные Ладгейтские ворота, и впереди показалось грандиозное здание собора Святого Павла. Его деревянный шпиль, вознесшийся в голубое небо, маячил на высоте пятьсот футов. Николас изумленно взглянул на собор.

– Что, в Линкольншире нет таких зданий? – улыбнулся я.

– Линкольнский собор тоже прекрасен, но я видел его лишь два раза. Владения моего отца находятся на юге графства, близ Трента.

Когда парень упомянул об отце, я уловил в его голосе сердитую нотку.

За Ладгейтскими воротами на улице Бойер-роуд всю кипела торговля. Мясник установил прилавок, на котором разложил жилистое зеленоватое мясо. Цены в те дни были столь высоки, что лоточники воздерживались продавать хорошее мясо. Чтобы привлечь покупателей, он поставил на конце прилавка клетку с живым индюком. Люди останавливались посмотреть на необычную птицу из Нового Света, напоминавшую гигантского цыпленка с огромными яркими сережками.

К нам подошел пожилой торговец с ворохом только что отпечатанных в типографии брошюр и хитро посмотрел на нас:

– Позвольте предложить вам новейшие баллады, джентльмены. О, здесь множество озорных стихов. «Молочница и табунщик», «Кардиналовы служанки»...

Николас рассмеялся, а я махнул продавцу рукой, чтобы тот убирался.

Другой торговец стоял в дверях своей лавки, держа на плече полную суму хворостин.

– Тонкие розги! – кричал он. – Покупайте свежие розги, лучшие в Лондоне! Специально вымочены в рассоле! Учите послушанию жен и сыновей!

К нам бросилась стайка из семи-восьми ребяташек, оборванных, босых беспризорников, и я заметил у одного из них острый нож.

– Мошеники, – шепнул я Николасу, – они срезают кошельки. Следи за своими деньгами.

– Я их тоже заметил.

Мой спутник уже положил руку на кошелек, а другой схватился за меч.

Мы строго посмотрели на сорванцов, и они, поняв, что мы догадались об их намерениях, пробежали стороной, вместо того чтобы окружить нас. Один из них крикнул:

– Горбатый черт!

– Рыжий конторщик! – добавил другой.

Овертон обернулся и сделал шаг в их сторону. Я взял юношу за локоть, а он, качая головой, печально сказал:

– Правильно мне говорили, что Лондон – бурное море, полное опасных рифов.

– Это верно. Во многих смыслах. Когда я приехал в Лондон, мне тоже пришлось кое-что узнать. Не уверен, что я привык к этому, и порой мечтаю о возвращении в деревню, но

все время что-то отвлекает. – Я взглянул на молодого человека. – Одно могу тебе сказать: убитый, как и его друзья, в вопросах религии придерживался радикальных убеждений. Насколько я понимаю, у тебя не будет трудностей при общении с такими людьми.

– Я верую, как требует король, – ответил Николас, повторяя формулу тех, кто хочет себя обезопасить, и посмотрел на меня. – Откровенно говоря, я хочу лишь, чтобы меня не трогали.

– Ну и хорошо, – кивнул я. – А теперь свернем сюда, на Аве-Мария-лейн, чтобы сначала встретиться с констеблем.

Аве-Мария-лейн оказалась длинной узкой улочкой с трехэтажными зданиями, множеством лавочек и жилых домов – все с нависающими крышами. Я заметил пару книжных лавок: на столах перед ними были выложены книги, за которыми присматривали приказчики в синих блузах и с дубинками, чтобы отпугивать воров. Большинство изданий предназначалось для высшего слоя общества – латинская и французская классика. Но были тут и экземпляры нового труда Томаса Бэкона «Христианство и брак», где автор побуждал женщин к скромности и послушанию. Будь эта книга подешевле, я бы шутки ради купил ее в подарок Бараку – пусть бы Тамазин запустила фолиантом муженьку в голову. До чего же все-таки неприятно, что приходится притворяться и обманывать своего помощника.

– Констебля зовут Эдвард Флетчер, – сказал я Николасу. – Он живет под вывеской с красным драконом. Смотри, вот она. Если не застанем Флетчера, попытаемся найти его на службе.

Дверь открыл слуга, сказавший нам, что его хозяин дома. Он провел нас в маленькую гостиную, где все было буквально завалено бумагами. За столом сидел тощий человек лет пятидесяти в красном камзоле и шапке городского констебля. У него был крайне усталый вид. Я узнал его – это был один из тех, кто накануне носил хворост, чтобы разжечь костер на Смит-филдской площади.

– Дай вам Бог доброго дня, мастер Флетчер, – сказал я.

– И вам того же, сэр, – почтительно проговорил хозяин дома, – несомненно, на него произвел впечатление мой наряд. Он встал и поклонился. – Чем могу помочь?

– Я здесь по делу об убийстве Армистеда Грининга, да помилует Господь его душу. Его убили на прошлой неделе. Насколько я знаю, коронер возложил расследование на вас.

– Да, верно, – вздохнул Эдвард.

– Я сержант Мэтью Шардлейк из Линкольнс-Инн. А это мой ученик, мастер Овертон. Родители мастера Грининга очень опечалены утратой и попросили меня, с вашего позволения, помочь в расследовании. У меня есть доверенность от них. – Я протянул ему документ.

– Прошу садиться, джентльмены. – Флетчер убрал бумаги с двух стульев и положил их на пол. Когда мы уселись, он с серьезным видом посмотрел на нас. – Вы понимаете, сэр, что если убийца не схвачен в течение первых двух дней и его личность не установлена, шансов найти его потом очень мало.

– Сие мне прекрасно известно. Я участвовал раньше в подобных делах и понимаю, как это трудно. – Я посмотрел на сложенные вокруг бумаги и добавил, сочувственно улыбнувшись: – И знаю, как тяжелы обязанности констебля в наши дни. Расследование запутанного убийства – это, должно быть, лишь дополнительное бремя.

– Истинно так, – печально кивнул Эдвард и, поколебавшись, добавил: – Если вы возьметесь за расследование, я буду только благодарен.

Да, я верно оценил этого человека. Многие лондонские констебли ленивы и продажны, но Флетчер производил впечатление человека добросовестного и был безнадежно завален делами. И возможно, он находился под впечатлением от того, чем ему пришлось заниматься вчера.

– Конечно, я буду держать вас в курсе. А вы можете докладывать обо всем, что удастся выяснить, коронеру, – сказал я ему, мысленно добавив: «И приписывать все заслуги себе».

Констебль кивнул.

– Пожалуй, я бы начал с вопроса, что вам известно об обстоятельствах убийства, – продолжил я. – Мой ученик, с вашего позволения, будет записывать.

Николас достал из сумки перо и бумагу. Флетчер указал ему на чернильницу, а потом сложил руки на груди, прислонился к спинке стула и стал рассказывать:

– Десятого числа, где-то после девяти вечера, как только стемнело, ко мне пришел один из караульных. И сказал, что убили некоего Армистеда Грининга, печатника с Патерностер-роу, а также доложил, что его сосед мастер Оукден, нашедший тело, поднял шум. Я немедленно отправился на место происшествия. Оукден был там и выглядел очень расстроенным и взволнованным. Он объяснил, что вместе с подмастерьем работал допоздна у себя в типографии, пользуясь последними лучами солнца, и вдруг услышал громкие вопли из мастерской своего соседа Грининга – тот звал на помощь. Потом раздались удары и крики. Мастер Оукден – человек состоятельный, в отличие от Грининга, мастерская которого размещалась в крохотной деревянной лачуге.

– И тем не менее они коллеги по цеху, – заметил я.

– Да, действительно. Мастер Оукден сказал мне, что бросился посмотреть, что там такое происходит. Дверь была заперта, но он ее выломал и едва успел заметить двоих здоровенных оборванцев, которые убежали через боковую дверь. Помощник мастера Оукдена, старик, оставался в дверях его типографии, но видел, как эти двое выбежали и через стену позади сарая перелезли в сад. Он все подробно описал. Мастер Оукден хотел было броситься за ними, но заметил, что здание подожгли: на кипу бумаги уронили лампу.

– Злоумышленники хотели сжечь место преступления? – спросил Овертон.

– Ну да, ведь если бы потом нашли обугленное тело, – сказал я, – смерть Грининга можно было бы приписать случайно возникшему пожару.

Флетчер кивнул:

– Я так и предположил. Как бы то ни было, Оукден вовремя заметил огонь и поспешил потушить его, пока тот не добрался до краски и других типографских материалов. Они моментально возгораются, и пламя могло бы перекинуться на его мастерскую.

Я согласно кивнул. Летом пожары были одним из ужасов Лондона, а для печатников риск, наверное, был особенно высок.

– Потом он увидел, что мастер Грининг лежит в луже крови рядом со своим прессом и голова его пробита. – Констебль нахмурился. – Я тогда слегка рассердился на мастера Оукдена за то, что после беседы со мной он ушел и несколько часов где-то пропадал. Сам он потом сказал во время дознания, что был так потрясен случившимся, что ему было просто необходимо выпить, и он отправился в какую-то таверну у реки, которая не закрывается после вечернего звона. – Эдвард пожал плечами. – Однако, до того как уйти, мастер Оукден рассказал мне все, что знал, а он слышет честным человеком.

Я напомнил себе, что в эти часы Оукден был в Уайтхолле.

Рассказчик в нерешительности замолк, а потом продолжил:

– Должен вам сообщить, что у меня уже было указание присматривать за мастером Гринингом. Он был печально известен своими религиозными взглядами и водил дружбу с радикалами. Три года назад его с пристрастием допрашивал епископ Боннер: речь шла о некоторых книгах Джона Бойла, которые контрабандой привезли из Фландрии. Доносили, что Грининг был одним из распространителей. Но доказать тогда ничего не удалось. Однако странная вещь: его типография была маленькой, всего с одним печатным станком и одним подмастерьем, но все эти годы он сумел держаться на плаву, хотя вы знаете, каким рискованным занятием является книгопечатание.

– В самом деле. Необходимы деньги, чтобы вкладываться в оборудование, – согласился я. – А когда книга напечатана, нужно продать большой тираж, чтобы получить хоть какую-то прибыль.

Флетчер согласно кивнул:

– При этом он был сравнительно молодым человеком, еще и тридцати не исполнилось, а его родители, полагаю, не очень богаты.

– Насколько я понял, это всего лишь мелкие фермеры.

Констебль вдруг бросил на меня подозрительный взгляд:

– И тем не менее они позволили себе нанять сержанта юстиции?

– Один человек, перед которым я в долгу, попросил меня помочь им.

Эдвард внимательно посмотрел на меня и стал рассказывать дальше:

– Были допрошены знакомые Грининга, в том числе несколько радикалов, за которыми епископ велел нам присматривать. У всех имелось алиби, и ни у кого не было никаких мотивов убивать его. Он не держал в типографии денег. Жил там же, где и работал, спал на выдвижной кровати в углу. В кошельке у погибшего нашли несколько шиллингов – их не тронули. Он был холост, и, похоже, у него не было никакой женщины.

– А какого сорта радикалом был убитый? – уточнил я.

Флетчер пожал плечами:

– Его самого и его дружков вроде как считали протестантами, но кто их разберет. Я слышал, что родители Грининга – закоренелые лолларды. А сегодня лоллард, как вы понимаете, запросто может стать анабаптистом. Но в любом случае никаких доказательств найдено не было.

Эдвард снова с подозрением посмотрел на меня, словно бы прикидывая, не являюсь ли я и сам радикалом.

– По дороге сюда мой ученик говорил мне, – непринужденно сказал я, – что достаточно верить так, как велит король.

– Да, – согласился Флетчер, – это безопаснее всего.

– А что насчет подмастерья Грининга?

– Здоровенный такой нахальный парень. Я бы не удивился, окажись он тоже радикалом. Но в ночь убийства он был дома с матерью и сестрами, и все говорят, что он хорошо ладил с хозяином. Теперь его взял на работу мастер Оукден.

– А те двое, которых видел помощник?

– Сгинули без следа. По описаниям они не местные. Я бы объяснил это случайным налетом каких-то нищих в надежде украсть хоть сколько-нибудь бумаги, которая, конечно, стоит денег, если бы не одно обстоятельство.

– Какое?

Констебль нахмурился:

– Это было уже не первое нападение на Грининга.

Я принял удивленный вид, словно бы прежде даже не слышал об этом.

– Подмастерье, молодой Элиас, сказал мне, что за несколько дней до этого он пришел на работу рано утром и увидел, как двое неизвестных пытаются проникнуть внутрь, ломают замок, – пояснил Эдвард. – Он закричал и разбудил мастера Грининга, который спал внутри. Элиас громко воскликнул: «За дубины!» – как вы знаете, таким образом мастеровые призывают на помощь всех собратьев, кто услышит. И взломщики убежали. Согласно описанию подмастерья, это были не те люди, кто убил Грининга. Он настаивает на этом. – Мой собеседник развел руками. – Вот и все. Вчера на дознании вынесли вердикт об убийстве, совершенном неизвестными лицами. Меня попросили продолжить расследование, но у меня больше нет никаких нитей – ума не приложу, где искать.

– А вам известны фамилии товарищей Грининга, которых наряду с ним подозревали в радикализме?

– Да. Их трое. – Констебль порылся в бумагах и написал имена и адреса. Мы склонились над столом, и он по очереди вкратце рассказал о каждом: – Джеймс Маккендрик – шотландец,

работает в доках; раньше служил солдатом, но стал одним из тех проповедников-радикалов, которых шотландцы напустили на наше королевство. Андрес Вандерстайн – голландский торговец тканями, постоянно ездит из Антверпена в Лондон и обратно. Говорят, что якобы привозит в Англию не только ткани, но и запрещенные книги. Третий, Уильям Кёрди, – свечных дел мастер, довольно преуспевающий. Все они по воскресеньям ходят в церковь и на людях следят за своими словами, но все дружили с Гринингом и иногда встречались в его типографии. Между прочим, они якшались и с другими подозрительными типами.

– Откуда вам это известно? – спросил Николас.

– Конечно же, от осведомителей. Моих собственных и епископа. И еще мне сказали, что этих троих в последнее время нет дома. – Эдвард приподнял брови. – Может быть, они намеренно скрываются.

– Странная компания, чтобы собираться вместе, – заметил Овертон. – Голландский купец, имеющий свое дело в Антверпене, – джентльмен; свечник – мещанин; а рабочий из доков и вовсе принадлежит к низшему слою общества.

– Некоторые радикалы верят, что социального разделения в принципе быть не должно, – ответил я. – И собираться таким людям вместе не запрещено.

– Так же, как и нет ничего противозаконного в том, чтобы быть голландцем или шотландским изгнанником, – добавил Флетчер. – Жаль только, что и те и другие зачастую оказываются радикалами. – Он вздохнул и сокрушенно покачал головой, показывая, как непросто ему работать, а потом добавил: – Тем не менее в апреле люди епископа устроили обыск в мастерской Грининга...

– Я не знал этого, – сказал я, подавшись вперед.

– Они устроили обыски в нескольких типографиях в поисках появившихся в Лондоне памфлетов Джона Бойла. Их явно напечатали где-то здесь. Но тогда так ничего и не обнаружили.

Да уж, похоже, что самые опасные книги в королевстве каким-то образом попадали в эту типографию.

– Так что же, по-вашему, все-таки случилось, мастер Флетчер? – спросил я.

– Очевидно, у Грининга были враги, которые решили его убить. Но никто о них ничего не знает. Не исключено, что всему виной вражда с другой радикальной группировкой: эти люди быстро переходят от любви к ненависти, разругавшись из-за какого-нибудь пустяка. Описания двух пар злоумышленников, которые пытались проникнуть в типографию, не соответствуют никому в этом районе, а здесь все друг друга знают. Теперь понимаете, почему следствие не двигается с мертвой точки?

Я сочувственно кивнул:

– Если не возражаете, я бы хотел допросить мастера Оукдена и его помощника. А также подмастерье. Возможно, это его друзья. И я также хотел бы осмотреть мастерскую мастера Грининга. У вас есть ключ?

Эдвард достал из стола маленький ключик:

– Я повесил новый висячий замок. Можете пока оставить этот ключ у себя. Мастерская находится под вывеской с белым львом. Желаю успеха. – Он обвел рукой разбросанные вокруг бумаги. – Сами видите, я завален работой. В этом году мне пришлось, помимо преступников, охотиться еще и за еретиками, хотя, похоже, сейчас охота затихла. – Он посмотрел мне в глаза. – Я видел вас вчера на сожжении, вы были на лошади, а ваш друг рядом с вами чуть-чуть не упал в обморок.

– Я тоже вас видел, – кивнул я.

– Пришлось выполнять обязанности, которые возложил на меня мэр, – словно бы оправдываясь, добавил констебль, хотя на мгновение в глазах его мелькнула тревога.

– Понимаю.

Эдвард по-прежнему не отрываясь смотрел мне в лицо:

– Помните, что если вы что-либо обнаружите по этому делу, то должны сообщить мне.

Я действую под юрисдикцией коронера.

– Непременно доложу все до последней мелочи, – солгал я. – А кстати, что стало с телом?

– Тело нельзя было оставлять в ожидании прибытия родителей из Чилтерна: сейчас лето.

Его похоронили в общей могиле.

Мы прошли по Аве-Мария-лейн до Патерностер-роу. Эта улица была длиннее и шире и являлась центром отечественного книгопечатания, пока еще достаточно скромного, но развивающегося быстрыми темпами. Здесь также имелось еще несколько книжных лавок, над которыми располагались типографии, и несколько отдельных печатных мастерских. Как и говорил Флетчер, некоторые из них были просто сараями, пристроенными к дому или возведенными на клочках арендованной земли. Я подумал, что Грининг, возможно, потихоньку печатал запрещенные книги Джона Бойла, некогда любимца Кромвеля, но теперь самого одиозного из радикалов, скрывающегося где-то во Фландрии.

– Что ты думаешь о Флетчере? – спросил я Николаса.

– Он был на сожжении? – уточнил тот.

– Да, – сказал я и удрученно добавил: – Выполнял свои служебные обязанности.

– Я бы лучше умер, чем стал выполнять подобные обязанности!

Состоятельному молодому человеку легко так говорить.

– Сильно сомневаюсь, что это зрелище ему понравилось, – заметил я.

– Возможно. Я заметил, что у него ногти сгрызены до мяса.

– Хорошо, что ты такой наблюдательный. Я так, например, и не обратил внимания. Подмечать мелочи – ключ к успеху в этом деле. Мы еще сделаем из тебя толкового юриста. А что думаешь об убийстве?

Овертон покачал головой:

– Два нападения, как сказал Флетчер... Похоже, что у Грининга были враги. Или у него в мастерской хранилось что-то очень ценное. – (Я бросил на ученика быстрый взгляд: этим замечанием он чуть было не попал в точку, что вызвало мои опасения.) – Возможно, золото, – продолжал Николас, – которое воры успели забрать, прежде чем вмешался Оукден.

– Если у людей есть золото, они его тратят или помещают в безопасное место. Только скряги хранят свои накопления дома.

– Как ваш друг Билкнэп? Я слышал, он как раз из таких.

– Билкнэп мне не друг! – рявкнул я. Парень покраснел, и я продолжил более учтиво: – Непохоже, что Грининг был законченным скрягой.

– Да, действительно... А констебль выглядит донельзя усталым.

– Да. В некотором смысле Лондон хорошо охраняется. Констебли и стражи следят за тем, чтобы не было беспорядков и чтобы никто не гулял после вечернего звона. Хотя если некоторые таверны открыты после означенного часа, они смотрят на это сквозь пальцы – если хозяева заведений не позволяют посетителям безобразничать.

Я взглянул на Николаса и приподнял брови. Его собственная драка в таверне, к моему неудовольствию, стала предметом сплетен в Линкольнс-Инн. Он покраснел, а я продолжил:

– Констебли следят, чтобы люди подчинялись законам о том, какие одежды могут носить люди каждого сословия, хотя, опять же, закрывают глаза на мелкие нарушения. И еще они держат осведомителей, чтобы те доносили о преступлениях и религиозных... э-э-э... провинностях. Но когда дело доходит до расследования убийства, которым необходимо заниматься долго и тщательно, то у них, как справедливо заметил Флетчер, попросту нет на это ресурсов.

– Признаюсь, я не совсем понял насчет разных типов радикалов, – сказал Николас. – Протестанты, лолларды, анабаптисты – какая между ними разница?

– Это тоже нужно знать, если живешь в Лондоне. Но не говори так громко. – Я понизил голос. – Открытые дискуссии на эту тему опасны. Протестанты верят, что хлеб и вино во время мессы не пресуществляются в тело и кровь Христовы, а должны просто рассматриваться как напоминание о жертве Господа нашего Иисуса. По закону подобные убеждения считается ересью. В большинстве европейских стран такой взгляд на мессу нов, хотя у нас в Англии человек по имени Джон Уиклиф развивал похожие идеи еще в прошлом веке. Его последователи лолларды подверглись гонениям и затаились, но не отказались от своих убеждений. Конечно, лолларды были в восторге, когда король порвал с Римом. А анабаптисты – это одна из религиозных сект, которая появилась в Германии двадцать лет назад. Они протестанты, но, кроме того, верят, что крещение в младенчестве не имеет силы, а крестить можно только взрослых, уже познавших Христа. И еще, что самое опасное, они считают, подобно ранним христианам, что социальные различия между людьми должны быть стерты и все имущество следует разделить поровну.

– Неужели ранние христиане верили в это? – удивился Овертон.

Я наклонил голову:

– Почитай хорошенько Священное Писание.

Мой спутник нахмурился:

– Я слышал, что анабаптисты якобы захватили какой-то город в Германии и управляли им согласно своим верованиям, но ничего хорошего из этого не вышло: говорят, дело закончилось тем, что кровь там текла по улицам рекой. – Он покачал головой. – Люди не могут существовать без власти, вот почему Бог поставил монархов править ими.

– Действительно, анабаптисты пытались устроить в Мюнстере Царство Божие на земле, но католические власти взяли город и подавили мятеж. Вот тогда-то и началась резня. Хотя да, я слышал, что анабаптистское правление в Мюнстере к тому времени стало жестоким и опиралось на насилие. Но потом они все-таки отказались от насилия. Уцелевшие анабаптисты бежали из Германии и Фландрии, а некоторые из Фландрии через Северное море прибыли сюда. Король сжег на костре всех, кого смог обнаружить.

– И тем не менее некоторые анабаптисты все-таки могли уцелеть?

– Ходят такие слухи. Если кто и остался, то они действуют тайно, вынужденные скрываться, как раньше лолларды. Нынче на всякого, у кого голландская фамилия, смотрят косо.

– Как на того друга Грининга, про которого упоминал констебль? Вандерстайна?

– Да.

Николас наморщил лоб:

– Значит, анабаптисты отвергают насилие, но все-таки считают, что правителей нужно свергать?

– Так говорят.

– Тогда они действительно представляют большую опасность, – серьезно заключил молодой человек.

– Они являются, так сказать, полезным злом. – Я посмотрел на Овертона. – Ну, теперь ты узнал, как начинается расследование убийства, на что это похоже. Имей в виду: дело нам предстоит непростое и опасное.

Мой ученик улыбнулся:

– Я ни капельки не боюсь.

Я хмыкнул:

– И совершенно напрасно. Страх держит человека настороже, способствует бдительности. Запомни это.

Мастерские и типографии на Патерностер-роу было трудно распознать снаружи по вывескам – на них мог быть, к примеру, изображен ангел, золотой шар или красный петушок.

Типографию Грининга обозначал грубо намалеванный на доске белый лев. Этот знак висел над одноэтажным строением, казавшимся еще более убогим по контрасту с соседним зданием, крепким и ухоженным. Дом этот, должно быть, принадлежал Джеффри Оукдену. Я достал ключ, который дал мне констебль, снял всячий замок с треснувшей двери и открыл ее. Внутри было темно. Сбоку имелась вторая дверь, и из замка торчал ключ. Я велел Николасу открыть ее, и за этой дверью оказался заросший травой участок. Я осмотрел сарай со всех сторон. Большую часть помещения занимал печатный станок: он стоял в самом центре, приподняв свой винт, а ложе для бумаги было пусто. К стенам были прибиты гвоздями дешевые полки – на них лежали пачки бумаги и шрифт в коробках, стояли бутылки с краской и растворителем. Помещение заполнял тяжелый запах.

В одном углу виднелась кипа отпечатанных листов, другие висели на веревках для просушки. Я посмотрел на верхний лист в пачке: «Новейший французский букварь». Так, что там у нас? «Je suis un gentilhomme d'Angleterre. J'habite à Londres...»¹² Мне вспомнились школьные дни. Грининг печатал учебники для детей. В углу лежал тюфяк с одеялом и подушкой, рядом с ним обнаружили нож и тарелка: засохший хлеб и сыр, который уже начал плесневеть. Последний ужин Грининга.

– Николас, – сказал я, – загляни, пожалуйста, под пресс: не установлен ли там шрифт? Я не уверен, что смогу нагнуться сам. – Если бы шрифт и впрямь там обнаружился, я бы попросил ученика как-нибудь вынуть его, чтобы посмотреть, был ли это учебник французского или что-то другое. Уж не собирался ли Грининг напечатать «Стенание грешницы»?

С легкостью, неволью вызвавшей у меня зависть, Овертон выгнул свое длинное туловище, чтобы взглянуть на пресс снизу.

– Ничего нет, сэр. Тут пусто.

– Хорошо, – с облегчением сказал я.

Николас выпрямился и осмотрелся вокруг:

– Что за убожество! Вот же бедняга: ему приходилось и жить, и работать здесь, среди этого запаха...

– Многие живут в еще худших условиях, – заметил я.

Но парень был прав: вообще-то, человек, способный держать печатный бизнес на плаву, мог бы и позволить себе иметь дом. Если только его типография не дышала на ладан. Возможно, Грининг оказался не бог весть каким коммерсантом. Лорд Парр говорил, что родители убитого – бедные фермеры. Но откуда же он тогда взял средства на покупку оборудования и материалов, чтобы начать свое дело? Я заметил на полу рядом с кроватью темное пятно. Кровь из проломленной головы Грининга впиталась в доски. Бедняга, он не дожил до тридцати и теперь гниет в общей могиле.

Рядом с кроватью стоял простой деревянный сундук. Он был не заперт, и в нем лежали только два заляпанных кожаных передника, несколько рубашек и дешевых льняных камзолов да замусоленный Новый Завет. Никакой запрещенной литературы: печатник был осторожен.

Николас склонился над небольшой стопкой обгоревших листов на полу. И заметил:

– Вот где они пытались устроить пожар.

Я подошел к нему. Почерневшие обрывки лежали под полкой с краской. Если бы не появился Оукден, все строение бы сгорело. Я взял один обгоревший лист и прочел: «...le chat est un animal méchant...»¹³

– Страницы из книги, которую Грининг печатал, – сказал я.

– Что будет со всем этим? – спросил Овертон, обведя взглядом помещение.

¹² «Я английский дворянин. Я живу в Лондоне...» (фр.)

¹³ «...кошка – злобное животное...» (фр.)

– Теперь это собственность его родителей. Как их доверенное лицо, я имею право оформить завещание вместо них. Возможно, вы с Баракком и займетесь этим. Если автор заплатил Гринингу за печатание этой книги, деньги придется вернуть. Остальное имущество будет распродано, и выручка достанется родителям. Печатный станок стоит немало.

Я взглянул на бумагу на полках. Кипа была небольшой, но, поскольку вся бумага ввозилась в Англию из-за границы, она представляла определенную ценность, и ее имело смысл украсть, как и шрифт. Но вряд ли это стоило того, чтобы разные люди, по отдельности, дважды предпринимали попытки ограбления.

Затем я приблизился к боковой двери, вышел наружу, с облегчением избавившись от едких испарений, и огляделся. Участок заросшей травой земли упирался в кирпичную стену футов около семи высотой. Я задумался. Нужно поговорить с Оукденом с глазу на глаз, без помощника: ведь, кроме меня, он – единственный человек вне стен дворца, кто знает о «Стенании грешницы».

– Николас, – позвал я, – посмотри-ка, что там за стеной.

Молодой человек легко залез на стену:

– Там сад, который не намного отличается от участка с этой стороны.

– Спустись туда и посмотри, куда могли убежать преступники после убийства Грининга. Может быть, остались какие-то следы. А потом приходи, я буду в доме у Оукдена.

Овертон как будто смутился:

– А что, если хозяева увидят, что я шныряю по их саду?

– Придумай какое-нибудь оправдание, – улыбнулся я. – Хороший юрист всегда должен уметь сочинять на ходу.

Глава 9

Мастер Джеффри Оукден владел трехэтажным домом. На нижнем этаже располагалась книжная лавка, и на столе перед ней были выставлены книги самого разного сорта: «Замок здоровья» Элиота, маленькие брошюры по астрологии и траволечению, античная классика. Была здесь и пара молитвенников – утвержденных Церковью, небольших, размером с ладонь, чтобы можно было читать их на ходу. С верхних этажей доносились ритмичные удары: это новые листы клали под пресс; пресс быстро опускался посредством винта; листы вынимали и на их место вставляли новые. В дверях, сложив на груди жилистые, тронутые артритом руки, стоял старик, который охранял лавку. Он настороженно посмотрел на меня. Наверное, видел, как мы с Николасом входили в лачугу Грининга.

Я улыбнулся:

– Дай вам Бог хорошего дня, добрый человек. Я адвокат, представляю интересы родителей покойного мастера Грининга.

Старик снял шапку, обнажив плешивую макушку.

– Да помилует Господь его душу, – проговорил он и сильно закашлялся.

– У меня есть разрешение констебля Флетчера расследовать это дело. А вы, случайно, не тот ли помощник мастера Оукдена, который видел выбегающих из дома людей?

– Да, это я, сэр, – произнес мой собеседник уже более приветливо. – Джон Хаффкин, к вашим услугам.

– А я мастер Шардлейк. Не расскажете ли вы мне, как все произошло?

Джон кивнул, явно обрадованный возможностью еще раз повторить эту историю:

– Все случилось поздно вечером, я помогал мастеру Оукдену у станка. Он печатает книгу о путешествиях в Новый Свет, с гравюрами, на которых изображены обитающие там удивительные существа. Большой был заказ, мы работали до самой темноты. – Старик вздохнул. – Теперь мастер Оукден нанял в подмастерья этого болвана Элиаса, а меня поставил присматривать за лавкой днем. – Он снова вздохнул. – Но тридцать лет на этой работе износили мои суставы. И грудь...

– Так что произошло в тот вечер? – Я вернул его к основной теме беседы.

– Работа только что закончилась, мы развешивали листы, чтобы просохли за ночь. Окна были открыты, и мы услышали шум по соседству. Крики, а потом призыв на помощь. Мы с мастером Оукденом переглянулись. Иногда нам бывало слышно, как мастер Грининг громко спорил со своими друзьями, но тут явно раздавались звуки насилия, и мы бросились вниз по лестнице. Мастер Оукден побежал к соседнему дому, а я остался в дверях. С моими суставами и больной грудью от меня было бы мало толку... – Он пристыженно посмотрел на меня.

– Понимаю, – сочувственно проговорил я.

– Но издали я все видел. Мастер Оукден высадил дверь, и через секунду оттуда выскочили двое. – Хаффкин указал на боковую дверь. – Как я уже говорил на дознании, обоим было лет по двадцать с небольшим, оба в грязных шерстяных рубахах. Мне они показались бродягами, такими бездельниками без определенных занятий. – Он состроил гримасу. – У них в руках были устрашающего вида дубины. Оба крепко скроены, со спутанными бородами. Один высокий, и хотя и молодой, но почти лысый. Другой – светловолосый и с большой бородавкой на лбу, ее было видно даже в сумерках.

– Вы хорошо все рассмотрели.

– По крайней мере, глаза у меня еще видят. Я был бы рад опознать этих супчиков и увидеть их на виселице. Мастер Грининг был хорошим соседом. Знаю, он был радикал, но тихий – не из тех, что пристают к людям со своими проповедями, подвергая окружающих опасности

со стороны закона. Он никому не причинял вреда. Насколько я знаю, – добавил Джон, внимательно посмотрев на меня.

– Я тоже не слышал о нем ничего дурного.

Рассказчик продолжил:

– Когда те двое убежали, я подошел к халупе, потому что почуял запах дыма. Мастер Оукден тушил огонь: куча бумаги на полу загорелась, а на полу лежал бедняга Грининг. Ужасное зрелище: темя пробито, повсюду кровь и мозги разлетелись... – Он покачал головой.

– Спасибо, любезный Хаффкин. – Я достал кошелек и дал старику гроат. – А теперь, если позволите, я бы поговорил с вашим хозяином. Можно мне войти?

– Конечно. Они с Элиасом работают на втором этаже.

Я прошел через лавку и поднялся по лестнице. Ритмичные удары стали громче. Весь второй этаж занимало одно помещение – увеличенный эквивалент скромной типографии бедняги Грининга. Здесь тоже были стеллажи с бумагой и растворами, стопки отпечатанных листов и готовые листы, висящие, как белье на просушке, на натянутых через все помещение веревках. Несмотря на то что ставни были открыты, здесь стояла жара и сильно пахло свинцовой пылью. У меня на лбу выступил пот.

У прессы работали два человека. На обоих были запачканные кожаные передники. Высокий мужчина лет пятидесяти, чисто выбритый и седовласый, разглаживал новый лист бумаги на нижней платформе. Рукоятку огромного винта над верхней платформой, где был укреплен покрытый краской шрифт, держал мускулистый парень лет восемнадцати с мрачным, унылым выражением лица. Когда я вошел, они обернулись.

– Я адвокат Шардлейк, – тихо представился я. – Меня послали расследовать убийство бедного мастера Грининга.

Пожилый мужчина кивнул.

– Джеффри Оукден, – назвал он свое имя. – Мне сообщили о вашем визите. Пойдемте в переплетную. Элиас, я отойду побеседовать с мастером Шардлейком.

Юноша впервые прямо посмотрел на меня. Его карие глаза горели яростью.

– Это было злодейское, безбожное убийство, – сказал он. – В наши дни добрые христиане больше не могут чувствовать себя в безопасности.

– Знай свое место, мальчик, – сдвинул брови Оукден.

Он повел меня на верхний этаж, где за столом сидела женщина средних лет, которая аккуратно сшивала листы и помещала их в переплет из толстой бумаги.

– Ты не могла бы ненадолго спуститься на кухню, дорогая? – попросил Джеффри. – У меня конфиденциальный разговор с этим джентльменом. Он юрист, и это касается заказа на новую книгу. Можешь пока налить моему помощнику кружку пива.

– Я только что слышала, как ты выговаривал Элиасу. Этот мальчишка нуждается в порке за свой дерзкий язык, – сказала женщина.

– Он силен и работает усердно, а остальное не важно, милая. К тому же его здорово потрясла смерть прежнего хозяина.

Миссис Оукден встала и, сделав мне книксен, спустилась вниз. Печатник прикрыл за нею дверь.

– Моя жена ничего не знает об этом деле, – тихо пояснил он. – Вы от лорда Парра?

– Да. Вы хорошо проявили себя в тот вечер, мастер Оукден.

Джеффри сел на угол стола, глядя на свои загрубевшие от работы руки. На его симпатичном честном лице отражались напряжение и тревога.

– Я получил из Уайтхолла записку, что придет юрист. Меня просили сжечь ее, что я и сделал. – Он глубоко вздохнул. – Когда я прочел слова на той первой странице, что сжимал в руке бедняга Грининг... Я не еретик, но всегда поддерживал реформы, и в свое время я получал

работу от лорда Кромвеля. И когда я увидел титульную страницу той книги, то сразу понял, что это личная исповедь в греховности, книга о пути к вере, какие нынче пишут радикалы, и она может оказаться опасной для ее величества, которую все реформаторы почитают за ее набожность и доброту.

– Как вы получили доступ во дворец?

– На соседней улице живет молодой подмастерье печатника, известный как пламенный радикал. Как это бывает у молодых людей, он поддерживает связи с другими радикалами из числа дворцовых слуг. Я пошел к нему и прямо сказал, что у меня есть нечто, о чем нужно знать советникам королевы. Он объяснил мне, к кому из слуг подойти в Уайтхолле, и так меня отвели к самому лорду Парру. – Джефффри удивленно покачал головой.

– Тот подмастерье дружит с Элиасом?

– Нет. Элиас общался только с мастером Гринингом и его кружком. – Оукден провел рукой по лбу. – Нелегко простому человеку вдруг оказаться в Уайтхолле.

Я сочувственно улыбнулся:

– Да уж.

Печатник посмотрел на меня:

– Но я должен был исполнить свой долг, следуя совести.

– Понимаю. Лорд Парр благодарен вам. Он просил меня взяться за расследование убийства, которое коронер почти забросил. Я сказал констеблю и всем прочим, включая собственного ученика, которого послал обследовать сад за хибарой Грининга, что действую по поручению родителей убитого. Я позволил себе допросить добрейшего Хаффкина и хотел бы также побеседовать с Элиасом. Насколько я знаю, он помешал предыдущей попытке проникновения в дом Грининга.

– Так он говорит, а Элиас не лжец, хотя и не отличается послушанием.

– Вы не должны сообщать ему про книгу, и никому другому тоже.

Оукден понимающе кивнул:

– Клянусь Господом, сэр, я знаю, какой осмотрительности требует это дело. Иногда добрые христиане должны говорить как с невинностью голубки, так и с мудростью змеи, не правда ли?

– В этом деле – определенно. А теперь не могли бы вы мне еще раз рассказать, что произошло в тот вечер?

Джефффри повторил то же, что уже поведал мне Хаффкин: как он услышал шум и поспешил на улицу.

– Когда я подбежал к хибаре, то услышал, как мастер Грининг кричит кому-то, чтобы отвязались от него. Думаю, он дрался с этими негодьями. Я подергал дверь, она оказалась заперта, и я налег плечом. Она сразу поддалась.

– Дверь была заперта изнутри?

– Да, мастер Грининг, как вам известно, жил там и закрывался на ночь. Я могу только догадываться, как было дело: видимо, люди, напавшие на моего соседа, постучались, вломились внутрь, когда он им открыл, а потом заперли дверь за собой.

– Хаффкин описал мне их.

– Да, он хорошо разглядел злоумышленников, а я заметил их лишь краем глаза.

– Он, кажется, умный старик.

– У бедняги плохо с легкими, как и у многих из нас, кто занимается этим ремеслом. Боюсь, когда умер Грининг, я воспользовался случаем: взял Элиаса к себе, а Джона Хаффкина перевел на работу полегче.

– Пожалуй, так даже лучше для всех.

– Я надеюсь.

– А когда вы вошли, то что еще вы увидели, кроме того, что краем глаза заметили злоумышленников?

– Мой взгляд сразу привлек огонь. Мне пришлось тушить его. – Рассказчик серьезно посмотрел на меня. – Учитывая, сколько на этой улице бумаги и печатных материалов, мы постоянно живем под угрозой пожара. К счастью, кипа бумаги еще не разгорелась, и я сумел затоптать огонь. Потом я увидел беднягу Грининга, – он вздохнул, – на полу, с проломленной головой. Надеюсь больше никогда в жизни не увидеть ничего подобного. А потом я заметил обрывок бумаги у него в руке – бумаги самого лучшего качества, какая только бывает на рынке. Я прочел и понял, что это не просто убийство. Услышав, что идет Хаффкин, я засунул обрывок страницы в карман.

– Вы думаете, они убили его до того, как вы пришли?

Джеффри покачал головой:

– Когда я первый раз налег плечом, он еще кричал. Но потом шум стих, только послышался страшный звук, – наверное, один из них ударил Грининга дубиной, и тот упал.

– И убийцы вырвали у него из рук книгу, – задумчиво проговорил я, – но часть первой страницы осталась у Грининга. Вероятно, в спешке не заметив этого, они зажгли огонь и убежали.

– Думаю, так вполне могло быть. – Оукден печально вздохнул. – Не знаю, может быть, не ворвись я тогда, эти мерзавцы бы не запаниковали и не убили бы моего соседа.

– Я думаю, убили бы, если бы только он сам не отдал книгу.

Мой собеседник грустно кивнул.

– Вы хорошо знали Армистеда Грининга? – спросил я.

– Грининг появился на Патерностер-роу пять лет назад. Сказал, что приехал из Чилтерна, – он и говорил с тамошним акцентом, – дескать, его жена с ребенком умерли в родах, и он отправился в Лондон искать счастья. Бедный парень, у него на лице всегда была грусть. Грининг арендовал этот клочок земли, где стоит его хибара, у Палаты приращений¹⁴ – в былые времена он принадлежал маленькой монашеской обители. – Джеффри сардонически улыбнулся. – Какая ирония судьбы, учитывая религиозные взгляды Грининга. Так вот, мой сосед построил свою хибару сам, с несколькими лондонскими друзьями. Не могу сказать, что я хорошо его знал, он был человек замкнутый, – но я кое-что слышал и видел, особенно в последнее время... – Печатник в нерешительности замолчал.

– Что бы вы ни рассказали мне о Грининге, ему это уже не причинит вреда. Старик Хаффкин кое о чем намекал мне...

– Это может повредить Элиасу. Не дай бог парень попадет в руки Гардинера и его волков.

– Я отчитываюсь только перед лордом Парром и королевой.

Джеффри изумленно вытаращил глаза:

– Неужели перед самой королевой?!

– Да, – ответил я и добавил с ноткой гордости: – Я знал ее, когда она была еще леди Латимер.

– Я думаю, Грининг придерживался совсем уж радикальных взглядов. – Оукден серьезно посмотрел на меня. – Принадлежал к так называемым «известным людям».

Я вздрогнул. Это словосочетание использовалось для обозначения лоллардов, а теперь и анабаптистов. А печатник продолжал:

– Можете ли вы обещать, сэр, что все, что я расскажу вам об Элиасе, не ввергнет его в беду?

¹⁴ Палата приращений – орган, созданный королем Генрихом VIII для управления землями, отобранными у католических монастырей.

Он говорил тихо, сосредоточенно, в очередной раз напомнив мне, как опасно в наше время рассуждать о религии.

Некоторое время я молчал в нерешительности. Я знал, что по крайней мере лорд Парр будет безжалостен, если вдруг решит, что это необходимо для защиты королевы. А любое упоминание об анабаптизме – это... это все равно что сунуть палку в осиное гнездо.

И я ответил:

– Обо всем, что может повредить вашему подмастерью, я доложу только лично королеве. Ее милосердие и верность друзьям хорошо всем известны.

Оукден встал и посмотрел в окно на хибару Грининга:

– У этого сарая тонкие стены. К Армистеду приходили в гости друзья, с которыми он вел религиозные дискуссии. Иногда – особенно этим летом, когда из-за жары все держали окна нараспашку, – я слышал их разговоры, скорее даже споры, иногда слишком громкие, чтобы оставаться безопасными. По большей части до меня доносились только гул голосов, случайные фразы, но и этих фраз бывало достаточно, чтобы навести уши. У нас по соседству собирались очень странные компании. Человек шесть, иногда семь, но неизменно присутствовали трое – шотландец, голландец и англичанин, все известные как местные радикалы.

– Маккендрик, Вандерстайн и Кёрди.

Джеффри кивнул:

– Думаю, мастер Кёрди – довольно состоятельный человек. Мастер Грининг однажды рассказывал мне, что тот посылал одного из своих помощников помогать ему в строительстве этой хибары. Шотландец тоже помогал: помню, что видел его. Здоровенный такой мужик, высокий и сильный.

– Выходит, Грининг дружил с ними почти с тех самых пор, как приехал в Лондон? А вы были с ними знакомы?

– Шапочно. Они держались обособленно. Знал я на самом деле только Армистеда Грининга – как соседа и коллегу-печатника. Иногда на улице мы обсуждали состояние дел и пару раз одалживали друг другу бумагу, если у одного из нас была работа, а запасы истощались.

– Вы сказали, что слышали, о чем спорили мастер Грининг с друзьями. О чем же? – спросил я. – О таинстве мессы?

Печатник снова заколебался в нерешительности.

– Да, и предопределено ли для людей, куда они попадут: в рай или в ад. Еще хорошо, мастер Шардлейк, что я не католик, а Джон Хаффкин старается не совать нос в дела, которые его не касаются.

– Да уж, эти люди были неосторожны.

– Этим летом они казались очень возбужденными. – Джеффри сжал губы. – В один из вечеров я слышал, как по соседству спорили, следует ли крестить человека в младенчестве или только когда он уже станет взрослым и все ли крещеные христиане имеют право на равенство, право отбирать имущество у богатых и делать его общим.

– Значит, Армистед Грининг мог быть анабаптистом?

Оукден принялся расхаживать туда-сюда, качая головой:

– Из того, как он спорил со своими друзьями, я могу заключить, что они расходились во взглядах. Вы знаете, что радикалы тоже разнятся между собой, впрочем, как и их противники.

– Да, это правда.

Последние десять лет были временем перемены веры: люди переходили из католицизма в лютеранство, становились протестантами, а потом вновь меняли свои убеждения. Но Грининг и его друзья, очевидно, обсуждали совсем уж радикальные крайности. Я задумался: интересно, где теперь эти трое – Маккендрик, Вандерстайн и Кёрди? Затаились?

Джеффри снова заговорил:

– Я частенько не мог понять, каким образом Армистед сводит концы с концами. Некоторые книги, которые он печатал, плохо продавались, а иногда он, похоже, вообще сидел без работы. А порой бывал занят под завязку. Я даже грешным делом подозревал, уж не печатает ли мой сосед запрещенные книги и памфлеты. Знаю, что несколько лет назад ему доставили большую партию книг...

– В смысле уже напечатанных?

– Да. Их привезли с континента, возможно нелегально, для распространения в Англии. Я видел их у него в хибаре, в ящиках, когда заходил спросить, не нужен ли ему дополнительный шрифт, который у меня оказался. Один ящик был открыт, и Грининг быстро его задвинул.

– Интересно, что это была за литература...

– Кто знает? Может быть, труды Лютера, или этого Кальвина, который, говорят, наделал немало шума в Европе, или Джона Бойла... – Джеффри закусил губу. – Армистед просил меня никому не говорить о тех книгах, и я поклялся, что не скажу. Но теперь он умер, и это уже не может повредить ему.

– Благодарю вас за доверие, мастер Оукден, – тихо произнес я.

Печатник серьезно посмотрел на меня:

– Если бы я рассказал об услышанном не тем людям, Армистед и его друзья могли бы кончить так же, как вчера Энн Аскью. – Его губы вдруг в отвращении скривились. – Это было мерзко, просто отвратительно!

– Да. Меня заставили пойти на Смитфилдскую площадь как представителя нашего инна и смотреть на казнь. Это было ужасное зрелище.

– До чего же мне тяжело, мастер Шардлейк. Мои симпатии на стороне реформаторов. Я не протестант и уж тем более не анабаптист, но я никогда бы не отправил своих соседей на костер Гардинера.

– А Элиас тоже входил в этот радикальный кружок? – тихо спросил я.

– Думаю, что да, входил. Этим летом я не раз слышал его голос из хибары мастера Грининга.

– Я должен допросить его, но я буду осторожен.

– Хоть Элиас и такой неотесанный, но был искренне предан своему хозяину. Он хочет, чтобы убийц нашли.

– И он может дать важные показания. Насколько я понимаю, Элиас сорвал первую попытку нападения на типографию за несколько дней до убийства.

– Да. Он единственный это видел, но решительно поднял тревогу и созвал других подмастерьев, – кивнул Оукден и, немного помолчав, добавил: – Я вам скажу одну странную вещь, поскольку сомневаюсь, что сам парень об этом поведает. За несколько дней до убийства мастер Грининг с друзьями, включая Элиаса, собрались на свою вечернюю дискуссию. Спор вышел особенно громкий. Окна у них были открыты, и у меня тоже, и какой-нибудь проходящий стражник вполне мог слышать их с улицы. Хотя здесь у нас даже стражники – свои люди.

Я знал, что во многих лондонских приходах жители все больше обособляются в реформаторских и традиционалистских кварталах.

– Все на этой улице склоняются к реформизму? – уточнил я. – Мне известно, что это характерно для многих печатников.

– Да. Но то, что я слышал, было бы опасно в любом квартале. Я не на шутку рассердился на соседей: сами понимаете, что если бы их вдруг арестовали, то и меня бы тоже стали допрашивать, а у меня жена и трое детей, о которых надо думать. – Голос моего собеседника слегка дрогнул, и я понял, как беспокоили его неосторожные разговоры Грининга и его гостей. – Я вышел на улицу и хотел постучать им в дверь, сказать, что нужно соблюдать безопасность – свою и мою. А когда подошел к двери, услышал, как голландец – у него характерный акцент – толкует о каком-то человеке, который скоро прибудет в Англию: якобы это

посланец самого Антихриста, и он сокрушит и уничтожит наше королевство и обратит истинную религию в прах. Они даже называли имя, видимо иностранное. Но я не уверен, что правильно разобрал.

– Что же вы расслышали?

– Джурони Бертано – или что-то в этом роде.

– Похоже на испанское или итальянское.

– Вам виднее. В общем, я постучал в дверь, попросил их говорить потише и закрыть окна, пока мы все не оказались в Тауэре. Они не ответили, но, слава богу, окна затворили и голоса умерили. – Печатник бросил на меня испытующий взгляд. – Я рассказал вам это только потому, что знаю, в какой опасности оказалась королева.

– Я искренне благодарен вам за откровенность.

– Но я все никак не могу понять одной вещи, – продолжал Оукден. – Зачем радикалам красть книгу королевы Екатерины, тем самым подвергая ее опасности?

– Я бы тоже хотел это знать.

– Я определенно не слышал, чтобы они упоминали имя королевы. Но, как я уж упоминал, кроме того единственного вечера, когда я услышал про Джурони Бертано, обычно до меня доносились только отдельные фразы. – Джеффри вздохнул. – В наши дни нигде не безопасно.

За дверью раздались шаги, и мы с Оукденом тревожно переглянулись. Дверь открылась, и вошел явно довольный Николас.

– Ты что, не мог постучать? – сердито сказал ему я. – Мастер Оукден, это мой ученик Николас Овертон. Я прошу прощения за его манеры.

Мой помощник, похоже, обиделся. Он поклонился хозяину дома и быстро повернулся ко мне:

– Извините, сэра, но я нашел кое-что в саду.

Я бы предпочел, чтобы он не выпаливал это перед Оукденом. Печатнику, для его же безопасности, было лучше знать как можно меньше. Но Николас продолжал:

– Я перелез через стену. Сад за стеной весь зарос высокой травой и кустами ежевики. Дом разрушен, – похоже, это была монашеская обитель. Теперь там нашла приют семья нищих.

– Это, юноша, был монастырь францисканцев, – пояснил Джеффри. – После ликвидации монастырей много камней из него растащили для строительства, а этот участок никто так и не купил. В Лондоне по-прежнему избыток пустующих земель.

А Овертон уже тараторил дальше:

– Я посмотрел, нет ли каких-либо следов в высокой траве. Дождя с тех пор не было, а я искусный следопыт, я хорошо освоил это дело, когда охотился дома. И я заметил, что трава осталась примята, как будто по ней кто-то бежал. А в зарослях ежевики я нашел вот это.

Он вытащил из кармана обрывок кружева из тонкого белого льна с черной вышивкой, крошечными петельками и завитушками, и я увидел, что это обрывок с манжеты рубашки, какую мог себе позволить только джентльмен.

Оукден посмотрел на кружево:

– Тонкая работа, с виду лучший батист. Но вы заблуждаетесь, молодой человек: мой помощник ясно видел злоумышленников – они были в грубых шерстяных рубахах. Должно быть, кто-то еще проходил по саду и порвал рубашку.

Я повертел кружево в руке:

– Но кто же будет бродить в таком наряде по заброшенному саду, заросшему колючками?

– Возможно, – предположил мой ученик, – совсем не бедные люди надели грубую одежду поверх рубашек, чтобы прохожие на улице не обращали на них внимания.

– Святая Дева, Николас, – воскликнул я, – а ведь и правда!

А про себя подумал: «И укравшие „Стенание грешницы“ люди имели доступ к высшим лицам при дворе».

– Николас, ты поговорил с тем семейством нищих? – спросил я Овертона.

– Да, сэр. Это крестьянин с женой, из Норфолка. Их землю огородили для овец, и они перебрались в Лондон. Заняли одну комнату, где еще осталась крыша. Они меня сперва испугались: думали, кто-то купил участок и послал адвоката вышвырнуть их. – Молодой человек говорил о нищих с пренебрежением, и Оукден неодобрительно нахмурился. – Я спросил, не видели ли они кого-нибудь в день убийства. Они сказали, что проснулись от шума, когда какие-то люди бежали через сад: двое с дубинами, здоровенные молодые парни, один почти лысый. Оба скрылись, перебравшись через дальнюю стену.

– Значит, Джон Хаффкин разглядел все верно. – Печатник посмотрел на обрывок кружевной манжеты. – Меня это тревожит, сэр. Выходит, убийство могли совершить люди с положением.

– Да, не исключено. Ты хорошо справился, Николас. Пожалуйста, мастер Оукден, держите это в тайне.

Джеффри горько рассмеялся:

– Могу поклясться, со всей готовностью.

Я засунул обрывок в карман и глубоко вздохнул:

– А теперь я должен допросить молодого Элиаса.

Подмастерье оторвался от возни со шрифтом на станке и сказал Оукдену, когда мы вошли:

– Хозяин, мы здорово отстаем...

– У нас большой заказ, – пояснил Джеффри. – Однако, Элиас, эти джентльмены расследуют убийство мастера Грининга по поручению его родителей. Мы должны им помочь.

– Мэтью Шардлейк из Линкольнс-Инн, – представился я, протягивая руку.

– Элиас Рук. – Юноша прищурился. – Мастер Грининг говорил мне, что его родители – бедные люди. Как они могли позволить себе нанять юриста?

Это был смелый вопрос для простого подмастерья.

– Элиас, – предостерегающе проговорил Оукден.

– Я только хочу выяснить правду, Элиас, установить, что же на самом деле произошло, и, если смогу, сделать так, чтобы убийцы мастера Грининга предстали перед правосудием, – заявил я, проигнорировав его вопрос. – Я должен кое-что спросить у тебя.

Юноша по-прежнему смотрел подозрительно, и я ободряюще добавил:

– Насколько я знаю, в вечер убийства ты был дома.

– Да, вместе с матерью и сестрами. И к нам приходил сосед. Я сказал это на дознании.

– Да. Еще мне известно, что до этого ты сорвал нападение на жилище мастера Грининга.

– Это я тоже рассказал коронеру. В тот день я пришел в типографию рано утром – было много работы, – а рядом с хибарой стояли двое, пытаюсь открыть замок. Они держались тихо: думаю, знали, что мастер Грининг внутри.

– Но это были не те люди, которые напали на него потом?

– Нет. Старый Хаффкин описал тех, кто убил моего бедного хозяина: оба крепкие и высокие. А эти двое были совсем не такие. Один низенький и толстый, а другой худой, со светлыми волосами, и у него не хватало половины уха. Как будто отрублено мечом, а не большая дыра, как когда уши прибивают к позорному столбу.

– Они были вооружены?

– У них на поясе висели кинжалы, но сейчас многие их носят.

– Как они были одеты?

– В старые кожаные куртки.

– То есть в дешевую одежду?

– Да. – Элиас немного успокоился, увидев, что я повторяю старые, уже знакомые ему вопросы. – Но нынче большинство так одеваются, когда богатые хапуги и знатные бездельники забирают все себе.

– Не дерзи моему хозяину, хам, – возмутился Николас.

Я примиряюще поднял руку. Мне несложно было стерпеть мальчишескую дерзость, если это давало информацию. И я понял, что этот юноша, похоже, придерживается самых радикальных взглядов на устройство общества.

– Когда случилось первое нападение? – спросил я. – Мне говорили, что за несколько дней до убийства.

– За неделю. В понедельник, пятого числа.

Я нахмурился, поняв, что это было *до* кражи рукописи, а стало быть, не имело смысла.

– Ты уверен? Не путаешь дату?

Рук прямо посмотрел на меня:

– Это день рождения моей матери.

Я кивнул:

– И что ты сделал, увидев тех двоих?

– То, что на моем месте сделал бы любой хороший подмастерье. Закричал: «За дубины!» – чтобы остальные парни на улице знали, что здесь беда. Несколько человек прибежали на помощь, хотя и не очень скоро – было рано, они, наверное, еще не встали. Если сомневаетесь, они подтвердят, какого числа было дело. Однако эти двое уже скрылись – перелезли через стену сада позади мастерской мастера Грининга. Несколько человек бросились за ними, но не догнали. – (Я подумал, что злодеи перед нападением хорошенько обследовали местность вокруг жилища Грининга, чтобы знать, куда бежать.) – А я остался и постучал хозяину.

– И как он отреагировал, когда ты все ему рассказал?

– Он встревожился. А вы как думали? – грубо ответил Элиас.

Николас предостерегающе на него посмотрел, но парень не придал этому значения.

– У твоего хозяина были какие-нибудь догадки, кто могли быть эти люди? – продолжил я расспросы.

– Он решил, что это случайные воры. Но они, должно быть, связаны с теми, что пришли потом и убили мастера Грининга. Верно? – поинтересовался подмастерье.

Я уловил в его голосе легкую дрожь. Несмотря на свою бравату, молодой Рук был все-речь напуган. Но если на жилище Грининга напали за неделю до убийства, зачем же он беспечно открыл дверь, когда к нему постучались неизвестные люди? Или его успокоили вежливая манера, с которой говорили посетители, их приличный вид – ведь у одного из них под грубой рубахой была кружевная рубашка? Снова взглянув на Элиаса, я подумал, не знает ли он про книгу. Если знает, то это явно представляет для него опасность. И все же парень не спрятался, как, похоже, сделали трое друзей Грининга, а стал работать по соседству.

– Что тебе известно о друзьях бывшего хозяина? – неуверенно спросил я. – Мне тут назвали три фамилии: Маккендрик, Вандерстайн и Кёрди.

– Я встречался с ними. – Подмастерье снова прищурился. – Хорошие, честные люди.

– Они могли бы дать отчет о своих перемещениях в ту ночь, – сказал я с ободряющей улыбкой, – но почему-то их нигде не видно уже несколько дней.

– Я тоже не видел их после убийства.

– Маккендрик – шотландская фамилия, – напрямик заявил Николас. – А совсем недавно мы воевали с шотландцами.

Рук гневно посмотрел на него:

– Паписты выгнали мастера Маккендрика из Шотландии за то, что он называл душу папы вонючей менструальной тряпкой. А ведь так оно на самом деле и есть.

– Элиас! – одернул его Оукден. – Не говори таких слов в моей типографии.

Я умиротворяюще поднял руку:

– Скажи, а был мастер Грининг близок с какой-нибудь женщиной? Ведь твой хозяин был еще молодым человеком...

– Нет. С тех пор как его бедная жена умерла, он полностью посвятил себя работе и служению Богу.

Я уже обдумывал, как бы половчее задать Элиасу вопрос, принимал ли он сам участие в религиозных дискуссиях между Гринингом и его друзьями, когда Овертон вдруг выпалил:

– А как насчет этого Джурони Бертано, которого, я слышал, мастер Шардлейк упоминал наверху? Грининг знал его?

На лице Рука отразился страх, и вся его напускная грубость моментально исчезла. Он попятился.

– Откуда вам известно это имя? – спросил он и посмотрел на Оукдена. – Хозяин, этих людей подослал епископ Гардинер!

Не успел Джефффри что-либо ответить, как его подмастерье с покрасневшим от страха и злобы лицом закричал на меня:

– Ах ты подлый горбатый папист!.. – И с этими словами ударил меня по лицу, отчего я пошатнулся.

Парень остервенело бросился на меня и, учитывая его габариты, вполне мог бы покалечить, если бы Николас не схватил Элиаса за горло и не оттащил в сторону. Юноша вырвался, вцепился в Овертона, и оба повалились на пол. Мой помощник схватился за меч, но Рук оттолкнул его и кинулся в открытую дверь типографии, и его шаги загрели по лестнице. Я услышал крик жены Оукдена: «Элиас!» – и стук входной двери.

Через секунду Николас был уже на ногах и бросился вниз по лестнице вслед за беглецом. Оукден и я смотрели из окна, как мой ученик стоит на людной улице, озираясь по сторонам и высматривая Элиаса, но тот уже скрылся. И неудивительно: парень знал эти улицы и переулки как свои пять пальцев.

Джефффри уставился на меня с изумлением и тревогой:

– Почему это имя вызвало у него такой ужас? Я никогда не видел Элиаса в подобном состоянии.

– Не знаю, – тихо ответил я, вытирая со щеки кровь.

Вернулся Николас.

– Убежал, – печально констатировал он. – Вы ранены, хозяин?

– Нет.

Лицо печатника потемнело от гнева.

– Элиас так перепугался, что теперь вряд ли вернется. – Он вперил взгляд в Овертона. – И сейчас, когда работа в самом разгаре, мне придется искать нового подмастерья... А все из-за того, что ты неосмотрительно сболтнул это имя. Мастер Шардлейк, с меня хватит. Я больше не хочу заниматься этим делом. У меня есть работа, и я должен думать о жене и детях.

– Мастер Оукден, мне очень жаль, – вздохнул я.

– И мне тоже. А еще мне жутко страшно. – Переводя дыхание, Джефффри снова выглянул в окно. – А теперь, пожалуйста, уйдите. И прошу вас, больше не впутывайте меня в эту историю.

– Я постараюсь сделать так, чтобы впредь вас не беспокоили. Но если Элиас все же вернется, не могли бы вы сообщить мне об этом в Линкольнс-Инн?

Оукден не обернулся, но устало кивнул.

– Благодарю вас, – снова сказал я. – Извините, пожалуйста, что так вышло. – Затем я повернулся к Николасу. – Пойдем уже! Ну и кашу ты заварил!

Я быстро шел по Патерностер-роу. Лицо у меня болело после удара Элиаса. Скоро во всей красе проявится синяк.

– Нужно заявить констеблю, – сказал Николас. – Побег подмастерья от хозяина – серьезный проступок...

– Мы еще не знаем, сбежал ли он, – ответил я. Кроме того, я не собирался вмешивать в это власти – во всяком случае, предварительно не посоветовавшись с лордом Парром. Остановившись, я повернулся к своему спутнику. – И о чем ты только думал, назвав это имя?

– Я услышал, как вы и мастер Оукден говорите про этого человека, когда подошел к двери. Это показалось мне важным. И я подумал, что будет неплохо припугнуть этого наглеца.

– Разве ты не видел, что под своей наглостью он скрывает страх?

– Я видел только, что он разговаривает с вами не так, как подобает неотесанному подмастерью с человеком вашего ранга.

– Да уж, Николас, ты буквально помешан на рангах и классах, а Элиас раздражал тебя, вот тебе и захотелось поставить его на место. Я старался успокоить этого паренька, чтобы завоевать его доверие. Разве ты не знаешь поговорки, что не стоит пришпоривать коня сверх меры? Из-за тебя мы потеряли самого ценного свидетеля.

Овертон, казалось, упал духом:

– Вы же сказали, что я могу задавать вопросы.

– После того, как хорошенько их обдумаешь. А ты долго не раздумывал, но просто отреагировал на его поведение и дал волю эмоциям. Для юриста это самое страшное. Больше никогда у меня на службе не изображай из себя галантного джентльмена.

– Мне очень жаль, – сухо сказал молодой человек.

– И мне тоже. А уж как сожалеет бедный мастер Оукден...

– Похоже, это убийство затрагивает самые деликатные религиозные вопросы, – тихо проговорил Николас.

– Тем больше причин и вести себя осмотрительно, – проворчал я. – А теперь возвращайся в Линкольнс-Инн. Поступаешь в полное распоряжение Барака, будешь делать все, что он велит. И ни слова о том, где мы были. Думаю, даже ты понимаешь, сколь важно хранить конфиденциальность в ходе этого расследования. А сейчас я тебя покину, у меня есть важное дело в другом месте.

Я повернулся к Овертону спиной и пошел прочь, к реке, чтобы взять лодку и добраться до Уайтхолла.

Глава 10

Я спустился по ступеням к Темзе. Вдоль берега стояли в ожидании множество лодочников, выкрикивавших: «А вот кому на восток?» или «А вот кому на запад?» – в зависимости от того, куда они намеревались плыть: вверх или вниз по реке. Я подозвал одного из тех, кто собирался вверх, и он подогнал лодку к ступеням.

Мы проплыли мимо дворца Уайтхолл, и я попросил причалить к Вестминстерской пристани, чуть подальше. У общей пристани Уайтхолла слуги выгружали из другой лодки огромные вязанки дров, вероятно предназначавшиеся для дворцовых кухонь. Мне снова вспомнилась вчерашняя казнь, и меня аж передернуло. Лодочник странно посмотрел на меня. Я опустил глаза и стал разглядывать его руки, ловко орудовавшие веслами. Руки у этого сравнительно молодого человека уже были натруженными и узловатыми. Я знал, что с годами лодочники приобретают болезненный артрит, суставы теряют гибкость и застывают в согнутом положении. И все это только ради того, чтобы перевозить богатых людей, вроде меня, куда им надо.

Мы миновали Королевскую пристань. Широкая крытая галерея, раскрашенная в зеленый и белый цвета, на пятьдесят футов выдавалась в реку и заканчивалась просторным крытым причалом, к которому как раз подплывала королевская баржа. Наверху вытянулась длинная линия прекрасного дворцового фасада: его красная кирпичная кладка ярко горела в лучах клонящегося к закату солнца, и свет рассеивался на выступах, богато отшлифованных бастиянах с высокими застекленными окнами, а на южном конце виднелись покрытые лесами новые апартаменты леди Марии. Я заплатил лодочнику и поднялся по Уайтхолл-роуд к западной стене дворца, к воротам. Мне было жарко в мантии, я был весь в пыли, усталый и расстроженный.

На этот раз меня никто не встречал, но мое имя было в списке, и стражник у ворот впустил меня. Я прошел под арку, пересек двор и направился вверх по лестнице в помещение королевской охраны. Процедура тщательной проверки повторялась возле каждой двери.

Я поднялся в королевскую приемную. Когда я вошел, слуга в коричневой ливрее пронес мимо серебряный кувшин с водой, и мы с ним чуть не столкнулись. Я осмотрелся. Странно, но впечатление фантастического великолепия немного ослабло, хотя я чувствовал присутствие королевских телохранителей в их красочных, словно бы кукольных, мундирах. Однако сами они были здоровенными молодцами с тяжелыми алебардами. Здесь я видел меньше молодых хлыщей, пришедших в надежде попасться на глаза важным особам. Мой взгляд снова привлекла картина королевского семейства с основательной квадратной фигурой Генриха, контрастирующей с тем гротескным жалким персонажем, которого я недавно видел из окна.

Двое кандидатов в придворные играли в серебряные кости. Один из них вдруг вскочил и закричал:

– Ты жульничаешь! Ты уже третий раз подряд выбросил пятерку!

Другой встал и откинул в сторону свой короткий испанский плащ, чтобы освободить руку:

– Придержи язык! Ты оскорбляешь меня...

Тут же подошли двое телохранителей, которые взяли хлыщей под руки.

– Эй, мужланы, да вы никак забыли, где находитесь! – прикрикнул на них один из стражей. – Вы посмели подумать, что здесь можно поднимать гам, как в обычной таверне! А ну убирайтесь! Лорду-камергеру короля будет доложено обо всем!

Незадачливых игроков отвели к дверям, и все присутствующие в комнате проводили их взглядами.

И тут у меня перехватило дыхание: я увидел двух человек в черных одеждах и с золотыми цепями. Они вошли с лестницы и стояли, глядя на скандалистов. Обоих этих людей я видел недавно на сожжении Энн Аскью. Один из них был Уильямом Пейджетом, личным секретарем

рем короля, – его квадратное лицо хмурилось над русой бородой, обрамлявшей его странную, словно перекошенную прорезь рта. Субтильная фигура другого контрастировала с крепким сложением Пейджета, а на его худом лице играла сардоническая улыбка. Это был сэръ Ричард Рич. Они не заметили меня, и я поскорее проскользнул к двери в приемную королевы и шепотом назвал стражнику свое имя. Он открыл, и я проскочил внутрь. С противоположной стороны двери другой стражник в мундире со значком королевы вопросительно посмотрел на меня.

– Сержант Шардлейк, – сказал я, еле дыша. – К лорду Парру.

Дядя королевы уже ждал меня: кто-то снизу, видимо, успел доложить ему о моем прибытии. На фоне всех этих великолепных декораций и роскошных одежд придворных Уильям Парр в простом черном одеянии выглядел скромно. Его наряд оживляли лишь значок королевы на груди и массивная золотая цепь на шее. Я низко поклонился.

– Пройдемте в мой личный кабинет, мастер Шардлейк, – пригласил он.

Я вышел вслед за ним через другую дверь. Стражник, стоявший там, хотя и не старый, но уже с проседью в рыжей бороде, бросил на меня как будто бы особенно пронзительный взгляд. Потом лорд Парр провел меня по коридору. Наши шаги не были слышны на толстой циновке, покрывавшей здесь пол от стены до стены. Через приоткрытую дверь я заметил приемную ее величества и саму королеву, сегодня одетую в красное и сидевшую за вышивкой у окна вместе с несколькими фрейлинами, которые присутствовали там и накануне. Гардинер, спаниель герцогини Саффолк, сидел на полу, играя с косточкой.

– Мы идем к личным покоям королевы, – пояснил лорд Уильям. – Мой кабинет там. Екатерине нравится, что я всегда рядом, с тех пор как она вызвала меня весной из поместья. – Он открыл дверь в маленький темный кабинет с окном, выходящим еще на один двор. В этой комнатке на сундуках и маленьком столе аккуратными стопками лежали бумаги. – Вот, – сказал Парр, снимая со стула адвокатскую мантию из тонкого шелка и протягивая ее мне. – Наденьте, пожалуйста.

Я увидел, что на груди этого одеяния был пришит яркий значок королевы. Прежде чем занять место за столом, лорд подошел к окну и закрыл его. Потом предложил мне сесть.

– В летние дни я предпочитаю открытое окно, – с сожалением проговорил он, – но здесь никогда не знаешь, кто может подслушивать по соседству. – Старик вздохнул. – Как вы, наверное, поняли, при дворе царит атмосфера, полная страха и ненависти. Здесь в принципе нет дружеских отношений. Даже между родственниками: Сеймуры вечно ругаются и царапаются, как кошки. Только семейство Парр едино, мы преданы друг другу, – с гордостью заключил он. – В этом наша сила.

– Вы здесь только с весны, милорд? – рискнул спросить я.

– Да. В последние годы я удалился от двора и жил в своем поместье. Я уже старый человек и не всегда хорошо себя чувствую. Не так, как в молодости, когда служил королю. – Лорд Уильям улыбнулся воспоминаниям. – Как и мой брат, отец королевы. А мать королевы была фрейлиной Екатерины Арагонской. Парры долгое время находились при дворе. Мать королевы умерла как раз накануне того, как разразилась буря королевского развода. Что ж, она по крайней мере оказалась избавлена от всего этого. – Он поднял взгляд – острые глаза блеснули под белыми бровями. – С тех пор я остаюсь *in loco parentis*¹⁵ для моей племянницы и сделаю все, чтобы защитить ее. Когда Кейт попросила меня вернуться ко двору, я приехал тотчас же.

– Понимаю.

– Я должен привести вас к присяге, чтобы официально включить в состав Ученого совета ее величества...

¹⁵ Вместо родителей (*лат.*).

Лорд вытащил из выдвижного ящика Библию, и я торжественно поклялся верой и правдой служить королеве. Парр коротко кивнул, вернул книгу на место и спросил:

– Ну, что нового вам удалось узнать?

Я вздохнул:

– Ничего хорошего, милорд.

Я поведал ему, что первое нападение на жилище Грининга случилось еще до кражи «Стенания грешницы», что власти отказались от расследования и что друзья Грининга, похоже, затаились, причем не исключено, что они даже являются анабаптистами. Под конец я объяснил, как сбежал Элиас. Мне пришлось откровенно рассказать про неосторожность Николаса, опрометчиво назвавшего имя Бертано, хотя я и похвалил своего помощника за то, что он обнаружил обрывок кружева. Я принес этот клочок ткани с собой и теперь положил его на стол. Лорд Парр рассмотрел его:

– Тонкая работа, дорогая... Характерный черный узор. – Он перевернул лоскут. – Вышивальщик королевы, мастер Галлим, всю жизнь проработал в гардеробе королевы в замке Бэйнардс и знает всех изготовителей кружев в Лондоне. Может быть, он сумеет выяснить, чья это работа.

– По обрывку манжеты?

– Такого качества – возможно. – Лорд нахмурился. – Подмастерье уверен, что первое нападение случилось еще до того, как «Стенание грешницы» пропало?

– Вполне. Мне очень жаль, что он сбежал. Услышав имя Бертано, парень пришел в ужас.

– Я никогда раньше его не слышал... Так, значит, Оукден подслушал, как они говорили об этом Бертано: дескать, он посланник самого Антихриста и погубит нашу страну?

– Определенно. И я считаю Оукдена честным человеком, – сказал я и, поколебавшись, добавил: – Он просит, чтобы теперь мы оставили его в покое, боится за свою семью.

– Все мы боимся, – резко ответил Парр. – И тем менее прошло уже одиннадцать дней, как рукопись украли, и до сих пор – ни слова, вообще ничего... Кто мог ее похитить?

– Наверняка не религиозные радикалы.

– Но если бы ее украл папист, книга была бы уже опубликована, и тогда бог знает что стало бы с моей племянницей. Король очень строго смотрит на любое проявление нелояльности. – Лорд Уильям закусил губу. – Нам нужно отыскать этого подмастерья. – Он недовольно посмотрел на меня. – Вы не должны были упустить его.

– Мне очень жаль, что так вышло, милорд.

– А эти три товарища Грининга – они где-то скрываются? Уехали из Лондона?

– Похоже на то. Хотя они могли просто затаиться на время. Констеблю известно, где они живут. Он присматривал за ними в этом году как за возможными еретиками.

Лорд Парр сердито нахмурился, и на его бледных щеках выступили пятна.

– Ну просто Божья кара эти оголтелые радикалы со своими безумными идеями! Они ставят под удар тех из нас, кто хочет реформ, но знает, что нужно действовать потихоньку. Они понятия не имеют о реальной политике. Может быть, и нет на самом деле никакого Бертано, а это лишь фантом, плод их воспаленного воображения! – Лорд Уильям издал долгий вздох, успокаивая себя, а потом проговорил: – Вы должны разыскать эту троицу, дружков Грининга. Поговорите с ними, узнайте, что им известно. – Он снова нахмурился. – И если опять возьмете с собой своего ученика, объясните ему хорошенько, что надо держать язык за зубами.

– Можете быть уверены, милорд, я проведу с ним беседу.

Я сообразил, что на поиски пропавших единомышленников Грининга потребуется немало времени. Да уж, это расследование становилось все более запутанным и опасным. Кроме того, я подумал, что в конторе в Линкольнс-Инн есть одно дело, которое я никак не могу поручить своим подручным, – предстоял осмотр экспертами стенной росписи по иску миссис

Слэннинг, – и меня на мгновение охватила паника. Ощувив, что кресло подо мной покачнулся, я крепко вцепился в подлокотники.

– В чем дело? – резко спросил лорд Парр.

– Простите, милорд, я... Сегодня выдался тяжелый день, а вчера я присутствовал на сожжении. Иногда от усталости у меня возникает странное чувство – будто весь мир вокруг начинает качаться...

Я ожидал, что собеседник одернет меня, осудит за слабость и жалобы, но, к моему удивлению, он тихо произнес:

– Племянница говорила мне, что в прошлом году вы оказались на «Мэри Роуз», когда корабль затонул. Это была страшная трагедия. Впрочем, при дворе не принято говорить об этом – королю кажется унижительным, что его любимый корабль постигла такая судьба.

– Я потерял тогда хороших друзей и сам чуть не погиб. И с тех пор, во времена сильного напряжения... Простите меня, милорд.

Лорд Уильям хмыкнул:

– Мне тоже иногда бывает нехорошо. Я давно страдаю от приступов лихорадки, и теперь они случаются все чаще. Иногда я так устаю... – Он пожал плечами, а потом натянуто улыбнулся. – Но мы должны идти вперед. Вы знаете девиз королевы?

– «Быть полезной в своих делах».

– И так и должно быть. Я знаю, это тяжкий груз, сержант Шардлейк.

– Спасибо, милорд, но вы считаете, что мне действительно лучше всего попытаться найти и допросить этих людей? Радикалы очень подозрительны и ко всем относятся настороженно. Они наверняка, как и тот подмастерье, сочтут меня пытливым законником, чей хозяин покарает их.

Лорд Парр криво усмехнулся:

– Да уж, народ предвзято относится к вашему ремеслу; бытует мнение, что юристы работают на своих нанимателей исключительно ради гонорара.

– Возможно, если кто-то попытается для начала связаться с этими людьми, некто, известный своим сочувствием к радикалам, и скажет им, что адвокат, который к ним придет, – не враг... Это бы очень помогло мне.

Мой собеседник кивнул:

– Вы правы. Помните молодого Уильяма Сесила?

– Конечно.

– Известно, что он имеет некоторые... э-э-э... скажем так, контакты. Этот молодой человек занимает совсем небольшую должность в Ученом совете королевы, но я уже отметил его ум и приверженность реформам. Как и личные амбиции, весьма значительные. – Старый лорд снова сардонически улыбнулся. – Хорошо, я пошлю его разыскать этих людей и заверить их, что вы хотите только расспросить об убийстве Грининга и не причините никакого вреда. Это все, что будет сказано мастеру Сесилу. О «Стенании грешницы» ему, конечно же, ничего не известно.

– Благодарю вас. Это может помочь в наших поисках.

Парр погладил бороду:

– Так вы говорите, Грининг печатал лишь учебник французского, когда его убили?

– Да. Я тщательно обыскал типографию.

– Как вы сами понимаете, королева не имеет никаких связей с такими мелкими типографиями. Ее «Молитвы, или Размышления» отправили прямо к королевскому печатнику Джону Бертелету. – Он покачал головой, а затем решительно схватился за подлокотники и сказал: – А теперь я бы хотел, чтобы вы допросили некоторых слуг из окружения королевы.

– Да, милорд.

– Но сначала взгляните вот на это. – Лорд Уильям достал из камзола маленький ключик на золотой цепочке. – Я уговорил племянницу доверить его мне. Это тот самый ключ, который она носила на шее, от ее личного сундука.

Я внимательно рассмотрел его: на бородке имелось несколько зубцов разной величины. И заметил:

– Похоже, такой ключ нелегко скопировать.

– Да уж. Сам сундук я велел перенести в надежное место, где его можно будет осмотреть. – Лорд Парр спрятал ключик в складках своего одеяния. – Ну что, вы готовы допросить слуг? – Он твердо посмотрел на меня.

– Да, милорд. Простите, у меня была минутная слабость.

– Хорошо. – Лорд Уильям сверился с бумагой у себя на столе. – Я проверил записи и выяснил, кто дежурил в тот вечер. Королева во второй половине дня находилась в своих покоях. После обеда она пошла к себе в спальню, посмотрела книгу, снова прикинула, не уничтожить ли ее, а потом какое-то время изучала испанский – она стремится улучшить свое знание языков, это может оказаться очень полезно на дипломатическом поприще.

– Ее величество часто остается в одиночестве во второй половине дня?

– Нет. Но когда день свободен, она любит воспользоваться случаем и немного побыть одной – в этом дворце не всегда легко уединиться, – с чувством добавил Парр. – Потом, в шесть часов, ее вызвал король, и она вернулась в десять. За эти четыре часа «Стенание грешницы» кто-то украл. По словам стражи, личные покои ее величества в это время посетили два пажа, в чьи обязанности входит убирать в комнатах и в галерее королевы, а также кормить Рига, спаниеля Екатерины, и ее птичек. Кроме того, вам надлежит допросить двух женщин, которые имеют более или менее свободный доступ в покои, – Мэри Оделл, фрейлину, которая служит Кейт много лет, готовит ей постель и часто спит рядом, и дурочку Джейн, которую королева делит с леди Марией. Джейн очень плохо соображает. Известно, что она входила в тот вечер в личные покои, где сидели несколько фрейлин, и хотела видеть Екатерину: сказала, что у нее якобы есть что-то такое, что развлечет ее величество. Она не поверила, когда фрейлины ответили, что моя племянница у короля, а Джейн умеет поднять шум, если не добивается своего, – королева и леди Мария избаловали ее, – поэтому стража впустила дурочку внутрь и дозволила посмотреть самой. Она вышла через несколько минут. Вот и все.

– А сколько комнат в личных покоях королевы?

– Шесть. Умывальня, спальня, молельня, кабинет, ванная и столовая. И, кроме того, личная галерея, где ее величество часто прохаживается. Кстати, я лично осмотрел все помещения вдоль и поперек на случай, если рукопись каким-то образом спрятали там. Но ничего не нашел.

– Неужели, чтобы делать уборку, каждый день нужны два пажа?

Лорд саркастически рассмеялся:

– Разумеется, нет. Но это хозяйство ее величества, здесь повсюду слуги как знак высокого статуса королевы. Есть еще двое, которые приходят убирать по утрам. Только у короля штат больше.

– И обслуживающий персонал сменяется?

– Да. Существует очередность. Я понял, о чем вы подумали: другой слуга мог узнать о существовании книги раньше, да? Но они не могли спланировать похищение заранее, так как никто понятия не имел, что в тот вечер король пригласит к себе супругу.

– Но он вызывает ее, наверное, довольно часто?

– Далеко не каждый вечер. А в последние дни Генрих по вечерам постоянно встречается со своими советниками и послами.

– Значит, книгу, должно быть, похитил один из этих слуг, если только кто-то не спрятался в галерее.

– Это невозможно. Стража у дверей в личные покои проверяет всех, кто входит и выходит. Так что подобный вариант абсолютно исключен.

Я задумался:

– А сами стражники? Им можно доверять?

– Все отобраны лично королевой. И, опять же, тут тоже существует строгая очередность, и если бы какой-то стражник покинул свой пост у дверей, это сразу заметили бы. Первым делом претенденты в придворные, которые могли бы попытаться проникнуть туда, куда не положено. Нет, в отсутствие королевы в ее покои входили лишь двое пажей, Мэри Оделл и дурочка Джейн.

– Значит, только четверо.

– Я вызвал и пажей, и обеих женщин. Я бы хотел, чтобы вы – под предлогом пропажи перстня – проверили перемещения всех четверых в тот день. Всем говорят, что исчезновение драгоценности очень опечалило королеву. Екатерина дала вам полномочия увидеться с Мэри Оделл наедине, но дурочку Джейн вы должны допрашивать в ее присутствии. Джейн так глупа, что наверняка перепугается и может надерзить. – Уильям Парр нахмурился, – очевидно, шутиха сильно досаждала ему.

– Очень хорошо, милорд.

– Леди Оделл – одна из четырех горничных. Это невысокая должность, но зато Мэри особенно близка к королеве. Она ее двоюродная племянница. Теперь в окружении Екатерины много дальних родственников, как раньше везде были сплошь Болейны и Сеймуры. Кроме того, что эти люди зависят от нее, они также обязаны ей своими должностями, так что на их преданность можно рассчитывать. А на Мэри Оделл – особенно: она не только служит королеве, но и является ее ближайшей подругой. Будьте с этой дамой поучтивее. Что же касается дурочки Джейн... – Старик склонил голову. – Есть два типа шутов: те, что искусны в добрых дурачествах, как королевский шут Уилл Соммерс; и дураки от природы, вроде Джейн. Она пользуется слишком большой свободой. Но и обладает едким юмором. – Лорд Парр внимательно посмотрел на меня и мрачно заключил: – Никогда не знаешь, всегда ли дураки таковы, какими кажутся.

– Но Джейн служит шутихой также и у леди Марии? Значит, она предана им обеим.

– Я думал об этом. Уже десять лет, как леди Мария покончила со своей строптивостью и согласилась с верховенством короля в делах Церкви. В религии она придерживается консервативных воззрений, но все это время неуклонно следует желаниям отца. Екатерина пыталась свести всех троих королевских детей вместе, однако, хотя Мария и любит малолетнего Эдуарда, она не жалуется леди Елизавету. – Лорд Уильям пожал плечами. – Это можно понять: мать Елизаветы заняла место ее собственной матери. Королева делала все, чтобы подружиться с Марией. Они близки по возрасту и часто видятся.

– Но Мария известна как противница реформ.

– Пуганая ворона куста боится. Она избегает даже намеков на заговоры. Мария не опасна. А теперь я вас покину. – Лорд Парр встал. – Пажей сейчас пришлют. Как я вам уже говорил, если допрос будет проводить кто-то из Ученого совета королевы, а не я сам, это привлечет меньше внимания. Я вернусь позже. Да, кстати, «пропавший» перстень выглядит так: из чистого золота, с квадратным рубином в центре и инициалами покойной падчерицы королевы Маргарет Невилл – «МН» – внутри кольца. – Он шагнул к двери. – Осторожнее с Адрианом Расселом, он может оказаться дерзким щенком. А потом я покажу вам сундук. Кстати, я слышал сегодня, что в следующем месяце Генрих переезжает в Хэмптон-Корт. Туда уже послали крысоловов. Все вещи и все люди из королевских апартаментов отправятся туда на барже. Поэтому вы должны увидеть здесь все так, как оно было в тот день, пока это еще возможно.

Стражник ввел первого пажа, худого светловолосого паренька лет шестнадцати с заносчивыми манерами. На нем были красная ливрея со значком королевы на груди и черная шапка,

которую он снял, когда вошел. Я строго посмотрел на него, как будто он был моим противником в суде:

– Ты Адриан Рассел?

– Да, сэр, Рассел Кендальский. Мой отец – дальний родственник королевы и имеет большие владения в Камберленде, – с гордостью проговорил юноша.

– А я сержант Шардлейк из Ученого совета ее величества. Меня назначили расследовать пропажу рубинового перстня, исчезнувшего из сундука королевы в ее спальне. Ты слышал о краже?

– Да, сэр.

– Это произошло шестого июля, между шестью и десятью часами вечера, когда королева была у его величества. Ты работал в тот вечер?

Рассел дерзко посмотрел на меня:

– Да, сэр. Я и Гарет Линли пришли в шесть, принесли новые свечи, вымыли комнаты и окурили их благовониями. Я ушел в восемь. Гарет остался. Убратся в спальне, – добавил он.

– А ты вообще был в спальне королевы? – Я решил брать быка за рога.

– Нет, сэр, туда входил только Гарет Линли. – (Я снова заметил в голосе Адриана нотку высокомерия.) – Лишь одному пажу позволено входить туда вечером, и была не моя очередь.

– То есть двое пажей каждый день в течение двух часов делают уборку?

– Да, это входит в наши служебные обязанности. Мы должны также следить за галереей королевы и кормить там птиц.

Мне не нравился этот наглый юнец, и я холодно сказал:

– Может быть, это не всегда занимает столько времени? Подозреваю, что иногда вы присаживаетесь и отдыхаете, да?

– Как и все слуги, сэр.

– И мальчики любят трогать чужие вещи... Ты, может быть, помнишь: не столь давно один из пажей уже украл что-то у королевы. И его приговорили к повешению.

Рассел вытаращил глаза и начал громко возмущаться:

– Сэр, я бы никогда такого не сделал! Я из приличной уважаемой семьи... Я ничего не крал, клянусь!

– Ну, это ты так говоришь. А ты видел кого-нибудь еще, когда был там? Или вообще заметил что-нибудь необычное?

– Нет, сэр.

– Подумай, Адриан. Подумай хорошенько. Вор мог поменять некие предметы местами, сдвинуть что-то...

– Нет, сэр. Клянусь. Я бы сказал вам, если бы увидел хоть малейший беспорядок.

Молодой Рассел беспокойно потирал руки – его мальчишеская заносчивость быстро испарилась. Вряд ли этот молокосос мог оказаться замешан в похищении рукописи. Уже более мягким тоном я подробно расспросил парня о его передвижениях, а затем сказал, что он может идти. Адриан с облегчением стремглав вылетел из комнаты.

Второй паж, Гарет Линли, был напуган: я сразу это понял. Он был того же возраста, что и Рассел, высокий и худой, с длинными, аккуратно причесанными волосами. Я предложил ему сесть и спросил о его обязанностях в спальне.

– Я вхожу туда, ставлю новые свечи в подсвечники, кладу свежее белье на сундук, а потом меняю в вазах цветы и раскладываю в комнате свежие травы и лепестки. Кормлю Рига, собаку королевы, если он там, но в тот вечер спаниеля не было. Я, конечно, не притрагиваюсь к постели ее величества – это дело горничных. В тот день, если не ошибаюсь, дежурной горничной была Мэри Оделл.

Я кивнул:

– Значит, ты кладешь белье на сундук. Тебе известно, что в нем хранятся ценности?

– Клянусь, сэр, я не притрагивался к сундуку! Полагаю, он был заперт.

– Ты когда-нибудь проверял, закрыт ли замок?

– Никогда! – заверил меня юноша. – Я глубоко предан ее величеству. – Он возвысил голос, и я снова уловил в нем нотку страха.

Тогда я принял более дружелюбный тон:

– Ты не заметил чего-нибудь необычного в комнате в тот вечер? Может быть, с сундуком что-то было не так?

– Нет, сэр. Уже темнело. Я принес лампу. – Паж нахмурился. – Но если бы с сундуком вдруг что-то было не так, я бы наверняка это заметил. В ту неделю я клал туда белье каждый вечер.

– А ты когда-нибудь видел украденный перстень?

– Нет. Мне говорили, что королева иногда носит его на пальце, но, когда она проходит мимо, я всегда низко кланяюсь, так что никогда его не видел.

– Очень хорошо. – Похоже, Гарет Линли говорил правду, однако он, я был уверен, боялся чего-то более серьезного, чем мои вопросы о пропавшей драгоценности. – А ты сам откуда родом, мальчик? – непринужденно поинтересовался я. – У тебя северный выговор.

Мой вопрос, похоже, еще сильнее встревожил юношу: его глаза забегали.

– Из Ланкашира, сэр, – ответил он. – Моя мать была когда-то фрейлиной Екатерины Арагонской, которая и пожаловала нашей семье земли. Кроме того, моя матушка знала родительницу нынешней королевы, покойную леди Парр.

– И таким образом ты получил свою должность? Пользуясь влиянием матери?

– Да, сэр. Она написала лорду Парру, спросила, не найдется ли для меня место при дворе. – Дыхание Линли заметно участилось.

– Твои родители еще живы?

– Только мать, сэр, – сказал юноша и немного помолчал в нерешительности. – Десять лет назад, после Северного восстания¹⁶, отца посадили в Тауэр, и он умер там.

Я сосредоточенно обдумал эту информацию. Парень, чья мать служила Екатерине Арагонской и чей отец принимал участие в Северном восстании...

– Значит, история твоей семьи может заставить задуматься о твоих религиозных предпочтениях, – медленно проговорил я.

И внезапно Гарет полностью сломался. Он чуть ли не кубарем скатился со своего кресла и рухнул на колени, в отчаянии сжав руки.

– Это неправда! – воскликнул он. – Клянусь, я не папист, я верно следую королевским заповедям! Я постоянно говорю это всем. Ах, если бы меня только оставили в покое...

– Встань, – ласково сказал я, жалея, что довел парнишку до такого состояния. – Сядь обратно в кресло. Я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред. Ты сказал: «Я постоянно говорю всем». Кому это всем?

Паж отчаянно замотал головой – по щекам его текли слезы.

– Давай, Гарет! – подбодрил я его. – Если ты не совершил ничего дурного, то и опасаться нечего. А если даже совершил – и признаешься, – королева будет милостива.

Мальчик издал долгий прерывистый вздох:

– Я ничего не сделал, сэр. Но, как вы говорите, из-за прошлого моей семьи все думают, что я из тех, кто шпионит за реформаторами. Хотя лорд Парр и королева знают, что моя семья лишь хочет жить тихо и верно служить ей. Но после того как я поступил во дворец... – Он опять замялся в нерешительности. – В общем, один человек подходил ко мне, дважды, и спрашивал,

¹⁶ Имеется в виду так называемое «Благодатное паломничество» – произошедшее в 1536 г. крупное восстание, начавшееся в Йорке, а затем перекинувшееся на всю Северную Англию.

не соглашусь ли я следить за королевой, подмечать всякие мелочи и сообщать их тем, кто, по его словам, служит истинной вере. Я отказался, клянусь...

Юноша уставился на меня, и вид у него при этом был жалкий. Его лицо распухло от слез, и я вдруг понял, как выгляжу в глазах невинного мальчика, ступившего в эту позолоченную, прекрасную выгребную яму.

– Ты доложил об этом вышестоящим? Лорду Парру?

– Нет, сэ, я не посмел. Тот человек, он... напугал меня.

– Когда это случилось?

– Как только я поступил на службу, прошлой осенью. А потом это повторилось снова, в апреле, когда началась охота на еретиков.

– Оба раза к тебе подходил один и тот же человек?

– Да, и я не знаю, кто он такой и откуда взялся. Я поделился с одним из пажей, и тот сказал, что такое бывает, когда впервые появляешься при дворе, и если хочешь уберечь свою шкуру, то лучше всего отказаться. Мой товарищ пояснил, что обычно подсылают кого-нибудь неизвестного во дворе, допустим слугу кого-то из влиятельных персон.

– Этот человек не назвал тебе своего имени?

– Нет, сэ. Сперва он подошел ко мне на улице. А во второй раз ждал меня возле дома, в котором я бываю. Что-то в его лице напугало меня. – Мальчик потупился, стыдясь своей слабости.

– Можешь его описать?

Линли снова поднял на меня глаза и покорно начал перечислять приметы:

– Лет двадцати пяти, худой, но жилистый и сильный. Одежда на нем была дешевая, но говорил он как джентльмен. Помню, что у него не хватало половины уха, как будто ему отрубили его в бою. – Гарет содрогнулся.

Сердце мое ёкнуло. Отрублено пол-уха, как и у одного из тех, кого спугнул Элиас, когда злоумышленники в первый раз пытались проникнуть в типографию. Я постарался не выказать своего возбуждения, а паж продолжил:

– Оба раза он говорил, что если я соглашусь шпионить за королевой, то заслужу благодарность очень значительной персоны, что этот человек щедро наградит меня и поможет сделать карьеру при дворе.

– Что ж, весьма заманчивая перспектива, – заметил я.

– Нет, меня это не привлекает. – Гарет отчаянно замотал головой. – Теперь я хочу лишь одного: как можно скорее убраться отсюда.

– Ты правильно сделал, что сказал мне. – Я попытался успокоить юношу. – Тебе нечего бояться. Скажи, а потом, после того как ты отказал этому человеку во второй раз, ты видел его снова?

– Нет, сэ, более уже никогда. Видимо, он понял, что искушать меня бесполезно, и отступил. Я бы хотел уехать домой, к своей семье, сэ, – добавил парень упавшим голосом. – Доброе имя дороже всего.

– Думаю, это можно устроить.

Гарет шелковым рукавом вытер лицо. Я мог только посочувствовать его слабости. Окажись я сам на его месте в этом возрасте, моя реакция, вероятно, была бы точно такой же. Я отпустил юношу и, оставшись в одиночестве в кабинете лорда Парра, подумал: «Наконец-то появилась хоть какая-то ниточка!»

Глава 11

Мэри Оделл оказалась белокурой женщиной чуть за тридцать, высокой и полной. На ней было черное шелковое платье, а на светлых волосах – шляпка со значком королевы. Черты лица ее отличались мягкостью, и во всем ее облике сквозило что-то материнское, хотя она и не носила обручального кольца. Зеленые глаза Мэри смотрели остро и настороженно. Я встал и, поклонившись, предложил даме сесть. Она села, сложив руки на коленях, и стала с любопытством и, как мне показалось, с некоторым удивлением разглядывать собеседника.

– Сержант Мэтью Шардлейк, – представился я.

– Я знаю, сэр. Королева рассказывала о вас. Она считает вас честным и очень умным человеком.

Я почувствовал, что краснею.

– Простите, что побеспокоил вас, миссис Оделл, но я должен поговорить со всеми, кто был в покоях королевы в тот вечер, когда украли перстень.

– Разумеется. Ее величество просила меня всячески помогать вам, сэр.

– Лорд Парр говорит, что вы уже какое-то время служите горничной и являетесь подругой королевы.

– Мы состоим в родстве. Я знала ее величество еще до того, как она стала королевой. – Мэри Оделл чуть заметно улыбнулась, искренне и весело, как часто улыбалась сама королева в более счастливые дни. – Хорошо быть в подчинении у человека, достигшего такого высокого положения. – Она немного помолчала, а потом продолжила уже серьезным тоном: – Но моя преданность ее величеству гораздо глубже, чем просто благодарность за должность при дворе. Она дарит мне свое доверие и дружбу, и я готова умереть за нее: поверьте, это не просто слова. – Миссис Оделл глубоко вздохнула. – Королева рассказывала мне о многом, что случилось в последние месяцы. О своих... бедах.

– Понимаю.

«Но уж конечно, Екатерина не рассказывала верной Мэри о „Стенании грешницы“. Это было бы слишком опасно», – подумал я.

Оделл с лукавым видом посмотрела на меня:

– Королева, похоже, очень огорчена утратой перстня. Она любила милую Маргарет Невилл, но, кажется, как-то уж слишком подавлена пропажей.

Я понял, что эта умная женщина догадывается, что тут замешано нечто большее, чем исчезновение драгоценности, но не стал комментировать ее слова.

– Насколько я знаю, в тот вечер была ваша очередь работать в качестве горничной. И – прошу меня извинить – иногда вы делите с королевой постель.

– Да, бывает. Ради компании, когда моя госпожа чувствует себя одинокой или расстроенной.

– Не могли бы вы рассказать мне, что случилось, когда вы пришли приготовить королеве спальню? Возможно, в тот вечер вы увидели или услышали что-то не совсем обычное? Уверю вас, любая мелочь может оказаться полезной.

Мэри кивнула, словно одобряя, что я перешел к сути дела:

– Я занимаю две комнаты в апартаментах у ворот. В тот вечер я вышла оттуда, пожалуй, минут на десять раньше обычного, почти в девять. Я чувствовала себя усталой и хотела поскорее выполнить свои обязанности и уйти. Я пересекла двор и попала в покои ее величества. Обычно пажи убираются в комнатах, а потом я вхожу, чтобы приготовить постель, убедиться, что в спальне все в порядке, и выложить ночную рубашку королевы и расчески.

– Значит, перед этим один из пажей всегда убирает в спальне?

– Да.

– А насколько эти пажи послушны и добросовестны? Мальчишки ведь склонны к проказам.

– Пару раз я видела, как они играли в карты в галерее ее величества, и доложила об этом гофмейстеру, но они не осмелятся на какую-нибудь серьезную шалость в покоях королевы. В тот вечер пажи довольно хорошо выполнили свою работу. Один из стражников предупредил меня, что ее величество у короля. Иногда по возвращении королева любит поговорить со мной, поэтому, уходя обратно к себе, я сказала ему, что приду, если во мне вдруг возникнет нужда. А в целом, сержант Шардлейк, это был совершенно обычный вечер. Никаких происшествий или отклонений от заведенного порядка. Разве что... – Дама наморщила нос. – В спальне был какой-то неприятный запах. Совсем слабый, еле уловимый.

– Какой именно запах?

– Прошу прощения, запах нечистот. Я подумала, что это с реки, и закрыла окно. Потом взяла лампу и внимательно осмотрела комнату, но ничего не заметила. Как я сказала, запах был очень слабый.

– А как насчет личного сундука королевы? Того самого, где хранился перстень? Не заметили ли вы чего-нибудь необычного?

– Как обычно, паж сложил на сундук белье. Все как полагается, никаких нарушений протокола. – Одедл помолчала, а потом проговорила с чувством: – Я бы очень хотела помочь вам, сэръ, учитывая, как опечалена королева. Но и правда ничего такого не было.

– Вы когда-нибудь заглядывали в этот сундук?

– Несколько раз. Иногда королева при мне доставала оттуда свои драгоценности или неоконченное письмо. – Голос горничной стал печальнее. – Но не в последние месяцы. В последнее время ее величество, похоже, не хотела, чтобы я заглядывала туда. Она всегда носила ключ на шее. И теперь так убивается из-за какого-то кольца.

Я почел за благо отвлечь Мэри, хотя для этого пришлось прибегнуть ко лжи:

– Иногда, когда некоторое время находишься в напряжении, как, я знаю, было с королевой, какая-нибудь не слишком серьезная неприятность, вроде пропажи перстня, подаренного любимым человеком, может выбить из колеи, лишит душевного равновесия.

Моя собеседница кивнула:

– Это правда. – Однако она все-таки бросила на меня проницательный взгляд.

– Значит, вы совершенно уверены, что ничего необычного в тот вечер не заметили?

Мэри Одедл крепко задумалась, а потом сказала:

– Кроме запаха, который быстро пропал, была только одна мелочь – такая незначительная, что я даже не знаю, стоит ли говорить о ней.

– Какая? – Я подался вперед за столом лорда Парра. – Любая деталь может оказаться полезной.

– Я сказала вам, что пришла из своих комнат. Вы уже заметили, сколько охраняемых дверей нужно пройти в этом дворце – при входе в помещение стражи, в приемную и так далее. Когда наступает моя смена, меня всегда включают в список. Иногда какой-нибудь новый стражник спрашивает, кто я такая, проверяет, есть ли я в перечне, и делает пометку против моего имени. Я никогда не возмущаюсь и не жалуюсь: это их обязанность. Но в апартаментах королевы почти все стражники знают меня, и они просто отмечают мое имя, когда я прохожу. В тот вечер у двери в личные покои ее величества стоял охранник, которого я часто там видела, его зовут Захария Годжер. К моему удивлению, он остановил меня и сказал, что меня нет в списке. Я велела стражнику прекратить глупости, но ему пришлось дважды просмотреть список, прежде чем он нашел мое имя и пропустил внутрь. И еще: Годжер говорил громким, грозным голосом, не так, как подобает беседовать с леди моего положения. – В тоне горничной проскользнуло негодование. – Я даже подумала, уж не пьян ли он, но от него не пахло

спиртным, да и начальник охраны, прежде чем допустить людей к дежурству, всегда лично проверяет, что стражники трезвы, а их обмундирование и оружие в полном порядке.

– Это звучит действительно странно, – согласился я. – Надо будет обсудить с лордом Парром. – Я встал и поклонился. – Благодарю вас за то, что уделили мне время.

Миссис Оделл тоже поднялась:

– Меня просили провести вас в личную молельню ее величества. Там вы встретитесь с королевой. Насколько я понимаю, вы должны поговорить с дурочкой Джейн?

– Да, это так.

И снова чуть заметная лукавая улыбка, как у королевы Екатерины.

– Желаю вам удачи, сэр.

С этими словами дама открыла дверь, и я пошел вслед за ней.

Мы направились по коридору. В воздухе благоухало розами и лавандой – аромат исходил от лепестков, разложенных на стенных панелях. Через открытую дверь в конце коридора я заметил бесконечно длинную, ярко раскрашенную галерею с высокими стенами и птиц в клетках, издававших приятный щебет. Галерея королевы, предположил я.

Мэри Оделл постучала в боковую дверь и, не дожидаясь ответа, предложила мне войти. Я оказался в помещении, где ее величество возносила молитвы. Обстановка здесь была безупречно ортодоксальной – на стенах богатая роспись, как повсюду во дворце, алтарь покрыт вышитым холстом, а в нишах горят свечи. Королева позаботилась, чтобы в ее личной молельне не было никаких видимых признаков Реформации, которые враги могли бы использовать против нее.

Мэри обернулась в дверях:

– Королева и Джейн скоро будут.

– Спасибо, миссис Оделл.

Неожиданно горничная наградила меня обаятельной улыбкой:

– Я знаю, что вы сделаете все, чтобы помочь королеве. Да поможет вам Бог в ваших усилиях, сержант Шардлейк!

– Вы очень добры.

Дама удалилась, шурша шелковыми юбками, и я остался один. Вдали еле слышались голоса – обычный дворцовый гул. Я подумал, что наконец-то обнаружил хоть какие-то зацепки. Человек с половиной уха, участвовавший в первом покушении на Грининга, был связан с кем-то наверху, да и странный эпизод с Мэри Оделл и стражником также нужно расследовать... Даже этот необычный запашок стоит внимания. А теперь мне снова предстояла встреча с королевой. Я посмотрел на одну красную свечу в нише и на мгновение ощутил странное чувство удовлетворения.

Циновка была такой толстой, что я не услышал приближающихся шагов и вздрогнул, когда дверь отворилась. Вошли четыре женщины, но королевы Екатерины среди них не было. Две дамы были молоды, в роскошных платьях с длинными рукавами, наверняка фрейлины... А две другие, вдруг понял я, были знакомы мне по огромному портрету короля и его семьи. Одна из них, несомненно, была самой леди Марией, старшей дочерью Генриха. А позади нее маячила в дверном проеме вторая женщина, маленькая и круглолицая: я догадался, что это, должно быть, и есть дурочка Джейн. Шутиха привела с собой жирную белую утку на кожаном поводке.

Джейн стояла отдельно от других и отличалась сравнительно простым платьем, хотя ее серая накидка с высоким воротником и белый чепец были сшиты из самой лучшей материи. Голубые глаза дурочки быстро обежали молельню и уставились на меня, бессмысленно и испуганно. Рядом с нею, такая же невысокая, но облаченная в роскошные одежды, стояла и с цар-

ственной властностью рассматривала меня леди Мария. Я поклонился чуть ли не до самого пола, и мое сердце бешено заколотилось.

– Выпрямитесь, мастер законник. – Голос дочери Генриха VIII оказался звучным и на удивление низким.

Я взглянул на наследницу короля. Мне было известно, что дочь Екатерины Арагонской была намного старше леди Елизаветы и принца Эдуарда; Марии уже исполнилось тридцать лет, однако ее узкое, с тонкими чертами лицо казалось еще старше. Темно-рыжие волосы прикрывал усыпанный бриллиантами круглый арселе, а зеленая мантия была расшита гранатами – распространенный узор, но также и эмблема ее давно умершей матери, отвергнутой супругом ради Анны Болейн. Маленькие изящные руки Марии играли золотым ароматическим шариком на поясе.

– Простите, миледи, – сказал я, – я не предполагал...

Принцесса кивнула и улыбнулась – вежливой улыбкой, хотя ее темные глаза смотрели холодно и настороженно. Несмотря на свои спокойные манеры, она показалась мне человеком, который привык всю жизнь держаться начеку. Леди Мария взмахнула рукой:

– Я знаю, вы ожидали королеву. Но мой отец позвал ее посидеть с ним немного. Когда пришла Мэри Оделл, чтобы забрать Джейн, та была со мной, и я сказала, что могу сопровождать ее вместо королевы. – Она насмешливо посмотрела на меня. – Полагаю, вам поручили расследовать пропажу перстня из сундука Екатерины?

– Совершенно верно, миледи. Меня попросил заняться этим лорд Парр.

Мария сделала движение своими худенькими плечами – как будто пожалала ими.

– Я что-то смутно слышала об этом. Но в последние дни я была занята надзором за строительством своих новых апартаментов. – В ее голосе проскользнула нотка гордости. – Как видите, я привела с собой двух фрейлин, для соблюдения правил приличия. – Она не представила своих спутниц, но продолжала обращаться ко мне: – Я удивлена, что бедняжку Джейн будут допрашивать. – Мария с нежностью посмотрела на маленькую женщину.

А та бросила на нее умоляющий взгляд и проговорила тонким голоском:

– Я не сделала ничего дурного, миледи.

Я задумался, в самом ли деле Джейн такая тупая и пугливая или же просто притворяется, и не смог ответить на этот вопрос. В ее круглом, как луна, лице было нечто необъяснимо странное – то ли потому, что ум этой женщины работал не так, как следует, то ли потому, что она была искусной актрисой. А может быть, имело место и то и другое одновременно.

– Так пожелала королева, – сказал я, – потому что Джейн, – мне казалось, что здесь было принято называть шутиху христианским именем, – была среди четверых человек, кто входил в спальню ее величества в тот вечер, когда пропал перстень. Вас ни в чем не подозревают, – успокоил я дурочку. – Просто мне нужно знать, не заметили ли вы чего-нибудь необычного...

Меня прервал неожиданно резкий голос леди Марии:

– Я требую, чтобы вы задавали все вопросы Джейн через меня, сэр, как, я уверена, того пожелала бы и королева. Я не позволю запугивать бедняжку. – Она слегка сдвинула брови, что две ее фрейлины тут же скопировали. Утка натянула поводок, желая обследовать травы в углу.

– Тогда я прошу вас, миледи, узнать у Джейн, зачем она приходила и что, может быть, видела, когда вошла в личные апартаменты королевы шестого июля.

– Ну, Джейн, – ободряющим тоном проговорила леди Мария, – ты помнишь что-нибудь?

Прежде чем ответить госпоже, дурочка бросила быстрый взгляд на меня.

– Я хотела показать королеве, что научила Утю новому трюку – искать травку, которую я спрятала. Но фрейлины не пустили меня в покои, сказали, что ее величества там нет. – И вдруг Джейн, к моему удивлению, по-детски топнула ногой и закричала: – Они часто не пускают меня к королеве, хотя только я могу отвлечь ее, когда она грустит! Она часто грустит в последнее...

Мария подняла руку, и шутиха тут же замолкла.

– Да, – сухо сказала Мария. – Это и впрямь случается часто. А теперь еще поднялся такой шум вокруг пропажи самого обычного перстня.

Мне подумалось, что как Екатерина Парр ни старалась сблизиться с детьми короля и подружить их друг с другом, но, по крайней мере в отношении старшей дочери Генриха, особых успехов она не добилась.

– Этот перстень имеет огромную ценность лично для ее величества, – пробормотал я. – Миледи, если бы Джейн могла сказать, куда именно она заходила...

Мария повернулась к шутихе и терпеливо произнесла:

– Когда ты прошла мимо фрейлин в личные покои ее величества, куда именно ты там заходила? Видела что-нибудь странное?

– Я искала королеву во всех комнатах, – ответила Джейн. – А когда увидела, что ее и вправду там нет, снова вышла. В покоях ее величества никого не было: пажи уже ушли, а Мэри Оделл еще не пришла.

– Значит, все хорошо, – заключила леди Мария тоном, ясно свидетельствующим, что разговор окончен, и дурочка бросила на меня быстрый торжествующий взгляд.

Но я не сдался:

– Не заметила ли она чего-нибудь необычного в спальне? Может быть, нечто, касающееся личного сундука королевы, где та держала перстень и другие драгоценности?

– Нет. Ничего, – ответила Джейн – на мой взгляд, слишком поспешно. – Королева никогда меня к нему не подпускает. Миледи, этот горбун пугает меня!

Мне показалось, что она лжет, и по тому, как изменилось лицо леди Марии, я понял, что та тоже это заметила.

– Королева будет очень благодарна за любые сведения, – рискнул продолжить я.

Принцесса посмотрела на шутиху:

– Не волнуйся, дорогая. Ты же знаешь, что я вижу, когда ты хитришь. Честно скажи этому джентльмену все, что тебе известно, и даю слово: тебе ничего не будет.

Дурочка покраснела и, как ребенок, засунула в рот палец.

– Джейн... – В голос Марии прокралась строгая нотка. – Ну же, говори!

– Это грубо, это нехорошо и неприлично! – выпалила та.

– Что неприлично, Джейн?

Повисла долгая пауза. Наконец шутиха выговорила:

– Когда я вошла в спальню посмотреть, нет ли там королевы...

Я подался вперед.

– Да? – поощрила ее леди Мария.

– Со мной была Утя, и...

– И что?

– Она нагадила на пол.

Я ожидал чего угодно, но только не этого. Так вот, значит, чем объясняется запах!

– Всего лишь небольшое пятнышко дерьма на циновке, – продолжала Джейн. – Я боялась, что гофмейстер прогонит Утю, и потому взяла тряпку и смыла пятно водой из чаши с розовой водой, приготовленной для королевы. Запах трав в комнате был такой сильный, и я подумала, что вони не заметят. И тут же ушла и никому не сказала о происшествии. – Она вдруг дернула утку за поводок и подтащила к себе с такой силой, что могла сломать бедняжке шею, а потом нагнулась и обняла ее. Та, насколько это возможно для неразумной птицы, удивилась. – Не позволяйте этому горбуну сообщить королеве правду, прошу вас! Я люблю Утю.

– Никто ничего не скажет, Джейн, – успокоила ее леди Мария и посмотрела на меня. Ее губы слегка дернулись, и я понял, что эта женщина обладает качеством, о котором я раньше не догадывался, – чувством юмора. – Вы удовлетворены, мастер законник?

– Разумеется, миледи.

– Я позволяю вам доложить лорду Парру о провинности утки, – торжественно произнесла Мария. – Но только при условии, что Джейн не разлучат с ней.

– Разумеется, миледи.

– Тогда мы оставляем вас вашим делам.

Одна из фрейлин помогла шутихе подняться, а другая открыла дверь для леди Марии. Я снова низко поклонился. Они ушли, и утка поковыляла следом на своих желтых перепончатых лапах. Когда я выпрямился, принцесса обернулась, посмотрела на меня и чуть заметно сардонически улыбнулась. Дверь закрылась. Я стоял, потрясенный тем, сколь неожиданный и курьезный оборот приняли события. Хотя действительно ли курьезный? Я невольно подумал, уж не стал ли, часом, просто жертвой искусно разыгранной сцены и не знала ли Джейн больше, чем сказала. Если это и впрямь так, то она просто великолепная актриса. Но у меня не было никаких доказательств, одни лишь подозрения. Шутиха вела себя инфантильно. Но, возможно, именно это и привлекало к ней королеву и леди Марию, двух взрослых женщин, у которых нет и, скорее всего, уже не будет детей. Вполне вероятно, что обе они относились к дурочке с материнским снисхождением, не более того. Но было в Марии Тюдор что-то пугающее, и сердце мое невольно наполнялось страхом при мысли, что «Стенание грешницы» могло оказаться в ее руках. Я оставался в молельне, где горели свечи и пахло ладаном. Прошло полчаса, и свет за окном уже начал меркнуть, когда дверь наконец открылась и вошел лорд Парр. Он хмурил брови.

– Мне сказали, что при встрече с вами Джейн сопровождала леди Мария. Надеюсь, вы никак не намекнули ей на книгу? – Он тревожно посмотрел на меня.

– Ни словом, милорд.

Я рассказал ему абсурдную историю про утку, сообщил о странном происшествии с Мэри Оделл, которую не хотел пускать стражник, а также поведал то, что узнал от пажа про подозрительного человека с отрубленной половиной уха.

Старик кивнул:

– Я осторожно наведу справки. Человек с изувеченным ухом определенно служит какой-то важной персоне в королевстве...

– Причем этой персоной вполне может быть и женщина.

Лорд Уильям внимательно посмотрел на меня:

– Вы имеете в виду леди Марию? Полагаете, что это она могла в тот вечер послать дурочку Джейн украсть рукопись?

– Мы должны удостовериться, что королева ни словом не проговорила шутихе о книге.

Парр покачал головой:

– Джейн всегда выглядела сущей идиоткой.

– Возможно. Однако ее речь, хотя и детская, льется вполне свободно. А перед дурочкой разумный человек иногда может оказаться... э-э-э... недостаточно осторожен.

Мой собеседник кивнул, признавая это, но все же сказал:

– Королева точно не проговорила бы. Во всяком случае, об этом. И как я уже упоминал, леди Мария в течение последних десяти лет строго следовала воле отца. Тем не менее я поговорю с племянницей насчет Джейн. И в любом случае у нас нет ответа на один важный вопрос: как можно открыть сундук, не оставив никаких следов взлома? Сейчас королева еще у Генриха. Хорошая возможность осмотреть сундук. Пойдемте.

Окно королевской спальни выходило на реку. Это была большая светлая комната, тут пахло благовониями, стояли цветы в вазах, а на полу были разбросаны вышитые подушки, чтобы можно было читать лежа. Главное место в помещении занимала кровать с четырьмя столбами, но был также и стол – пустой, если не считать витиеватой чернильницы. Здесь коро-

лева и написала свое «Стенание грешницы». Рядом со столом стоял массивный сундук двух с половиной футов высотой, обитый сверху красно-золотым турецким ковром. На боку две искусно вырезанные нимфы поддерживали тюдоровскую розу. На сундуке не лежало постельного белья – вечерний паж еще не приходил.

Лорд Парр с удивительной для человека его лет гибкостью опустился на колени, и я, заметно медленнее, последовал его примеру. Он постучал по сундуку сбоку, вызвав глухое эхо.

– Самый твердый дуб, – констатировал сэр Уильям. – Все ценности королевы перемещены в другое место.

Я изучил замок на сундуке. Он был маленьким, но очень крепким, врезанным прямо в древесину.

– Никаких царапин ни на металле, ни на дереве вокруг, – заключил я, проведя по нему пальцами. – Его открыли либо ключом, либо очень изощренной отмычкой.

– Я убрал все, что тут лежало, в другое место, – повторил лорд Парр, осторожно открывая пустой сундук.

Я заглянул в него и наклонился, чтобы осмотреть замок изнутри; спина у меня болела после долгого дня. Внутри тоже не обнаружилось никаких царапин.

– Я видел много сундуков для хранения ценностей, – заметил я. – Правда, в моем случае, в основном документов. Часто они имеют два или три замка довольно сложной конструкции.

Парр согласно кивнул:

– Да. Но этот сундук подарила королеве ее покойная мать, и она очень дорожит им.

Я посмотрел на собеседника:

– Но ведь замок, очевидно, новый?

– Да, так и есть. Когда весной начались неприятности, Екатерина заменила замки во всех шкафах и сундуках. Я спросил племянницу, не хочет ли она установить более сложный механизм и здесь тоже, но она ответила, что боится повредить сам сундук. Помню, как Кейт сказала: «Замок крепкий, а ключ всего лишь один, и хранится он у меня, так что оснований беспокоиться нет». Разумеется, – добавил сэр Уильям с ноткой горечи, – тогда я не знал, что лежит внутри.

– А кто изготовил новый замок? – спросил я. – Мастер ведь вполне мог сделать и еще один ключ.

Лорд покачал головой:

– Да, подобный вывод напрашивается сам собой. Но этот замок, как и все новые замки, сконструировал личный мастер королевы. Это очень надежный человек, он работает во дворце в течение вот уже двенадцати лет, а на такой должности не держат того, кто не заслуживает доверия.

– Вы допросили его?

– Нет еще. Поскольку, опять же, подумал, что это лучше оставить вам. Но я не считаю этого человека вероятным подозреваемым.

– Тем не менее он, очевидно, попадает под подозрение. Где я могу увидеться с мастером?

– Он работает в замке Бэйнардс. Думаю, вы могли бы поехать туда и допросить его. И заодно поговорить с придворным вышивальщиком о той манжете. Правда, завтра воскресенье, так что их там не будет, придется отложить до понедельника. Это досадно, но зато у вас есть целый день, чтобы отдохнуть и все хорошенько обдумать.

– Спасибо.

Я был благодарен старику за заботу, но он продолжил:

– Что нам действительно нужно – так это найти специалиста по замкам. Кого-нибудь не из дворца. – Мой собеседник приподнял брови. – Ваш помощник Джек Барак известен своим опытом в таких делах. С тех пор, как его взял на службу лорд Кромвель.

Я глубоко вздохнул. Значит, лорд Парр наводил справки насчет Барака. Опыт моего помощника в таких делах был полезен много лет, и все же...

– Я бы лучше не привлекал его, – тихо проговорил я.

– Это может помочь королеве, – настаивал сэр Уильям. – Бараку не обязательно знать, в чем дело, более того, он даже не должен этого знать. Мы будем и далее придерживаться истории с перстнем. Но теперь сундук пуст, я могу послать его в замок Бэйнардс, и пусть Барак взглянет на него там в понедельник.

– Но он не считает себя большим специалистом...

Лорд Парр сурово посмотрел на меня:

– Он прекрасно разбирается в замках. И имеет опыт в том, что связано с... э-э-э... работой королевского хозяйства.

Я снова глубоко вздохнул:

– Я поговорю с Бараксом завтра, посмотрю, что он скажет...

– Хорошо, – кивнул Парр и решительно продолжил: – В понедельник в девять будьте в замке Бэйнардс. Сможете осмотреть замок, поговорить с мастером, который его изготовил, а также и с вышивальщиком. Я обеспечу, чтобы Уильям Сесил тоже там присутствовал, он доложит вам, что ему удалось выяснить про этих религиозных фанатиков. – Парр потер руки. – Мы потихоньку продвигаемся.

– Но есть еще один важный момент, – сказал я. – Тот человек, у кого сейчас рукопись, может в любой момент ее опубликовать.

– Знаю, – раздраженно ответил лорд Уильям. – Каждый день я боюсь, что кто-то передаст ее королю. Или что какой-нибудь папист отнесет рукопись в типографию, чтобы напечатать ее и потом раздавать на улицах. Это ведь небольшая книжка, уже можно было бы изготовить множество экземпляров. – Он покачал головой. – И все же день идет за днем, но ничего не происходит. Кто-то явно ее прячет. Но зачем? – Лорд Парр вдруг показался мне старым и усталым. Он осмотрел спальню, а потом встал, хрустнув коленями. – Скоро придет вечерний паж, так что нам нужно идти. Отдохните завтра, мастер Шардлейк, у нас еще много работы.

Глава 12

Юристы с супругами выходили из часовни Линкольнс-Инн медленно и важно, как всегда после службы: мужчины в черных камзолах, женщины в своих лучших летних платьях. Я тоже наслаждался июльским солнцем. Утро выдалось свежим, так как ночью разразилась гроза, пробудив меня от тяжелого сна. Ну что же, дождь не повредит урожаю. А теперь мне предстояло выполнить свое обещание и зайти к Стивену Билкнэпу. Когда я направлялся вдоль часовни, ко мне подошел казначей Роулэнд с застывшей улыбкой на узком лице.

– Доброе утро, сержант Шардлейк, – бодро проговорил он. – Прекрасная нынче была служба.

– Да, мастер казначей. Поистине.

На самом деле я почти не слушал проповедь, хотя сегодня была годовщина со дня трагедии «Мэри Роуз». Мне следовало молиться за упокой души моих друзей и сотни других людей, которые тоже погибли тогда, хотя я больше и не был уверен в существовании Бога, который бы выслушал меня. Но даже в это воскресенье я не мог отвлечь свои мысли от «Стенания грешницы».

Роулэнд склонил голову набок, как пытливая ворона:

– Во время службы вы показались мне несколько утомленным. Надеюсь, это не результат присутствия на сожжении.

– У меня сейчас много дел, – не очень любезно ответил я.

– Что же, Линкольнс-Инн очень благодарен вам за то, что вы любезно согласились выступить в пятницу от лица нашей корпорации. А в следующем месяце планируются новые публичные мероприятия, где вы сможете представлять нас снова.

– Вот оно как... – медленно проговорил я в страхе.

– Да нет же, не экзекуции, а, наоборот, празднества, – кисло улыбнулся казначей. – Это пока что конфиденциальная информация. Но будет чудесно это увидеть. – Он кивнул, коротко поклонился и ушел.

Я посмотрел ему вслед. В следующем месяце... Даже завтрашний день теперь казался мне чем-то очень-очень далеким. Я выбросил Роулэнда из головы, и без него было о чем подумать.

Медленно, размышляя о своем деле, я пересек двор. Из всего сказанного вчера лордом Парром я, образно выражаясь, выделил три путеводные нити в большом запутанном клубке. И теперь мне предстояло ответить на несколько вопросов. Зачем человек с поврежденным ухом пытался проникнуть в бедную лачугу Грининга *до того*, как рукопись королевы была украдена? Каким образом кому-то удалось залезть в сундук, не оставив никаких следов, если единственный ключ висел на шее у Екатерины Парр? Мог ли замочный мастер сделать второй ключ? И еще: кто же такой этот Джурони Бертано, который так напугал подмастерье Элиаса? По звучанию имя напоминало испанское или итальянское, и я задумался, не будет ли слишком рискованным проконсультироваться на сей счет у Гая.

Я чуть не споткнулся о вывороченный из мостовой булыжник и сердито пнул его. Правильно ли я сделал, дав вовлечь себя в дело, которое запросто может оказаться смертельным? В голове один за другим проносились образы: рыдающий паж, рассказывающий о человеке с изувеченным ухом, который пытался завербовать его в шпионы; дурочка Джейн, дергающая за поводок свою утку; суровое лицо Марии Тюдор... Я понимал, что, если «Стенание грешницы» будет опубликовано, я окажусь в страшной опасности, так же как и королева с лордом Парром. И в придачу все те, кто работает вместе со мной, помощники вроде Николаса Овертона. Я видел, как сегодня во время службы он стоял на другом краю часовни с прочими клер-

ками, на голову возвышаясь над большинством из них. Николас выглядел немного помятым, как это часто случалось с ним по воскресеньям.

У меня был лишь единственный способ защитить своих работников – сделать так, чтобы они знали как можно меньше правды. Ради этого по пути в церковь нынче утром я сделал крюк и зашел к Джеку и Тамазин. Но отменить приказ лорда Парра было не в моих силах.

Когда я пришел к своим друзьям, Джейн Маррис впустила меня и пошла будить Барака и его жену, которые еще спали. Мне было неловко сидеть в гостиной, слушая, как они копошатся наверху, одеваясь и раздраженно ворча. Джейн спустилась, держа на руках Джорджа. Он, хныча, посмотрел на меня печальными заплаканными глазенками. Женщина отнесла его на кухню, и я услышал, как она начала там готовить завтрак.

Наконец появились Джек и Тамазин. Я встал:

– Прошу прощения, что побеспокоил вас в такую рань.

Миссис Барак улыбнулась:

– Нам уже в любом случае пора было вставать. Вы позавтракаете с нами?

– Спасибо, я уже поел. Как ты себя чувствуешь, Тамазин?

– Тошнота как будто прошла, слава богу.

– Вот и хорошо. Я ненадолго, мне нужно в Линкольнс-Инн, в церковь.

– Мы в этом отношении не утруждаем себя больше необходимого, – хмыкнул Барак.

– Вы можете себе это позволить, а вот если я слишком долго не буду появляться в церкви, это сразу заметят, – сказал я. – Кроме того, я обещал навестить Билкнэпа. Говорят, он при смерти.

– После всего того, что он вам сделал, нужно оставить Билкнэпа гнить, – заявил мой помощник. – Вы слишком мягкотелы и добросердечны.

Тамазин согласно кивнула:

– Это худший из людей, он не заслуживает вашего сострадания.

– Ну а мне, признаюсь, любопытно, что же Стивен хочет сказать мне.

– Любопытство сгубило кошку, сэр, – заметила Тамазин.

Я печально улыбнулся:

– У кошки девять жизней, и, похоже, я использовал еще не все. Джек, можно тебя на пару слов? Это касается... работы.

Супруги обменялись понимающими взглядами. Возможно, они, как и Роулэнд, заметили на моем лице следы утомления.

– Мне нужно присмотреть за Джорджем, – пояснила Тамазин. – У малыша режутся зубки. Ему надо дать пососать куриную косточку.

Когда она вышла, помощник бросил на меня пронизательный взгляд:

– Молодой Николас был вчера очень подавлен. Он не сообщил, где вы были, сказал, что вы запретили говорить. У меня такое впечатление, что вы его как следует отчитали. Думаю, парню это только на пользу.

– Извини, что взвалил на тебя так много дел, – вздохнул я.

– Я разберусь с ними за несколько дней. Запрягу Николаса. Как я сказал, он держится непривычно скромно. Совсем на него не похоже. – Барак приподнял бровь; он догадывался: что-то грядет.

Я набрал в грудь побольше воздуха:

– Джек, боюсь, что я вляпался в одно... деликатное дело. Меня привлек Уильям Парр, лорд-камергер королевы.

Мой собеседник нахмурился, явно пребывая в замешательстве, а потом заговорил, довольно сердито:

– И что вас вечно тянет туда? Учитывая, какие слухи ходили о королеве в последние месяцы, любой разумный человек предпочел бы оставаться в стороне!

– Теперь уже поздно говорить. Дело касается украденного драгоценного камня. Итак, ложь была произнесена.

Барак помолчал, а затем тихо промолвил:

– Вам нужна моя помощь? В другое время я бы с удовольствием, но сейчас... – Он посмотрел на дверь.

«Да уж, – подумал я. – У него маленький ребенок, и Тамазин ждет второго». Я прикусил губу и осторожно произнес:

– Там есть один небольшой аспект, в котором ты мог бы оказать помощь. Это не я предложил, мысль пришла лорду Парру. Извини.

– Я все еще пользуюсь репутацией в определенных кругах? – Голос Джека звучал удивленно, но в нем слышалось и удовлетворение.

– Похоже на то. В общем, в Уайтхолле украли драгоценный перстень из крепкого сундука с надежным замком. От него есть лишь один-единственный ключ, который владелец постоянно носил на шее, и на замке не обнаружилось никаких следов взлома.

– Вы видели этот сундук?

– Да. Вчера я провел в Уайтхолле изрядное количество времени.

– А перстень-то чей? – напрямик спросил Барак. – Королевы?

– Я не должен этого говорить. Сундук отвезли в гардероб ее величества в замке Бэйнардс, чтобы завтра в девять мы осмотрели его. Ты сможешь прийти туда вместе со мной и сказать, что думаешь по этому поводу?

Джек посмотрел на меня долгим серьезным взглядом:

– И это все, что от меня требуется?

– Да.

– С моей стороны возражений нет. Но если Тамазин хоть на секунду подумает, что я снова ввязался во что-то опасное, она... – Барак покачал головой. – В общем, Тамми выйдет из себя. И будет абсолютно права. – Он вздохнул. – Однако если такова воля камергера королевы...

– Да. И я обещаю, что не допущу, чтобы тебя впутывали дальше.

– Я почувствовал что-то неладное по вашему лицу, когда спустился. И Тамазин тоже. Вы сказали, у кошки девять жизней... Что ж, это уже вполне может оказаться ваша девятая. Да и моя тоже.

– Но не могу же я отказать королеве.

– То есть все дело в украденном перстне? – Помощник искоса взглянул на меня. – Если так... В любом случае я приду. И не скажу Тамазин, хотя мне это не нравится.

– Да, это нужно держать в тайне.

Барак кивнул, после чего снова серьезно посмотрел на меня:

– Но помните: жизней только девять.

«Ну до чего же неприятно обманывать друга...» – думал я, подходя к конторе Билкнэпа, расположенной примерно напротив моей. Тут сзади послышался голос: кто-то окликнул меня. Я раздраженно обернулся – ну что там еще? – и, к своему удивлению, заметил Филиппа Коулсвина, которого в последний раз видел на сожжении, адвоката, отстаивающего интересы брата Изабель Слэннинг.

Я приподнял головной убор:

– Брат Коулсвин, дай вам Бог доброго дня! Вы не были на службе в Грейс-Инн?

– Я хожу в свою местную церковь, – ответил мой коллега несколько скованно.

«Не иначе, к какому-нибудь радикально настроенному викарию», – подумал я.

– Я пришел сюда после службы, так как хотел с вами поговорить, – произнес тем временем Филипп.

– Очень хорошо. Зайдемте ко мне? Это совсем рядом. Хотя у меня назначена другая встреча... – Я взглянул на закрытое ставнями окно Билкнэпа. – К сожалению, я не могу задерживаться надолго.

– Это не займет много времени.

Мы пошли ко мне в контору. Я отпер дверь и ввел Коулсвина в свой кабинет, скинул мантию и предложил ему сесть. Он некоторое время помолчал, глядя на меня своими чистыми голубыми глазами, а потом неуверенно сказал:

– Случается, сержант Шардлейк, что дело доходит до той точки, когда полезно конфиденциально побеседовать с представителем противной стороны. – Он снова в нерешительности помолчал. – Во избежание раздувания конфликта между нашими клиентами, что, разумеется, никому не пойдет на пользу.

– Вы имеете в виду дело о завещании? Противостояние миссис Слэннинг и ее брата?

– Да. Когда мы встретились позавчера, сержант Шардлейк, будучи оба вынуждены присутствовать на том ужасном зрелище на Смитфилдской площади... – Филипп пару раз моргнул. – В общем, я тогда подумал: «Вот честный человек».

– Спасибо, брат. Но, строго говоря, честность означает, что мы должны представлять наших клиентов, с какими бы трудностями сие ни было сопряжено. Их интересы всегда должны быть на первом месте.

– Я знаю. Но разве это не по-христиански – погасить конфликт, когда сие возможно?

– Если сие возможно. – Мне невольно вспомнились слова Гая о том, что некоторые ссоры зашли так далеко, что их не уладишь миром. И еще, как Изабель говорила об Эдварде: «Если бы вы только знали, какие ужасные вещи совершил мой брат...» – Но, разумеется, я выслушаю, что вы хотите сказать, – добавил я. – И обещаю: все это останется строго между нами.

– Спасибо. На среду у нас назначен осмотр стены с росписью. Вашему эксперту, конечно же, будет дано задание найти способ снять картину, не повредив ее.

– В то время как ваш, вероятно, скажет, что снять ее в принципе невозможно.

– Мой эксперт – честный человек.

– Как и мой.

– Не сомневаюсь.

Я улыбнулся:

– И все же оба работают, согласно данным им указаниям, за деньги. Боюсь, наиболее вероятный исход – патовая ситуация.

– Да, – согласился Коулсвин. – Такова природа юридической системы. – Он вздохнул. – В результате гонорар, выплаченный экспертам, будет добавлен к счету, сумма издержек увеличится, да и бумажной волокиты тоже прибавится.

– Как там говорится? – криво усмехнулся я. – «Писанины много, а толку мало».

– Да уж.

И тут мой коллега рассмеялся. Думаю, он просто не выдержал неловкого напряжения. От этого лицо Филиппа, до того серьезное, стало совсем мальчишеским, и я обнаружил, что тоже смеюсь. Мы оба замолкли одновременно и с виноватым видом посмотрели друг на друга.

– Мы не можем остановить свару между нашими клиентами, – вздохнул я, – хотя, признаться, я был бы рад избавиться от этого дела. Скажите, между нами, а что, мастер Коттерстоук так же ненавидит миссис Слэннинг, как и она его?

Коулсвин печально кивнул:

– Для Эдварда Коттерстоука высшее удовольствие – рассказывать мне, какая вредная, порочная и злобная женщина его сестрица. И еще он называет ее предательницей, папской католичкой, которая втайне практикует старые обряды. Меня познакомили с ним через наш церковный приход, я сейчас только что от него. – Филипп приподнял брови. – Пытался взывать к его христианскому милосердию, однако все мои обращения остались не услышанными.

Я сочувственно кивнул:

– А миссис Слэннинг постоянно говорит мне, что ее брат – еретик и что она была бы счастлива увидеть его на костре. – Помолчав, я добавил: – И, боюсь, вас тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.